

Р. СКОТТ БЭККЕР

ТЪМА
ПРЕЖНИХ
ВРЕМЕН

КНЯЗЬ ПУСТОТЫ
Книга первая

fanzon

Второй Апокалипсис

Р. Скотт Бэккер

**Князь Пустоты. Книга первая.
Тьма прежних времен**

«ЭКСМО»

2003

УДК 821.111-312.9(71)
ББК 84(7Кан)-44

Бэккер Р.

Князь Пустоты. Книга первая. Тьма прежних времен /
Р. Бэккер — «Эксмо», 2003 — (Второй Апокалипсис)

ISBN 978-5-699-98970-6

Две тысячи лет прошло с тех пор, как явившийся в мир темный Не-бог едва не поверг его в прах. Миновали века, древние ужасы давно позабыты — и только адепты Завета зорко всматриваются в приметы времени, опасаясь возвращения бессмертных слуг Темного Властелина. А в мире действительно происходят события, о причинах которых стоит задуматься. Новый шрайя, церковный глава, созывает, к примеру, всех правоверных на Священную войну против язычников...

УДК 821.111-312.9(71)
ББК 84(7Кан)-44

ISBN 978-5-699-98970-6

© Бэккер Р., 2003
© Эксмо, 2003

Содержание

Тьма прежних времен	6
Пролог	6
* * *	8
Часть I	25
Глава 1	25
Глава 2	38
Глава 3	49
Глава 4	67
Часть II	81
Глава 5	81
Глава 6	99
Конец ознакомительного фрагмента.	101

Р. Скотт Бэккер
Князь Пустоты. Книга первая.
Тьма прежних времен

Шэрон:

пока не было тебя, я не ведал надежды.

R. Scott Bakker

The Darkness That Comes Before

Copyright © 2003 by R. Scott Bakker

© А. Хромова, перевод на русский язык, 2017

© А. Баранов, перевод на русский язык, 2017

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э»»,

2017

Тьма прежних времен

«Я не перестану подчеркивать один маленький факт, неохотно признаваемый этими суеверами, а именно: мысль приходит, когда «она» хочет, а не когда «я» хочу».

Фридрих Ницше. *«По ту сторону добра и зла»*

ТЬМА ПРЕЖНИХ ВРЕМЕН

Пролог Пустоши Куниюрии

«Если понимание приходит лишь после событий, значит, мы ничего не понимаем. Таким образом, можно дать следующее определение души: то, что предшествует всему».

Айенсис. *«Третья аналитика рода человеческого»*

Горы Дэмуа, 2147 год Бивня

От того, что забыто, стеной не отгородиться.

Цитадель Ишуаль пала в разгар Армагеддона. Но не армия безжалостных шранков взяла приступом ее укрепления. Не огнедышащий дракон разбил в щепки ее могучие ворота. Ишуаль была тайным убежищем верховных королей Куниюрии, а никто, даже Не-бог, не может взять в осаду место, о котором ему не ведомо.

За несколько месяцев до того Анасуримбор Ганрел II, верховный король Куниюрии, бежал в Ишуаль вместе с уцелевшими приближенными. Его часовые задумчиво вглядывались со стен в темные леса, раскинувшиеся у подножия гор. Их терзали воспоминания о пылающих городах и обезумевших толпах. Когда над стенами цитадели завывал ветер, они судорожно хватались за равнодушные каменные зубцы: этот звук напоминал им боевые рога шранков. А затем люди принимались шепотом успокаивать друг друга: разве не удалось им уйти от погони? Разве стены Ишуаль не прочнее скал? Где еще, если не здесь, может человек пережить конец света?

Первым мор унес самого верховного короля, как, быть может, то и подобало: здесь, в Ишуаль, Ганрел только рыдал да ярился, как может яриться лишь владыка, лишенный власти. Той же ночью его придворные спустились в леса вслед за носилками с телом короля. Свет погребального костра отражался в зрачках волков, что осмелились выйти из леса. Придворные не пели траурных песнопений – лишь мысленно прочли несколько торопливых молитв.

Не успел утренний ветер развеять пепел короля и унести его в небеса, как болезнь поразила еще двух человек: наложницу Ганрела и ее дочь. А потом начала перекидываться от одного к другому, словно стремилась извести королевский род до последнего человека. Часовых на стенах становилось все меньше, и, хотя оставшиеся по-прежнему всматривались в горизонт, видно им было мало. Крики и стоны умирающих затмевали им взор и наполняли страхом их разум.

А вскоре и часовых не осталось. Пятеро рыцарей Трайсе, что спасли Ганрела после разгрома на поле Эленеот, неподвижно вытянулись на своих ложах. Великий визирь, чьи золотые одежды были в пятнах от кровавого поноса, лежал, растянувшись на полу, бок о бок со своими колдовскими свитками. Дядя Ганрела, тот самый, что возглавил отчаянный штурм врат Голготтерата в дни начала Армагеддона, повесился у себя в покоях, и его тело тихонько покачивалось на сквозняке. Королева смотрела в никуда, поверх покрывал, запачканных гноем.

Из всех, кто бежал в Ишуаль, выжили только незаконный сын Ганрела да бард-жрец.

Мальчишка боялся странного поведения барда и его бельма. Он прятался и выбирался из своего убежища лишь тогда, когда голод становился невыносим. Старый бард непрерывно разыскивал его, распевая старинные любовные и боевые песни, при этом перевирая слова на самый богохульный лад.

– Отчего ты не выходишь, отрок? – восклицал он, слоняясь по галереям. – Покажись! Я буду петь тебе! Я поведаю тебе все тайные песнопения! Я хочу разделить с тобой былую славу!

Однажды вечером бард поймал-таки мальчишку. Он погладил его, сперва по щеке, потом по бедру.

– Прости меня, прости, – бормотал он снова и снова, но слезы катились лишь из его слепого глаза. Под конец он буркнул: – Какие могут быть преступления, когда в живых никого не осталось?

Но мальчишка остался жив. И как-то вечером, пять дней спустя, он заманил барда-жреца на отвесные стены Ишуаль. И когда пьяный бард, пошатываясь, подошел к краю, мальчишка спихнул его вниз. Он потом долго сидел на стене, всматриваясь сквозь мрак в исковерканный труп барда. А под конец решил, что этот труп ничем не отличается от осталь-

ных, разве что еще истекает кровью. Какое может быть убийство, когда в живых никого не осталось?

Пришла морозная зима, и крепость стала казаться еще более пустынной. Поднявшись на стену, мальчик слушал, как в темных лесах поют и грызутся волки. Он выпрастывал руки из рукавов, обнимал себя за плечи, защищаясь от холода, и бормотал себе под нос песни покойной матери, наслаждаясь ледяными укусами ветра. А то еще, бывало, бегал по дворам, откликаясь на волчий вой боевыми кличами куниюрцев и размахивая оружием, таким тяжелым, что шатался от его веса. А время от времени протыкал трупы отцовским мечом, и глаза его светились надеждой и суеверным страхом.

Когда сошли снега, он услышал крики и вышел к главным воротам Ишуаль. Он выглянул в темную щель амбразуры и увидел толпу исхудалых, похожих на покойников мужчин и женщин, которым удалось пережить Армагеддон. Заметив в воротах его силуэт, те разразились криками: они требовали и молили еды, убежища – чего угодно. Мальчик так перепугался, что ничего не ответил. Изможденные, они походили на зверей – на стаю волков.

Когда пришельцы полезли на стены, мальчик убежал и спрятался в подземельях крепости. Они, как и бард, принялись разыскивать и громко звать его, обещая ему безопасность. В конце концов один из них отыскал его: мальчик притаился за бочонком с рыбой. Пришелец сказал, не ласково и не грубо:

– Мы дуниане, отрок. Почему ты боишься нас?

Но мальчишка стиснул отцовский меч и заплакал.

– Пока люди живы, творятся преступления! – воскликнул он.

Глаза пришельца наполнились изумлением.

– Нет, отрок, – возразил он. – Это лишь до тех пор, пока люди заблуждаются.

Несколько мгновений юный Анасуримбор молча смотрел на него. Потом торжественно отложил в сторону отцовский меч и взял пришельца за руку.

– Я был принцем, – негромко произнес он.

Пришелец вынес его к остальным людям, и они все вместе отпраздновали неожиданную удачу. Они взывали – не к богам, которых они отвергли, но друг к другу, – говоря, что такое совпадение воистину изумительно. Здесь они смогут поддерживать священнейшую ясность мысли. В Ишуаль нашли они убежище от ужасов конца света.

Все еще изможденные, однако облаченные в королевские меха, дуниане соскребли со стен колдовские руны и спалили свитки великого визиря. Драгоценности, халцедоны, шелка и золотая парча были погребены вместе с трупами членов королевской династии.

И мир забыл о них на две тысячи лет.

* * *

Три племени: нелюди, люди и иранки:

Первым судьба – забывать,

Вторым – вечно страдать,

Третьим – на все и на всех наплевать.

Старинная куниюрская детская песенка

«Это история великой и трагической Священной войны, история борьбы могущественных фракций, стремившихся управлять ходом этой борьбы и извратить суть ее, и это история сына, искавшего отца. Как и во всех историях, именно нам, выжившим, суждено написать ее завершение».

Друз Ахкеймион, «Компендиум Первой Священной войны»

Конец осени, 4109 год Бивня, горы Дэмуа

Опять вернулись сны.

Бесконечные пейзажи, истории, состязания в вере и образованности – все это обрушивалось водопадом мелких подробностей. Кони, спотыкающиеся на скользкой почве. Скрюченные пальцы, стискивающие комья глины. Мертвые тела, распластанные на берегу теплого моря. И, как всегда, древний город, выбеленный солнцем, на фоне бурых холмов. Священный город... Шайме.

А потом – голос, тонкий, словно звучащий из узкого, как тростинка, горла змеи:

– Пришлите ко мне моего сына!

Спящие пробудились одновременно, все как один задыхаясь, тщаь отделить разумное от невозможного. Повинуясь обычаю, установившемуся после первых снов, они собрались в лишенных света глубинах Тысячи Тысяч Залов.

И решили, что терпеть подобное поругание более нельзя.

Анасуримбор Келлхус поднимался в гору по неровной тропинке. Он опустил на одно колено и оглянулся на монастырскую цитадель. Укрепления Ишуаль возносились над елями и лиственницами, но могучие стены казались игрушечными на фоне горных вершин, избожженных ущельями.

«Видел ли ты это, отец? Остановился ли ты, оглянулся ли в последний раз?»

Далекie фигуры цепочкой прошествовали между рядами зубцов и исчезли за каменной стеной. Старшие дуниане прекращали свое бдение. Келлхус знал, что они спустятся по массивным каменным ступеням и один за другим войдут во тьму Тысячи Тысяч Залов: огромный лабиринт в подземных глубинах под Ишуаль. Там они умрут, как и было решено. Все, кого запятнал его отец.

«Я один. Осталась лишь моя миссия».

Келлхус повернулся к Ишуаль спиной и принялся подниматься дальше сквозь лес. Горный ветер был напоен горьким ароматом смолы и хвои.

Когда стало смеркаться, Келлхус достиг тех мест, где деревья уже не росли. Два дня карабкался он по заснеженным склонам и наконец достиг перевала горного хребта Дэмуа. За перевалом, под мятушимися облаками, простирались леса тех земель, что некогда звались Куниюрией. Келлхус задумался о том, сколько таких равнин предстоит ему пройти, прежде чем он разыщет своего отца. Сколько рассеченных ущельями линий горизонта сменится перед ним, прежде чем он достигнет Шайме?

«Шайме будет моим жилищем. Я стану жить в доме моего отца».

Он спустился по гранитным уступам и вступил в чащобу.

Он брел через сумрачные лесные чертоги, через колоннады могучих красных стволов, где стояла тишина, веками не нарушаемая человеком. Он высвобождал свой плащ, запутавшийся в кустарнике, и преодолевал бурные горные потоки.

Леса у подножия Ишуаль мало чем отличались от этих, но Келлхусу отчего-то было не по себе. Он остановился, пытаясь вернуть душевное равновесие – он использовал для этого древнюю методику, предназначенную для тренировки дисциплины разума. В лесу было тихо, беззаботно перекликались птицы. Но Келлхус слышал раскаты грома...

«Со мной что-то происходит. Это первое испытание, отец?»

Он нашел ручей, дно которого пестрело солнечными зайчиками, и опустил на колени у самой воды. Зачерпнул, поднес горсть к губам. Вода оказалась на удивление сладкой и утоляла жажду куда лучше любой воды, что ему доводилось пробовать раньше. Но как может

вода быть сладкой? И как может обыкновенный солнечный свет, преломленный струями бегущей воды, быть таким прекрасным?

То, что было прежде, определяет то, что будет потом. Монахи-дуниане посвящали всю свою жизнь исследованию этого принципа. Стремясь свести к минимуму любые сумасбродные случайности, они проясняли и распутывали неуловимую сеть причинно-следственных связей, которые определяют все сущее. Из-за этого в Ишуаль все события разворачивались с неумолимой, твердокаменной последовательностью. Как правило, все, вплоть до прихотливой траектории полета листа, упавшего с ветки в саду, было известно заранее. Как правило, любой мог предугадать, что скажет его собеседник, прежде чем тот успевал открыть рот. Знать то, что было прежде, означало предвидеть, что произойдет дальше. А предвидение того, что произойдет дальше, обладало особой безмятежной красотой и означало священную общность интеллекта и обстоятельств – дар Логоса.

Эта миссия стала первым настоящим сюрпризом для Келлхуса со времен детства, когда он только учился постигать мир. До сих пор жизнь его была размеренным ритуалом учения, самовоспитания и постижения. Все было доступно. Все было понятно. Но теперь, бредя по лесам исчезнувшей Куниюрии, Келлхус чувствовал себя камнем в бурном потоке. Он стоял неподвижно, а мир вокруг несея, как текучая вода. И со всех сторон на Келлхуса, подобно беспокойным волнам, накатывались все новые непредсказуемые события: то нежная трель незнакомой пичужки, то колючки неизвестного растения, застрявшие в плаще, то змея, скользящая через солнечную лужайку в поисках неведомой добычи.

Вот над головой раздавалось сухое хлопанье крыльев – и Келлхус на миг замирал на ходу. Вот ему на щеку садился комар – Келлхус прихлопывал его и тут же замечал у тропы дерево с поразительно искривленным стволом. Окружающий мир захлестывал его, навязывался ему, и вот Келлхус уже чутко отзывался на все вокруг: и на скрип ветвей, и на бесконечную изменчивость воды, струящейся по камням. Все это трепало его, точно волны прибоя.

Под вечер семнадцатого дня в сандалию попал сучок. Келлхус его вытащил, поднял и принялся изучать на фоне грозовых туч, катившихся по небу. Он с головой ушел в его форму, в тот путь, который сучок прокладывал по небу, – в стройные и мощные разветвления, отнимавшие у неба столько пустоты. Просто не верилось, что он вырос таким случайно! Казалось, будто он отлит в этой форме. Келлхус поднял глаза – и увидел, как туча смята и скомкана безграничным разветвлением древесных ветвей. Разве существует не единственный способ постичь тучу? Келлхус не помнил, сколько он простоял там, но к тому времени, как он наконец выпустил сучок из пальцев, уже стемнело.

Утром двадцать девятого дня Келлхус присел на камнях, зеленых от мха, и стал смотреть, как прыгает и ныряет лосось в речных перекатах. Трижды село и вновь взошло солнце, прежде чем ему удалось отвлечься от этой необъяснимой войны рыбы и вод.

В худшие моменты руки его становились смутными, как тень на фоне тени, и ритм шагов намного опережал его самого. Его миссия становилась последним осколком того, чем он некогда был. В остальном он был лишен интеллекта и не помнил принципов дуниан. Он был подобен листу пергамента, отданному на произвол стихий: каждый день стирал с него все новые слова, пока наконец не осталась лишь одна настойчивая мысль: «Шайме... Мне нужно дойти до Шайме и найти моего отца».

Он все брел и брел на юг, через предгорья Дэмуа. Его забытие усиливалось. Кончилось тем, что он перестал и спать, и есть, и смазывать меч после того, как попадал под дождь. Остались лишь глушь, путь и дни, сменяющие друг друга. Ночами он, точно зверь, сворачивался клубком, не обращая внимания на тьму и холод.

«Шайме. Отец, прошу тебя!»

На сорок третий день он перешел вброд мелкую речушку и взобрался на берега, черные от гари. Сквозь гарь буйно пробивались сорные травы, но больше там ничего не было.

Мертвые деревья пронзали небо, точно почерневшие копья. Келлхус пробирался через пожарище, и сорные травы больно жалили его сквозь прорехи в одежде. Наконец он поднялся на гребень хребта.

Внизу простиралась долина – такая огромная, что у Келлхусахватило дух. За границами пожарища, все еще заваленного черными упавшими деревьями, над макушками леса вздымались древние укрепления, образуя огромное кольцо на фоне желтеющих вершин. Келлхус смотрел, как над ближайшими к нему стенами взмыла стая птиц – взмыла, покружила над рябыми камнями и вновь скрылась под кронами леса. Развалины. Такие холодные, такие заброшенные – лес никогда таким не будет.

Развалины были слишком стары, чтобы противостоять обступавшему их лесу. Дряхлые, обветшавшие, они тонули в лесу под тяжестью собственного возраста. Укрытые в мшистых впадинах стены вспарывали земляные холмики лишь затем, чтобы внезапно оборваться, словно продвижение удерживали лозы, оплетающие их, как могучие жилы оплетают кость.

Но было в них нечто не из нынешних времен, нечто, вдохнувшее в Келлхуса неведомые прежде страсти. Проведя рукой по камню, он почувствовал, что прикоснулся к дыханию и трудам людей – к знаку уничтоженного народа.

Земля под ногами поплыла. Келлхус подался вперед и прижался щекой к камню. Шершавый камень, дышащий холодом голой земли. Солнце, припекавшее наверху, не могло пробиться сквозь свод сплетенных ветвей. Люди... тут, в камне. Древние, нетронутые суровостью дуниан. Им каким-то образом удалось преодолеть сон и возвести тут, в глуши, памятник своим делам.

«Кто построил эту крепость?»

Келлхус бродил по холмикам, чувствуя погребенные под ними руины. Он слегка подкрепил свои силы тем, что нашлось в полузабытой им торбе с едой: сухарями и желудями. Он смахнул опавшие листья с поверхности небольшого водоема, наполненного дождевой водой, и напился. Потом с любопытством уставился на темное отражение своего лица, на светлые волосы, отросшие на голове и подбородке.

«Это – я?»

Он наблюдал за белками и теми птицами, которых мог разглядеть на фоне темных ветвей. Один раз заметил лису, пробирающуюся сквозь кустарник.

«Я – не просто еще один зверь».

Его интеллект воспрял, нашел точку опоры и вцепился в нее. Келлхус ощущал, как причины крутятся вокруг него в потоках вероятностей. Прикасаются к нему – и не могут его затронуть.

«Я – человек. Я не такой, как все вокруг».

Когда стало темнеть, начал накрапывать дождь. Келлхус посмотрел сквозь ветви на серые, холодные облака, ползущие по небу. И впервые за много недель принялся искать убежище.

Он пробрался в небольшой овражек, где воды размывили землю и кусок берега отвалился, обнажив каменный фасад какого-то здания. Келлхус поднялся по усеянной листвою глине к отверстию, темному и глубокому. Внутри жила дикая собака. Она бросилась на него, он сломал ей шею.

Келлхус привык к темноте. Вносить свет в глубины Лабиринта было запрещено. Но здесь отсутствовал строгий математический расчет, в тесном мраке Анасуримбор Келлхус нашел только нагромождение стен, заваленных землей. Он растянулся на земле и уснул.

Когда он пробудился, в лесу было очень тихо, потому что выпал снег.

Дуниане точно не знали, далеко ли находится Шайме. Они просто выдали Келлхусу столько припасов, сколько он мог без труда унести на себе. С каждым днем его торба тощала. Келлхус мог лишь отстраненно наблюдать, как голод и лишения терзают его тело.

Глушь не смогла им овладеть – теперь она стремилась убить его.

Припасы кончились, а он все шел. Все – опыт, аналитические способности – таинственным образом обострилось. Снова падал снег, дули холодные, пронзительные ветра. Келлхус шел, пока силы не оставили его.

«Путь слишком узок, отец. Шайме слишком далеко».

Ездовые собаки охотника залаяли и принялись рыться в снегу. Охотник оттащил их и привязал к кривой сосне. И ошеломленно бросился разгребать снег, из которого торчала скрюченная рука. Сперва он хотел скормить мертвеца собакам. Все равно волки съедят, а с мясом тут, в северной глуши, было туго.

Он снял варежки и коснулся заросшей бородой щеки. Кожа посерела, и охотник был уверен, что щека окажется такой же ледяной, как заметавший ее снег. Но нет, она была теплая! Охотник вскрикнул, и псы отозвались дружным воем. Он выругался и поспешно сделал знак Хузьельта, Темного Охотника. Он выволок человека из-под снега – конечности у того гнулись свободно. А вот борода и волосы заledenели на ветру.

Мир всегда казался охотнику странным, и все вокруг имело тайный смысл. Но теперь этот смысл сделался угрожающим. Псы дернули сани, и охотник побежал следом, спасаясь от гнева налетевшей метели.

– Левет, – сказал человек, прижав руку к своей обнаженной груди. Его подстриженные волосы были серебристыми, с легким бронзовым отливом, и слишком жидкими, чтобы достойно обрамлять грубые черты лица. Брови, казалось, все время удивленно вскинуты, а беспокойные глаза так и шмыгали из стороны в сторону, глядя на что угодно, лишь бы не встречаться с пристальным взглядом подопечного.

Только позднее, когда Келлхус овладел начатками языка, на котором говорил Левет, узнал он, каким образом оказался у охотника. А первое, что запомнил, были пахнущие потом меха и жарко натопленный очаг. С низкого потолка свисали охапки шкур. По углам единственной комнаты теснились мешки и корзины. Над крохотным пятчком свободного места разливался смрад от дыма, сала и гнили. Позднее Келлхус узнал, что царящий в хижине хаос был на самом деле воплощением, и притом точным воплощением многочисленных суеверных страхов охотника. Каждая вещь должна быть на своем месте, говаривал тот, а если вещь не на месте – жди беды.

Очаг был достаточно велик, чтобы заливать все в хижине, включая самого Келлхуса, золотистым теплом. За стенами, в лесу, тянувшемся на много-много лиг, завывала зима. По большей части зима не обращала на них внимания, но порой сотрясала хижину так сильно, что охапки шкур на крюках раскачивались. Левет рассказал Келлхусу, что край этот называется Собель и что это самая северная окраина древнего города Атритау, хотя земли эти уже много поколений как заброшены. Что до самого Левета, он заявлял, что предпочитает жить в стороне от забот других людей.

Левет был крепким мужиком средних лет, но для Келлхуса он оказался все равно что дитя. Тонкая мускулатура его лица была совершенно не дисциплинирована: любые эмоции дергали ее, как за ниточки. Что бы ни волновало душу Левета – его лицо тотчас на это откликалось, и вскоре Келлхусу было достаточно взглянуть на охотника, чтобы мгновенно узнать, о чем тот думает. Способность предугадывать мысли и отражать движения Леветовой души как свои собственные появилась несколько позднее.

А тем временем дни проходили в повседневных заботах. На рассвете Левет запрягал собак и уезжал проверять ловушки. Если он возвращался рано, то заставлял Келлхуса чинить силки, обрабатывать шкурки, варить похлебку из крольчатины – короче, «отрабатывать хлеб», как выражался сам Левет. Вечерами Келлхус садился чинить свою куртку и штаны – охотник показал ему, как шить. Левет исподтишка наблюдал за Келлхусом из-за очага, а его руки тем временем жили собственной жизнью: вырезали, точили, шили, а то и просто разминали друг друга: мелкие, нудные занятия, которые, как ни странно, наделяли охотника терпением и даже как-то облагораживали.

Руки Левета оставались неподвижными только когда он спал либо был мертвецки пьян. Выпивка влияла на жизнь охотника больше, чем что-либо другое.

По утрам Левет никогда не смотрел Келлхусу в глаза – только опасливо косился на него. Странная половинчатость омертвляла его, как будто мыслям не доставало сил, чтобы воплотиться в слова. Если Левет и говорил что-нибудь, голос его звучал напряженно, сдавленно, будто охотник с трудом преодолевал страх. К вечеру он вновь обретал жизнь. Глаза Левета вспыхивали колючим солнечным светом. Он улыбался, смеялся. Но ближе к ночи его поведение перехлестывало через край, превращалось в грубую пародию на себя самого. Он беспрерывно болтал, хамски обрывал собеседника, временами на него накатывали приступы ярости или горькой язвительности.

Келлхус многому научился благодаря этим страстям Левета, усиленным пьянством. Но пришло время, когда его наблюдения больше не могли пробавляться карикатурами. Однажды ночью он выкатил бочонки с виски в лес и вылил пойло на мерзлую землю. Во время последовавших за этим страданий он добросовестно продолжал выполнять работу по дому.

Они сидели по разные стороны очага, лицом друг к другу, прислонясь спиной к мягким кипам шкурок. Свет очага подчеркивал изменчивость лица Левета. А тот болтал. Он просто-душно радовался, что может рассказать о себе человеку, вынужденному во всем полагаться только на его слова. Старые страдания и обиды оживали вновь.

– И мне ничего не оставалось, как уйти из Атритау, – признался Левет, в который раз рассказывая об умершей жене.

Келлхус грустно улыбнулся. Он истолковал тонкую игру мышц на лице собеседника: «Он делает вид, что скорбит, чтобы вызвать у меня жалость».

– Атритау напоминал тебе о том, что ее больше нет?

«Это ложь, которую он говорит самому себе».

Левет кивнул. Глаза его были полны слез и ожидания одновременно.

– С тех пор как она умерла, Атритау казался мне могилой. Однажды утром нас собрали в ополчение, чтобы охранять стены, и я устремил взгляд на север. Леса словно бы... словно поманили меня. То, чем меня пугали в детстве, превратилось в святилище! В городе все, даже мои братья и товарищи по отряду ополчения, казалось, втайне злорадствуют из-за ее смерти – радуются моему несчастью. Мне пришлось... Я был просто вынужден...

«Отомстить».

Левет посмотрел на огонь.

– Бежать.

«Зачем он так себя обманывает?»

– Левет, ни одна душа не бродит по миру в одиночку. Каждая наша мысль коренится в мыслях других людей. Каждое наше слово – лишь повторение слов, сказанных прежде. Каждый раз, как мы слушаем, мы позволяем движениям иной души пробуждать нашу собственную душу.

Он нарочно оборвал свой ответ на середине, чтобы сбить собеседника с толку. Прозрение куда сильнее, когда оно разрешает недоумение.

– Именно поэтому ты и бежал в Собель.

Глаза Левета на миг округлились от ужаса.

– Но я не понимаю...

«Из всего, что я мог бы сказать, он сильнее всего боится истин, которые ему уже известны и которые он тем не менее отрицает. Неужели все люди, рожденные в миру, настолько слабы?»

– Все ты понимаешь, Левет! Подумай сам. Если мы – не более чем наши мысли и страсти, и если наши мысли и страсти – не более чем движения наших душ, тогда мы сами – не более чем те, кто движет нами. Человек, которым ты, Левет, был когда-то, перестал существовать в тот момент, когда умерла твоя жена.

– Но потому я и бежал! – воскликнул Левет. Глаза его были одновременно умоляющими и рассерженными. – Я не мог этого вынести. Я бежал, чтобы забыть!

Его пульс участился. В мелких мышцах вокруг глаз отразилось колебание. «Он знает, что это ложь».

– Нет, Левет. Ты бежал, чтобы помнить. Ты бежал, чтобы сохранить в неприкосновенности все пути, по которым водила тебя жена, чтобы защитить боль утраты от влияния других людей. Ты бежал, чтобы создать оплот своей скорби.

По обвисшим щекам охотника покатались слезы.

– Ах, Келлхус, это жестокие слова! Зачем ты говоришь такие вещи?

«Чтобы вернее овладеть тобой».

– Потому что ты уже достаточно страдал. Ты провел много лет в одиночестве у этого очага, упиваясь своей утратой, вновь и вновь спрашивая своих собак, любят ли они тебя. Ты ревниво бережешь свою боль, поэтому чем больше ты страдаешь, тем более жестоким представляется тебе мир. Ты плачешь, потому что это сделалось для тебя естественным и привычным. «Вот видите, что вы со мной сделали!» – говоришь ты своими слезами. И каждый вечер ты вершишь суд, вынося приговор обстоятельствам, которые приговорили тебя к тому, чтобы заново переживать свое горе. Ты мучаешь сам себя, Левет, чтобы иметь право винить мир в своих муках.

«И он снова будет утверждать, что это не так...»

– Ну, а если даже и так, что с того? Мир ведь действительно жесток, Келлхус! Мир жесток!

– Быть может, это и так, – ответил Келлхус тоном сочувственным и скорбным, – но мир давно перестал быть причиной твоего горя. Сколько уже раз повторял ты эти слова! И каждый раз они были отравлены все тем же отчаянием: отчаянием человека, которому нужно поверить во что-то ложное. Остановись, Левет, откажись следовать по накатанной колее, которую проложили в тебе эти мысли! Остановись, и сам увидишь.

Вынужденный заглянуть в себя, Левет заколебался. Его лицо выразило растерянность.

«Он понимает, но ему недостает мужества, чтобы признаться».

– Спроси себя, – настаивал Келлхус, – откуда это отчаяние?

– Да нет никакого отчаяния! – тупо ответил Левет.

«Он видит место, которое я ему открыл, сознает, что в моем присутствии любая ложь бессильна, даже та, которую он повторяет самому себе».

– Почему ты продолжаешь лгать?

– Потому что... Потому что...

Сквозь потрескивание пламени Келлхусу было слышно, как колотится сердце Левета – отчаянно, точно у затравленного зверя. Тело охотника содрогалось от рыданий. Он поднял

было руки, чтобы спрятать лицо, но остановился. Посмотрел на Келлхуса – и разревелся, как ребенок перед матерью. «Больно! – говорило выражение его лица. – Как больно!»

– Я знаю, что больно, Левет. Освобождение от мук можно обрести лишь через еще большие муки.

«И впрямь как ребенок...»

– Но что... что же мне делать? – рыдал охотник. – Пожалуйста, Келлхус, скажи!

«Тридцать лет, отец! Велика, должно быть, твоя власть над такими людьми, как этот».

И Келлхус, чье заросшее бородой лицо было согрето пламенем очага и участием, ответил:

– Левет, ни одна душа не бродит по миру в одиночку. Когда умирает одна любовь, надо научиться любить других.

Через некоторое время огонь в очаге прогорел. Оба собеседника сидели молча, прислушиваясь к нарастающему реву очередного снежного шквала. Ветер шумел так, как будто по стенам хижины лупили множеством толстых одеял. Лес стонал и скрипел под темным брюхом пурги.

Левет нарушил молчание старинной поговоркой:

– Слезы пачкают лицо, но очищают душу.

Келлхус улыбнулся в ответ, придав лицу выражение ошеломленного узнавания. Древние дуниане говаривали: зачем ограничиваться одними словами, когда чувства в первую очередь выражаются мимикой? В Келлхусе жил легион лиц, и он мог менять их столь же непринужденно, как произносить те или иные слова. Но под его радостной улыбкой или сочувственной усмешкой всегда таилось одно: холодное разумное понимание.

– Однако ты им не доверяешь, – заметил Келлхус.

Левет пожал плечами.

– Зачем, Келлхус? Зачем боги послали тебя ко мне?

Келлхус знал, что мир Левета битком набит богами, духами и даже демонами. Мир терзали их сговоры и раздоры, повсюду кишели знамения и признаки их насмешливых, капризных повелений. Их замыслы, точно некий второй план, определяли все метания людей – невнятные, жестокие и в конечном счете всегда завершающиеся смертью.

Для Левета то, что он нашел Келлхуса на заснеженном склоне, случайностью не было.

– Ты хочешь знать, зачем я пришел?

– Зачем ты пришел?

До сих пор Келлхус избегал разговоров о своей миссии, и Левет, напуганный тем, как стремительно Келлхус научился понимать его язык и говорить на нем, ни о чем не спрашивал. Но обучение продвигалось.

– Я ищу своего отца, Моэнгхуса, – сказал Келлхус. – Анасуримбора Моэнгхуса.

– Он пропал? – спросил Левет, безмерно польщенный такой откровенностью.

– Нет. Он ушел от моего народа много лет назад, когда я был еще ребенком.

– Почему же ты его ищешь?

– Потому что он послал за мной. Он потребовал, чтобы я пришел и встретился с ним.

Левет кивнул, как будто все сыновья обязаны в определенный момент возвращаться к своим отцам.

– А где он?

Келлхус мгновение промедлил с ответом. Казалось, что глаза его смотрели на Левета, на самом же деле – в пустоту перед ним. Подобно тому как замерзший человек сворачивается клубком, стараясь укрыться от стихии, так и Келлхус убирал себя внутрь, в надежное убежище своего интеллекта, не подвластное давлению внешних событий. Легионы внутри него были обузданы, возможные варианты изолированы и развернуты, и все множество собы-

тий, которые могут воспоследовать, если он скажет Левету правду, развернулось в его душе. Вероятностный транс.

Он поднялся, моргнул, глядя в огонь. Как и многие вопросы, касающиеся его миссии, ответ не поддавался исчислению.

– В Шайме, – сказал наконец Келлхус. – Далеко на юге, в городе, который называется Шайме.

– Он послал за тобой из Шайме?! Но как же это возможно?

Келлхус изобразил на лице легкую растерянность – что, впрочем, было недалеко от истины.

– В снах. Он послал за мной в снах.

– Колдовство...

Левет произносил это слово не иначе, как со смешанным благоговением и ужасом. Бывают ведуны, говорил Левет, что способны овладеть дикими силами, дремлющими в земле, звере и дереве. Бывают жрецы, чьи молитвы, дабы дать людям передышку, способны выходить вовне и двигать богами, что движут миром. И бывают колдуны, чье слово – закон, чьи речи не столько описывают мир, сколько повелевают, каким ему быть.

Суеверие. Левет везде и во всем путал то, что случается позднее, с тем, что было прежде, следствия с причинами. Люди пришли позднее, а он помещал их в начало и звал «богами» или «демонами». Слова появились позднее, а он ставил их в начало и называл «писанием» или «заклинаниями». Ограниченный последствиями событий, слепой к причинам, он цеплялся за сам хаос, людей и их деяния и лепил по их образу и подобию то, что было вначале.

Но дуниане ведают, что начало не имело отношения к людям.

«Должно быть какое-то другое объяснение. Колдовства не существует».

– Что тебе известно о Шайме? – спросил Келлхус.

Стены содрогались под яростными порывами ветра, угасшие было угли внезапно вновь вспыхнули ярким пламенем. Свисающие с потолка шкурки легонько покачивались. Левет огляделся и нахмурил лоб, как будто пытался что-то расслышать.

– Он очень далеко, Келлхус, и путь туда лежит через опасные земли.

– Шайме для вас не... не священен?

Левет улыбнулся. Края чересчур далекие, как и слишком близкие, священными быть не могут.

– Я это название слышал всего несколько раз, – ответил он. – Севером владеют шранки. Те немногие люди, что остались здесь, живут как в осаде и редко решаются выходить за стены городов Атритау и Сакарпа. О Трех Морях нам известно мало.

– О Трех Морях?

– О народах юга, – пояснил Левет, удивленно округлив глаза. Келлхус знал, что охотник считает его неведение почти божественным. – Ты хочешь сказать, что никогда не слышал о Трех Морях?

– Как ни уединенно живет твой народ, мой еще уединеннее.

Левет кивнул с умным видом. Наконец-то настал его черед говорить о важных вещах!

– Когда Не-бог и его Консульт разорили север, Три Моря были еще молоды. Ныне же, когда от нас осталась лишь тень, они сделались средоточием человеческой власти и могущества.

Левет умолк, расстроенный тем, как быстро кончились его сведения.

– Кроме этого, я почти ничего не знаю, – сказал он, – разве что несколько имен и названий.

– Откуда же тогда ты узнал о Шайме?

– Один раз я продал горностая человеку из караванов. Темнокожему. Кетьянину. Никогда раньше не видел темнокожих людей.

– Из караванов?

Келлхус никогда прежде не слышал этого слова, но произнес его так, словно желал уточнить, о каком именно караване ведет речь охотник.

– Каждый год в Атритау приходит караван с юга – если ему, конечно, удастся прорваться через шранков. Он приходит из страны, именуемой Галеот, через Сакарп, привозит пряности, шелка – дивные вещи, Келлхус! Ты когда-нибудь пробовал перец?

– И что этот темнокожий человек сказал тебе о Шайме?

– Да ничего особенного на самом деле. Он говорил по большей части о своей религии. Сказал, что он айнрити, последователь Айнри, Последнего Пророка... – Он на миг нахмурился. – Да, как-то так. Последнего Пророка! Можешь себе представить?

Левет помолчал, глядя в никуда, тщаь передать тот эпизод словами.

– Он все говорил, что я буду проклят, если не подчинюсь его пророку и не открою свое сердце Тысяче Храмов – никогда не забуду этого названия.

– Так значит, для того человека Шайме священен?

– О да, святая святых! Когда-то давно это был город того пророка. Но с тех пор у них, кажется, что-то не заладилось. Он говорил о войнах, о том, что язычники отняли его у айнрити...

Левет запнулся, словно вспомнил что-то особенно важное.

– У Трех Морей люди воюют с людьми, Келлхус, а о шранках и думать не думают! Можешь себе представить?

– Так значит, Шайме – священный город, находящийся в руках язычников?

– Да оно и к лучшему, сдается мне, – ответил Левет с внезапной горечью. – Этот пес и меня все время звал язычником!

Они засиделись далеко за полночь, беседуя о дальних землях. Буря завывала и расшатывала прочные стены хижины. И в тусклом свете догорающих углей Анасуримбор Келлхус мало-помалу втягивал Левета в свои собственные ритмы – заставил замедлить дыхание, погрузиться в дрему... Когда наконец охотник впал в транс, Келлхус принудил его открыть все тайны до единой и преследовал, пока у Левета не осталось убежища.

Надев снегоступы, Келлхус в одиночестве брел через колючий ельник к ближайшей из вершин, что громоздились вокруг хижины охотника. Темные стволы были окружены сугробами. В воздухе пахло зимней тишиной.

За эти несколько недель Келлхус переделал себя. Лес больше не был ошеломляющей какофонией, как когда-то. Собель сделался страной оленей-карибу, соболя, бобра и куницы. В земле его покоился янтарь. Под облачными небесами выходили на поверхность ровные валуны, а озера серебрились рыбой. Больше тут не было ничего, ничего достойного благоговения или ужаса.

Впереди выступал из-под снега невысокий утес. Келлхус поднял голову, отыскивая тропу, чтобы как можно быстрее подняться на вершину. И полез наверх.

Вершина была голой, если не считать нескольких корявых боярышников. В центре ее высилась древняя стела – каменный столп, заметный издалека. Все четыре грани ее были покрыты рунами и маленькими фигурками. Келлхус приходил сюда снова и снова – не столько из-за языка надписи: язык был неотличим от его собственного, кроме отдельных выражений, – сколько из-за имени создателя.

Начиналась надпись так:

«И я, Анасуримбор Кельмомас II, взираю с этой горы и вижу величие, сотворенное моими руками...»

А далее следовало описание великой битвы давно умерших королей. Если верить Левету, край этот лежал некогда на границе земель двух народов, куниюри и замноров. Оба этих народа сгинули несколько тысяч лет назад в мифической войне с тем, кого Левет именовал «Не-богом». Келлхус отметал эти истории об Армагеддоне с ходу, как и многие байки, что рассказывал Левет. Но имя «Анасуримбор», вырезанное на древнем диорите, отместить было не так-то просто. Теперь он понимал, что мир и впрямь куда древнее дуниан. И если его род восходил к этому давно умершему верховному королю, стало быть, он древнее дуниан.

Но эти мысли не имели отношения к его миссии. Изучение Левета подходило к концу. Скоро придется продолжить путь на юг, к Атритау, откуда, как утверждал Левет, есть возможность отправиться дальше, в Шайме.

Келлхус глядел с высоты на зимние леса. Где-то позади лежала Ишуаль, таящаяся в ледяных горах. А впереди ждало паломничество, путешествие через мир людей, скованных деспотичными обычаями, вечно повторяемыми племенными небылицами. Он явится к ним, как бодрствующий среди спящих. Он будет укрываться в закоулках их невежества и с помощью истины сделает их своими орудиями. Он – дунианин, один из Обученных, и сумеет подчинить себе любой народ, любые обстоятельства. Он будет прежде них.

Но его ждал другой дунианин, изучавший эти дикие края куда дольше, – Моэнгхус.

«Велика ли твоя сила, отец?»

Он отвел глаза от раскинувшихся внизу просторов – и заметил нечто странное. По другую сторону стелы снег был испещрен следами. Келлхус окинул их взглядом и решил спросить о них у охотника. Существо, которое их оставило, ходило на двух ногах, но не было человеком.

– Вот такие, – пояснил Келлхус и быстро нарисовал пальцем след, виденный на снегу.

Лицо Левета посуровело. Келлхусу достаточно было взглянуть на охотника, чтобы заметить: тот старается скрыть охвативший его ужас. Позади тявкали собаки, описывая круги на своих кожаных поводках.

– Где? – спросил Левет, пристально глядя на странный след.

– У старой куниюрской стелы. Они проходят по касательной относительно хижины, на северо-западе.

Бородатое лицо повернулось к нему.

– И ты не знаешь, что это за следы?

Вопрос был многозначительным. «Ты пришел с севера – и не знаешь этих следов?!» – вот что хотел сказать Левет. Потом Келлхус понял.

– Шранки.

Охотник взглянул ему за спину, обводя глазами стену леса. Монах почувствовал, как у Левета засосало под ложечкой, как участилось сердцебиение, как в голове закружились мысли, слишком стремительные, чтобы быть вопросом: «Что же делать, что же делать...»

– Надо пойти по следу, – предложил Келлхус. – Убедиться, что они не видели твоих ловушек. Если они их видели...

– Зима была для них тяжелой, – сказал Левет. Он нуждался в том, чтобы придать какую-то осмысленность своему ужасу. – Они пришли на юг за пищей... Им нужна пища. Да-да.

– А если дело не в этом?

Левет покосился на Келлхуса. Глаза у него были дикие.

– Для шранков люди – тоже пища, только несколько иного рода. Они охотятся на нас, чтобы утолить свои безумные сердца.

Он шагнул к собакам, ненадолго отвлекся.

– Тихо, тс-с, тихо!

Он похлопал их по бокам, вдавил их головы в снег, сильно потрепав псов по затылку. Его руки двигались небрежно и размашисто, поровну распределяя ласку.

– Келлхус, ты не принесешь мне намордники?

Серая, узкая полоска следов была еле видна в сугробах. Небо темнело. Зимними вечерами в лесу воцарялась странная тишина. Казалось, будто к закату клонится нечто более значительное, чем солнце.

Они зашли в своих снегоступах довольно далеко, и теперь остановились. Они стояли под голыми сучьями раскидистого дуба.

– Возвращаться нельзя, – сказал Келлхус.

– Но не можем же мы бросить собак!

В течение нескольких вздохов монах изучал Левета. Их дыхание висело неподвижными клубами в морозном воздухе. Келлхус знал, что ему ничего не стоит разубедить охотника возвращаться за чем бы то ни было. То существо, по чьему следу они шли, знало о ловушках. Возможно, знало оно и о хижине. Но следы на снегу – пустые отметины – были слишком малы, чтобы оно могло ими воспользоваться. Для Келлхуса угроза существовала лишь в страхе, проявляемом охотником. Лес по-прежнему принадлежал ему.

Келлхус повернулся, и они вместе направились к хижине, вразвалочку скользя по снегу. Но вскоре Келлхус остановил своего спутника, крепко ухватив его за плечо.

– Что... – начал было охотник, но умолк, услышав шум.

Тишину прорезал хор приглушенных воплей и визга. Потом по лесу прокатился одинокий вой – и снова навалилось жуткое зимнее безмолвие.

Левет стоял неподвижно, как темные ели.

– За что, Келлхус?

Голос у него сорвался.

– Сейчас не до вопросов. Бежать надо!

Келлхус сидел в пепельном полумраке, следя за тем, как рассвет перебирает розовыми пальцами ветви и темную хвою. Левет все еще спал.

«Мы бежали быстро, отец, но достаточно ли быстро мы бежали?»

Он увидел: что-то мелькнуло – и тут же исчезло в чащобе.

– Левет!

Охотник пошевелился.

– Что? – спросил он и закашлялся. – Темно ведь еще!

Еще одна фигура, дальше влево. Двигается в их сторону.

Келлхус замер, не отрывая глаз от дальних деревьев.

– Они идут сюда, – сказал он.

Левет сел, с трудом согнув заиндевевшее одеяло. Лицо его сделалось пепельно-серым. Ошеломленный, он уставился туда же, куда смотрел Келлхус.

– Я ничего не вижу!

– Они стараются остаться незамеченными.

Левета затрясло.

– Беги! – приказал Келлхус.

Левет недоуменно воззрился на него.

– Бежать? От шранков не убежишь, Келлхус! Они кого хочешь догонят. Они как ветер!

– Я знаю, – ответил Келлхус. – Я останусь здесь и задержу их.

Левет мог лишь глядеть на него. Он не мог шевельнуться. Деревья вокруг загудели. Пустое небо напряженно выгнулось. Потом в плечо ему вонзилась стрела, охотник упал на колени и устался на красное острие, торчащее из груди.

– Ке-еллху-ус! – ахнул он.

Но Келлхус исчез. Левет перекатился на другой бок, ища его, и увидел, что монах бежит к ближним деревьям, и в руке у него обнаженный меч. Первый шранк рухнул, обезглавленный, а монах помчался дальше, словно бледный призрак на фоне сугробов. Еще один умер, напрасно рубя ножом податливый воздух. Прочие надвинулись на Келлхуса, точно кожистые тени.

– Келлхус!!! – вскричал Левет, то ли от боли, то ли надеясь отвлечь их, приманить к тому, кто все равно уже покойник. *«Я готов умереть за тебя!»*

Но жуткие фигуры попадали, загребая снег, и странный, нечеловеческий вой понесся сквозь лес. Вот упало еще несколько, и наконец только высокий монах остался стоять.

Охотнику показалось, что издали доносится лай его псов.

Келлхус тащил его дальше. Радужные искорки вспыхивали на снегу в лучах восходящего солнца. Они пробирались сквозь кустарник. Левет скорчился, поглощенный болью в плече, но монах был неумолим. Келлхус влек его вперед так стремительно, как Левет и здоровым-то не ходил. Они преодолевали снежные заносы, обходили стволы, проваливались в овраги и выкарабкивались наружу. Руки монаха не отпускали, не оставляли его, словно тонкая железная стойка, которая снова и снова не давала упасть.

Ему все казалось, что он слышит собачий лай.

«Песики мои...»

Наконец его привалили к стволу дерева. Дерево казалось каменным столбом, подходящей опорой, чтобы умереть. Он с трудом отличал лицо Келлхуса, чьи борода и капюшон были покрыты инеем, от голых заснеженных ветвей.

– Левет, – говорил Келлхус, – думай, Левет, думай!

Жестокие слова! Они вернули его к реальности, напомнили о его горе.

– Мои собачки, – всхлипнул Левет. – Я их слышу...

В голубых глазах не отразилось ничего.

– Сюда идут еще шранки, – сказал Келлхус, переводя дыхание. – Нам нужно убежище. Место, где мы могли бы укрыться.

Левет запрокинул голову, сглотнул, когда в горло ему вонзилось острие боли, попытался взять себя в руки.

– Куда... в каком направлении мы шли?

– На юг. Все время на юг.

Левет оттолкнулся от дерева, повис на монахе. Его неудержимо трясло. Он закашлялся и посмотрел сквозь лес.

– Сколько ру-ру-ру... – он судорожно втянул воздух, – сколько р-ручьев мы п-перешли? Он чувствовал жар дыхания Келлхуса.

– Пять.

– На з-запад! – выдохнул Левет.

Он откинулся назад, чтобы заглянуть монаху в лицо, не отпуская его плеч. Ему не было стыдно. Этого человека нельзя стыдиться.

– Нам н-надо н-на зап-пад, – продолжал он, привалившись лбом к губам монаха. – Развалины. Н-нелюдские разв-валины. Т-т-там есть где сп-прятаться.

Он застонал. Мир вокруг завертелся колесом.

– Они н-недалеко, их д-должно быть в-видно отсюда.

Левет почувствовал, как заснеженная земля ударилась об его тело. Ошеломленный, все, что он мог, это свернуться клубком. Сквозь деревья он видел фигуру Келлхуса, расплывшуюся из-за слез. Монах уходил все дальше через чащу.

«Нет-нет-нет!»

– Келлхус! *Ке-еллху-ус!* – всхлипнул он.

«Да что же происходит?»

– Не-е-ет! – взвыл он.

Высокая фигура растаяла вдали.

Склон был опасный. Келлхус хватался за сучья, проверял каждый шаг, прежде чем поставить ногу, чтобы не угодить в провал, скрытый под снегом. Склон густо зарос елями, напрямик никак не пройти. Раскидистые полукружия нижних веток цеплялись за ноги. Здесь царил сумрак, не похожий на обычный бледный зимний свет.

Когда Келлхус наконец выбрался из ельника, он поднял голову – и застыл, пораженный открывшимся пейзажем. Занесенная снегом вершина походила на оскалившегося голодного пса. На ближних склонах высились развалины ворот и стены. За ними торчал на фоне неба засохший дуб невероятных размеров.

Из темных туч, цеплявшихся за вершину, лил дождь, и одежда Келлхуса тут же покрывалась корочкой льда.

Келлхуса потрясло, из каких циклопических камней сложены ворота. Многие блоки не уступали по размерам дубу, который они сейчас загораживали. На надвратной перемычке было высечено запрокинутое лицо: пустые глаза, долготерпеливые, как само небо. Келлхус миновал ворота. Здесь склон сделался более пологим. Лесная чаща за спиной почти растворилась в стене усиливавшегося дождя. Однако шум нарастал.

Дуб погиб уже давным-давно. Кора его отсохла и осыпалась с колоссальных ветвей, сучья торчали в небо подобно кривым бивням. Ветер и дождь ничто уже не задерживало.

Келлхус обернулся. Из кустов показались шранки и, завывая, бросились вверх по склону, увязая в снегу.

Это место такое открытое. Мимо свистели стрелы. Келлхус взял одну из воздуха и принялся ее изучать. Стрела была теплая, как будто ее держали на теле. Потом в руке у него очутился меч. Меч засверкал в пространстве вокруг Келлхуса, рассекая небо подобно ветвям дерева. Шранки накатили темной волной, но Келлхус был *там* прежде них, опережая их на миг, так, что они не могли предвидеть его действий. Каллиграфия воплей. Чавканье изумленной плоти. Монах сбивал восторг с их нечеловеческих лиц, ходил между ними и останавливал колотящиеся сердца.

Они не видели, что эти обстоятельства священны. Они лишь алкали пищи. Келлхус же был одним из Обученных, дуниан, и все события повиновались ему.

Шранки подались назад, завывания поутихли. Несколько мгновений потолклись вокруг него – узкоплечие, с собачьими, сдавленными с боков грудными клетками, воняющие кожей, с ожерельями из человеческих зубов. Келлхус терпеливо стоял перед лицом их угрозы. Он был безмятежен.

Они бежали.

Монах наклонился к одному, что еще корчился у его ног, взял за глотку, приподнял. Прекрасное лицо шранка исказилось от ярости.

– Куз’иниришка дазу дака гуранкас...

Существо плюнуло в Келлхуса. Монах пришил его мечом к стволу дуба. Потом отступил назад. Оно завизжало, задергалось.

«Что это за существа?»

За спиной всхрапнула лошадь, ледяной наст захрустел под копытами. Келлхус выдернул меч из ствола и стремительно развернулся.

Сквозь стену ледяного дождя конь и всадник казались не более чем серыми силуэтами. Келлхус, не сходя с места, смотрел, как они медленно приближаются, его лохматые волосы смерзлись в мелкие сосульки и теперь гремели на ветру. Конь был огромный, почти шести футов в холке, вороной. Всадник кутался в серый плащ, расшитый еле заметными узорами – словно бы небрежно нарисованными лицами. На нем был шлем без намершения. Лица под шлемом почти не видно. Зычный голос прогремел на куниюрском:

– Вижу, ты умирать не собираешься!

Келлхус молчал. Держался настороже. Дождь шумел, как осыпающийся песок.

Всадник спешил, но держался по-прежнему на расстоянии. Он рассматривал неподвижные тела, вытянувшиеся у его ног.

– Потрясающе, – сказал незнакомец, потом поднял взгляд на Келлхуса. Монах увидел глаза, блеснувшие из-под шлема. – У тебя должно быть имя!

– Анасуримбор Келлхус, – ответил монах.

Молчание. Келлхусу показалось, что он чувствует растерянность собеседника. Странную растерянность.

– Оно говорит на языке... – буркнул наконец человек. Он подступил ближе, разглядывая Келлхуса. – Да, – сказал он. – Да... Ты не потешаешься надо мной. Я вижу в твоём лице его кровь.

Келлхус вновь промолчал.

– Ты обладаешь и терпением Анасуримбора.

Келлхус изучил его и обратил внимание, что плащ расшит отнюдь не стилизованными изображениями лиц, как он было подумал, а настоящими лицами, искаженными от того, что их растянули в ширину. Владелец плаща был могуч, хорошо вооружен и, судя по тому, как он держался, нимало не опасался Келлхуса.

– Я вижу, ты ученик. Знание – это сила, верно?

Этот не похож на Левета. Совсем не похож.

И снова шум ледяного дождя, мало-помалу впаивающего убитых в снег.

– Не следует ли тебе, смертный, бояться меня, зная, кто я таков? Ведь страх – тоже сила. Способность выживать.

Незнакомец начал обходить Келлхуса, аккуратно переступая через раскинувшиеся по снегу конечности шпанков.

– Вот что разделяет ваш род и мой! Страх. Цепкое, хваткое стремление выжить. Для нас жизнь – это всегда... решение. А для вас... Ну, скажем так: это жизнь решает за вас.

На это Келлхус наконец ответил:

– Что ж, тогда, видимо, решение за тобой.

Незнакомец помолчал и печально откликнулся:

– А-а, насмешка. Это у нас как раз общее.

Выпад Келлхуса был преднамеренным, но цели он не достиг – или, по крайней мере, так казалось поначалу. Незнакомец внезапно опустил свое невидимое лицо и помотал головой, бормоча:

– Оно смеется надо мной! Смертный надо мной смеется... Что же мне это напоминает, что же?..

Он принялся перебирать складки своего плаща и наконец нашел одно изуродованное лицо.

– Вот этого! О, наглец! Встреча с ним была настоящим удовольствием. Да, я помню...

Он взглянул на Келлхуса и прошипел:

– Я – помню!

И Келлхус постиг основные принципы этой встречи. «Нелюдь. Еще один миф Левета, оказавшийся правдой».

Незнакомец обнажил свой длинный меч, медленно и торжественно. Меч неестественно сверкал во мраке, как будто клинок отражал свет некоего нездешнего солнца. Затем незнакомец обернулся к одному из мертвых шранков и перекатил труп на спину с помощью меча. Белая кожа шранка уже начала темнеть.

– Вот этот шранк – его имени ты все равно не выговоришь – был нашим «элью», ты на своем языке назвал бы это «книгой». Чрезвычайно преданное животное. Мне его будет очень не хватать – ну, по крайней мере, некоторое время.

Он окинул взглядом остальных мертвецов.

– Мерзкие, жестокие твари на самом деле.

Он снова перевел взгляд на Келлхуса.

– Но очень... запоминающиеся.

Это начало. Келлхус решил прощупать почву.

– Так опуститься! – сказал он. – Ты сделался жалок.

– Это ты меня жалеешь? Пес осмеливается жалеть меня?

Нелюдь хрипло расхохотался.

– Анасуримбор меня жалеет! Ну да, еще бы... Ка'кунурой соук ки'элью, соук хус'й-ихла!

Он сплюнул, повел мечом, указывая на трупы.

– Теперь эти... эти шранки – наши дети. Но *прежде!* Прежде нашими детьми были вы. У нас вырвали сердце, мы пестовали ваши сердца. Спутники «великих» норсирайских королей.

Нелюдь подступил ближе.

– Но теперь – нет, – продолжал он. – С ходом веков многим из нас захотелось иметь нечто большее, чем ваши ребяческие перепалки, о которых и вспомнить-то нечего. Многим из нас захотелось более изысканного зверства, чем все, что могли предложить ваши войны. Это великое проклятие нашего рода – знаешь ли ты об этом? Конечно, знаешь! Какой раб упустит случай порадоваться слабости господина?

Ветер взметнул его древний плащ. Нелюдь сделал еще шаг.

– Однако я оправдываюсь, как будто человек! Утрата есть вечный неписанный закон земли. Мы – всего лишь напоминание о нем, пусть и самое трагическое.

Нелюдь направил острие меча на Келлхуса. Тот встал в боевую стойку, его собственный кривой клинок замер у него над головой.

И вновь безмолвие, на сей раз – смертельное.

– Я – воитель многих веков, Анасуримбор. Очень многих. Тысячи сердец пронзил мой нимиль. Я сражался и против Не-бога, и за него в тех великих войнах, которые превратили эту землю в пустыню. Я брал приступом укрепления великого Голготтерата, я видел, как сердца верховных королей разрывались от ярости!

– Так отчего же ты поднимаешь меч теперь, против одинокого путника? – откликнулся Келлхус.

Хохот. Свободная рука указала на трупы шранков.

– Мелочь, я согласен, но я все же сумею запомнить тебя!

Келлхус ударил первым, однако меч его отскочил от доспеха под плащом нелюдя. Келлхус пригнулся, отразил мощный встречный удар, подсек ноги противника. Нелюдь кувырнулся назад, но сумел перекатиться и без труда вскочить на ноги. Из-под шлема гремел раскатистый хохот.

– Да, тебя я запомню! – воскликнул он и бросился на монаха.

Келлхус очутился в положении почти безвыходном. На него обрушился град мощных ударов. Противник всеми силами старался заставить его отойти от дерева. Над выметенной всеми ветрами вершиной холма звенели дунианский клинок и нелюдский нимиль. Однако нужный миг опережения был и тут – только поймать его оказалось куда сложнее, чем в битве со шранками.

Но Келлхус втиснулся в это краткое мгновение, и нездешний клинок свистел все дальше и дальше от цели, все глубже и глубже вонзаясь в пустой воздух. А потом собственный меч Келлхуса принялся сечь темную фигуру, пробивая доспехи, превращая в клочья жуткий плащ. Хотя пока что он не нанес противнику ни единой раны.

– Кто ты?! – вскричал в ярости нелюдь.

Между ними было одно и то же пространство, но число разветвлений бесконечно...

Келлхус ударил в незащищенное горло нелюдя. Из раны хлынула кровь, черная во мраке. Еще удар – и странный клинок отлетел в сторону и заскользил по ледяному насту.

Келлхус сделал новый выпад. Нелюдь подался назад и упал. Острие Келлхусова меча, зависшее напротив отверстия шлема, заставило нелюдя замереть на месте.

Монах стоял под ледяным дождем и ровно дышал, глядя на поверженного врага. Миновало несколько секунд. Теперь можно начинать допрос.

– Ты ответишь на мои вопросы, – приказал Келлхус ровным, бесстрастным тоном.

Нелюдь мрачно расхохотался.

– Но ведь это ты – вопрос, ты, Анасуримбор!

А потом прозвучало *слово* – слово, которое, будучи услышано, каким-то образом выводило разум наизнанку.

Яростная вспышка. Келлхуса отбросило назад, точно лепесток, сдутый с ладони. Он покатился по снегу и, оглушенный, с трудом поднялся на ноги. Он ошеломленно наблюдал, как нелюдя что-то поднимает и ставит на ноги, словно натянутые проволоки. Тусклый, бледный свет собрался в прозрачную сферу вокруг нелюдя. Холодные капли, падавшие на нее, шипели и пузырились. Позади нелюдя встало огромное дерево.

«Колдовство? Но как такое может быть?»

Келлхус бросился бежать, огибая мертвые здания, торчащие из-под снега. Он поскользнулся на льду и съехал с другой стороны склона, кувыкаясь среди колючих ветвей. Воздух сотрясло нечто вроде удара грома, из-за елей встал столп ослепительного пламени. Келлхуса обдало жаром, и он бросился бежать еще быстрее, не разбирая дороги.

– АНАСУРИМБОР! – окликнул нездешний голос, нарушая зимнее безмолвие. – БЕГИ, АНАСУРИМБОР! – прогремел он. – Я ТЕБЯ ЗАПОМНИЛ!

Следом прокатился хохот, подобный буре, и лес за спиной у Келлхуса озарился новыми огнями. Они разбивали в куски царящий в лесу мрак, и Келлхус видел перед собой свою колеблющуюся тень.

Ледяной воздух терзал легкие, но он все бежал – куда быстрее, чем от шранков.

«Колдовство? Что, отец, это тоже один из уроков, которые мне надлежит постичь?»

Наступила холодная ночь. Где-то во тьме завывали волки. Казалось, волки выли о том, что Шайме далеко, слишком далеко.

Часть I Колдун

Глава 1 Каритусаль

«В мире есть три, и только три сорта людей: циники, фанатики и адепты Завета».

Онтиллас, «О безумии человеческом»

«Автор не раз замечал, что при зарождении великих событий люди, как правило, понятия не имеют, чем чреваты их действия. Эта проблема вызвана не тем, что люди слепы к последствиям своих поступков, как можно было бы предположить. Скорее, это результат того, сколь безумным образом тривиальное может обернуться ужасным, когда цели одного человека противоречат целям другого. У адептов школы Багряных Шпилей встарь была такая поговорка: «Когда один человек ловит зайца – он поймает зайца. Но когда зайца ловит множество людей, они поймают дракона». Когда множество людей следуют каждый своим интересам, результат всегда непредсказуем и зачастую кошмарен».

Друз Ахкеймион, «Компендиум Первой Священной войны»

Середина зимы, 4110 год Бивня, Каритусаль

Все шпионы помешаны на своих осведомителях. Это своего рода игра, которой они предаются перед сном или даже во время томительных пауз в разговоре. Посмотрит шпион на своего осведомителя, вот как сейчас Ахкеймион смотрел на Гешрунни, и невольно задастся вопросом: «Что именно ему известно?»

Как и многие кабачки, разбросанные по окраине Червя, огромных трущоб Каритусаля, «Святой прокаженный» одновременно поражал шиком и вопиющей бедностью. Керамическая плитка на полу сделала бы честь дворцу палатина-губернатора, при этом стены были сложены из крашеного кирпича-сырца, а потолки такие низкие, что рослым посетителям приходилось пригибаться, чтобы не задеть головой бронзовые светильники, Ахкеймион однажды слышал, как кабатчик хвастался, будто они – точная копия тех, что висят в храме Эксориетты. В «Прокаженном» вечно толпился народ: угрюмые, порой опасные люди, – однако вино и гашиш тут были достаточно дороги, чтобы те, кто не может себе позволить регулярно мыться, не сидели бок о бок с теми, кто может и моется.

До тех пор, пока Ахкеймион не оказался в «Прокаженном», он всегда недолго любил айнонов – особенно каритусальских. Как и большинство обитателей Трех Морей, он считал их тщеславными и изнеженными: слишком густо умащали они свои бороды, излишне много уделяли внимания иронии и косметике, были чересчур опрометчивы в сексуальных привычках. Но бесконечные часы, что Ахкеймион провел в этом кабачке в ожидании Гешрунни, заставили его переменить мнение. Он обнаружил, что тонкость вкусов и нравов, которая у других народов была свойственна лишь высшим кастам, для айнонов сделалась своего рода страстью, и ей были привержены все, вплоть до слуг и рабов. Он всегда считал обитателей

Верхнего Айнона нацией распутников и мелких заговорщиков, и считал верно, но уж никак не подозревал, что благодаря всему этому они были ему родственными душами.

Быть может, именно поэтому он не сразу почуял опасность, когда Гешрунни сказал:

– Я тебя знаю.

Смуглый даже в свете ламп, Гешрунни опустил руки, которые держал сложенными поверх белой шелковой куртки. Выглядел он внушительно: ястребиное лицо бывалого солдата, черная борода, заплетенная настолько туго, что косицы походили на узкие кожаные ремешки, и толстые руки, такие загорелые, что почти не видно айнонских пиктограмм, вытатуированных от плеча до запястья.

Ахкеймион попытался небрежно усмехнуться.

– Меня и жены мои знают, – бросил он, опрокидывая очередную чашу вина. Потом крикнул и промокнул губы.

Гешрунни всегда был ограниченным человеком – по крайней мере, Ахкеймион считал его таковым. Колеи, которыми катились его мысли и речи, были узки и накатаны. Это свойственно многим воинам, тем более воинам-рабам.

Однако это заявление говорило об обратном.

Гешрунни внимательно следил за Ахкеймионом. Подозрение в его глазах смешивалось с легким изумлением. Он с отвращением мотнул головой.

– Нет, мне следовало сказать: я знаю, кто ты такой.

И подался вперед с задумчивым видом, настолько чуждым солдатским манерам, что у Ахкеймиона мурашки поползли по спине от ужаса. Гудящий кабачок словно бы отдалился, сделался лишь фоном из размытых силуэтов и золотистых точек светильников.

– Тогда запиши это, – ответил Ахкеймион скучающим тоном, – и отдай мне, когда я протрезвею.

Он огляделся по сторонам, как делают скучающие люди, и убедился, что путь к выходу свободен.

– Я знаю, что у тебя нет жен.

– Да ну? И что с того?

Ахкеймион бросил взгляд за спину собеседнику и увидел шлюху, которая, смеясь, приклеивала к своей потной груди блестящий серебряный энсолярий. Толпа пьяных мужиков вокруг нее взревела:

– Раз!

– У нее это довольно ловко получается. Знаешь, как она это делает? Медом мажется.

Но Гешрунни гнул свое.

– Таким, как ты, не дозволено иметь жен.

– Таким, как я? И кто же я, по-твоему?

– Ты – колдун. Адепт.

Ахкеймион расхохотался, уже понимая, что мгновенное замешательство выдало его. Но продолжать спектакль все равно имело смысл. В худшем случае это позволит выиграть несколько лишних секунд. Достаточно, чтобы остаться в живых.

– Клянусь задницей Последнего Пророка, друг мой! – воскликнул Ахкеймион, вновь поглядывая в сторону выхода. – Твои обвинения можно измерять чашами! Кем ты обозвал меня в прошлый раз, шлюхиным сыном?

Со всех сторон слышались смешки. Сзади взревели:

– Два!

Гешрунни скорчил какую-то гримасу – это Ахкеймиону ничего не дало: у его собеседника любое выражение лица смахивало на гримасу, особенно улыбка. Но рука, которая метнулась вперед и сдвинула ему запястье, сказала Ахкеймиону все, что следовало знать.

«Я обречен. Им все известно».

Мало на свете вещей страшнее, чем «они», тем более в Каритусале. «Они» – это Багряные Шпили, самая могущественная из школ Трех Морей, тайные владыки Верхнего Айнона. Гешрунни был командиром джаврегов, воинов-рабов Багряных Шпилей – отчего, собственно, Ахкеймион и обхаживал его последние несколько недель. Это то, чем положено заниматься шпионам – переманивать рабов своих соперников.

Гешрунни грозно смотрел Ахкеймиону в глаза, выворачивая его руку ладонью наружу.

– Проверить мои подозрения проще простого, – негромко сказал он.

– Три! – прогремело среди крашенных кирпичей и обшарпанного красного дерева.

Ахкеймион поморщился – оттого, что Гешрунни сдал ему руку, и оттого, что знал, как именно воин собирается проверять свои подозрения. «Нет, только не это!»

– Гешрунни, прошу тебя! Друг мой, ты просто пьян! Ну какая школа решится вызвать гнев Багряных Шпилей?

Гешрунни пожал плечами.

– Может, мисунсаи. Или Имперский Сайк. Кишаурим. Вас, проклятых, не счесть! Но если бы мне предложили биться об заклад, я поставил бы на Завет. Я бы сказал, что ты – адепт Завета.

Хитроумный раб! Давно ли он узнал?

Невозможные слова вертелись у Ахкеймиона на языке – слова, ослепляющие глаза и обжигающие плоть. «Он не оставил мне выбора!» Конечно, поднимется шум. Люди завопят, схватятся за мечи, но ему они ничего не сделают – только разбегутся с дороги. Айноны боятся магии сильнее, чем любой другой народ Трех Морей.

«Выбора нет!»

Но Гешрунни уже полез под свою вышитую куртку. Нащупал что-то у себя на груди и ухмыльнулся, точно скалящийся шакал.

«Поздно...»

– Сдается мне, – заметил Гешрунни с пугающей небрежностью, – тебе есть что сказать.

И вытянул из-под куртки хору. Подмигнул Ахкеймиону и с ужасающей легкостью порвал золотую цепочку, на которой она висела. Ахкеймион почуял хору с первой же их встречи – именно благодаря ее жуткому бормотанию он вычислил должность Гешрунни. А теперь Гешрунни воспользуется ею, чтобы вычислить его.

– Это что еще такое? – спросил Ахкеймион. По его руке пробежала дрожь животного ужаса.

– Сдается мне, ты это знаешь, Акка. Сдается мне, ты это знаешь куда лучше моего!

Хора... Адепты звали их Безделушками. Люди часто дают шуточные прозвища тому, чего втайне боятся. Но другие люди, те, что вслед за Тысячей Храмов считали колдовство святотатством, называли их Слезами Господними. Однако Бог к их созданию никакого отношения не имел. Хоры были наследием Древнего Севера, настолько ценным, что приобрести их можно лишь путем династического брака, убийства, либо же получить в дань от целого народа. И хоры стоили того: они делали своего владельца неуязвимым для колдовства и убивали любого колдуна, имевшего несчастье их коснуться.

Гешрунни, не отпуская руку Ахкеймиона, поднял хору, держа ее двумя пальцами. На вид ничего особенного в ней не было: железный шарик величиной с маслину, покрытый наклонной вязью нелюдских письмен. Ахкеймион почувствовал, как у него засосало под ложечкой: будто в руках у Гешрунни была не вещь, а отверстие, ничто, крохотная дыра в ткани мира. Стук сердца гулом отдавался в ушах. Он подумал о своем ноже, спрятанном под туникой.

– Четыре!

Хриплый хохот.

Ахкеймион попытался отнять руку. Тщетно.

– Гешрунни...

– У каждого командира джаврегов есть такая вещица, – сказал Гешрунни тоном одновременно задумчивым и гордым. – Хотя это ты и так знаешь.

«Он дурачил меня все это время! Как я мог так ошибиться?!»

– Твои хозяева добры... – выдавил Ахкеймион. Он стыл от ужаса, повисшего в нескольких дюймах над его ладонью.

– Добры? – презрительно бросил Гешрунни. – Багряные Шпили – не добры. Они беспощадны. Они жестоки к тем, кто им противостоит.

Ахкеймион впервые заметил муку, терзавшую этого человека, тоску в его горящих глазах.

«В чем дело?»

И он решился спросить:

– А к тем, кто им служит?

– Для них нет разницы.

«Они ничего не знают! Только сам Гешрунни...»

– Пять! – прогремело под низким потолком.

Ахкеймион облизнул губы.

– Чего ты хочешь, Гешрунни?

Воин-раб посмотрел на трепещущую ладонь Ахкеймиона и опустил Безделушку пониже, точно дитя, которому хочется узнать, что произойдет. От одного вида этой вещи у Ахкеймиона закружилась голова, и во рту появился мерзкий привкус желчи. Хора. Слеза, снятая с божьей щеки. Смерть. Смерть всем святотатцам.

– Чего ты хочешь? – прохрипел Ахкеймион.

– Того же, чего и все, Акка. Истины.

Все, что Ахкеймион видел, все испытания, что он пережил, лежали теперь в узком промежутке между его лоснящейся от пота ладонью и маслянисто блестящим железом. Безделушка. Смерть, ждущая в мозолистых пальцах раба... Но Ахкеймион был адепт, а для адепта истина превыше всего, даже самой жизни. Они ревниво хранили ее, они сражались за обладание ею во всех мрачных пещерах Трех Морей. Лучше умереть, чем выдать истину Завета Багряным Шпилям!

Но тут, похоже, речь об ином. Гешрунни один – в этом Ахкеймион был уверен. Колдун колдуна видит издалека, видит следы его преступлений. И в «Прокаженном» колдунов не было: не было здесь Багряных, лишь пьяницы, бьющиеся об заклад со шлюхами. Гешрунни затеял эту игру сам по себе.

Но для чего? Какова его безумная цель?

«Скажи ему то, чего он хочет. Он уже и так знает».

– Я – адепт Завета, – поспешно шепнул Ахкеймион. И добавил: – Шпион.

Опасные слова. Но разве был у него выбор?

Гешрунни некоторое время пристально смотрел на него. Ахкеймион затаил дыхание. Наконец воин медленно спрятал хору в кулаке. И выпустил руку адепта.

Воцарилась странная тишина, нарушаемая лишь звоном серебряных энсоляриев, посыпавшихся на стол. Тишина взорвалась хохотом, и кто-то хрипло вскричал:

– Проиграла ты, шлюха!

Но Ахкеймион знал, что это к нему не относится. Сегодня вечером он каким-то образом выиграл, и выиграл, как выигрывают шлюхи: сам не зная как.

В конце концов, велика ли разница между шлюхой и шпионом? А уж между шлюхой и колдуном – и того меньше.

Друз Ахкеймион с детства мечтал стать колдуном, но ему и в голову не приходило сделаться шпионом. В словаре детей, воспитанных в рыбацких деревушках Нрона, слова «шпион» просто не было. Во времена его детства Три Моря обладали для него только двумя измерениями: земли делились на ближние и дальние, а люди – на знать и чернь. Слушая байки старых рыбацек, что чесали языком, пока детишки помогали им вскрывать устриц, Ахкеймион понял, что сам он принадлежит к черни, а все могущественные, высокопоставленные люди живут где-то далеко. Старческие губы роняли имя за именем, одно таинственней другого: шрайя Тысячи Храмов, коварные язычники Киана, воинственные скульвенды, хитроумные колдуны Багряных Шпилей – и так далее, и тому подобное. Имена очерчивали измерения мира, наделяли его грозным величием, преобразовывали в арену невероятных трагедий и героических деяний. Засыпая, Ахкеймион чувствовал себя совсем крохотным.

Казалось бы, с тех пор, как он сделался шпионом, простенький мирок его детства должен был обрести множество новых измерений, но вышло как раз наоборот. Конечно, по мере того, как Ахкеймион вырос, его мир усложнялся. Он узнал, что бывают вещи священные и нечестивые, что боги и То, Что Вовне, – не просто очень важные господа и очень дальняя земля: они обладают своими собственными измерениями. Еще он узнал, что бывают времена древние и недавние, и «давным-давно» – не просто разновидность дальних краев, а нечто вроде призрака, пребывающего повсюду.

Но, став шпионом, он внезапно обнаружил, что мир утратил все измерения и стал каким-то плоским. Знатные люди, даже императоры и короли, оказались вдруг такими же мелкими и подлыми, как последний вонючий рыбак. Дальние народы: Конрия, Се Тидонн или Киан, – из экзотических или зачарованных сделались скучными и обыденными, как любая рыбацкая деревушка на Нроне. Священные вещи: Бивень, Тысяча Храмов и даже Последний Пророк оказались всего лишь частным случаем вещей нечестивых, вроде фаним, кишаурим или колдовских школ, как будто слова «священный» и «нечестивый» менялись местами так же легко, как партнеры за карточным столом. А новые времена представляли собой всего лишь затасканную версию древних.

Став адептом и шпионом, Ахкеймион обошел вдоль и поперек земли всех Трех Морей, повидал многое из того, что когда-то приводило его в священный ужас, от которого сладко сосало под ложечкой, и успел убедиться, что байки его детства лучше правды. С тех пор как в отрочестве его определили как одного из Немногих и увезли в Атьерс, учиться в школе Завета, Ахкеймиону доводилось наставлять принцев, оскорблять великих магистров и выводить из себя шрайских жрецов. И теперь он твердо знал, что познания и странствия выхлещивают мир, лишая его чудес. Если сорвать завесу тайны, измерения мира скорее сжимались, чем расцветали. Нет, конечно, теперь мир для него сделался куда сложнее, чем когда Ахкеймион был ребенком, но в то же время – гораздо проще. Повсюду люди занимались одним и тем же: хапали и хапали, как будто титулы «король», «шрайя», «магистр» были лишь разными масками, прячущими одну и ту же алчную звериную харю. Ахкеймиону казалось, что единственное реальное измерение мира – это алчность.

Ахкеймион был средних лет колдун и шпион, и от обоих занятий он успел устать. И хотя он в этом ни за что бы не признался, его снедала тоска. Как сказали бы старые рыбацки, он слишком часто вытягивал пустой невод.

Расстроенный и озадаченный, Ахкеймион оставил Гешрунни в «Святом прокаженном» и поспешил домой – если это можно назвать домом – через темные проулки Червя. Червь, тянувшийся от северных берегов реки Саут до знаменитых Сюрмантических ворот, представлял собой лабиринт обветшалых доходных домов, борделей и обедневших храмов. Ахкеймион всегда думал, что название «Червь» этому месту подходит чрезвычайно. Вечно сырой, источенный тесными проулками, Червь и впрямь напоминал собой какое-то неприятное подземное существо.

С точки зрения его миссии, Ахкеймиону тревожиться было не о чем. Скорее наоборот, следовало радоваться. Если не считать того безумного момента с хорой, Гешрунни открыл ему несколько важных тайн. Оказалось, что Гешрунни вовсе не был счастлив своей участью раба. Он ненавидел Багряных магов, ненавидел с почти пугающей силой.

– Я сдружился с тобой не ради твоего золота, – сказал ему командир джаврегов. – На что оно мне? Выкупиться на свободу? Мои хозяева, Багряные Шпили, нипочем не расстанутся с чем-то ценным. Нет, я сдружился с тобой, потому что знал: ты можешь оказаться полезен.

– Полезен? Но для чего?

– Для мести. Я хочу унижить Багряных Шпилей.

– Так ты знал... Ты с самого начала знал, что я не торговец.

Насмешливый хохот.

– Конечно! Ты слишком щедро сорил деньгами. Если садишься за стол с торговцем и нищим, то скорее нищий угостит тебя выпивкой, чем торгош!

«Ну, и какой ты шпион после этого?»

Ахкеймион нахмурился, злясь на себя за то, что его прикрытие оказалось настолько ненадежным. Но дело даже не в этом. Как ни встревожила его проницательность Гешрунни, больше всего Ахкеймиона пугало то, насколько он недооценил этого человека. Гешрунни был воин и раб – казалось бы, идеальное сочетание для глупца! Но, с другой стороны, если раб умен, у него немало причин скрывать свой ум. Образованный раб еще может оказаться ценностью – взять хотя бы ученых-рабов древней Кенейской империи. Но сообразительного раба следует опасаться – и, возможно, уничтожить.

Однако эта мысль не утешала. «Если он так легко обвел вокруг пальца меня...»

Ахкеймион раздобыл великую тайну Каритусалья и Багряных Шпилей – быть может, величайшую за много лет. Но за это ему следовало благодарить не свои способности – хотя за все эти годы у него было мало поводов усомниться в них, – скорее, напротив, свою безалаберность. В результате он узнал сразу две тайны: одну достаточно страшную в масштабе Трех Морей, другая же была страшна для него лично. Он понял, что уже не тот, каким был раньше.

Рассказ Гешрунни был жуток сам по себе, хотя бы потому, что демонстрировал способность Багряных Шпилей хранить тайны. Гешрунни сказал, что Багряные Шпили воюют – на самом деле воюют уже больше десяти лет. Поначалу на Ахкеймиона это не произвело особого впечатления. Подумаешь! Колдовские школы, как и все Великие фракции, постоянно сталкивались со шпионажем, тайными убийствами, оскорблениями дипломатов. Но Гешрунни заверил, что здесь нечто большее, чем обычная вражда.

– Десять лет назад, – рассказывал Гешрунни, – убили нашего бывшего великого магистра, Сашеоку.

– Сашеоку?! – Ахкеймион не собирался задавать дурацких вопросов, но у него как-то в голове не укладывалось, что великого магистра Багряных Шпилей могли убить. Такого просто не бывает! – Как убили?

– Так и убили, причем во внутренних святилищах Шпилей.

Иными словами, посреди самой мощной системы оберегов в Трех Морях. Мало того, что Завет никогда бы на такое не решился – им бы это просто не удалось, даже с помощью сверкающих Абстракций Гнозиса. Кто же это мог сделать?

– Кто? – шепотом выдохнул Ахкеймион.

Глаза Гешрунни насмешливо блеснули в красноватом свете.

– Язычники. Кишаурим.

Ахкеймион одновременно смутился и вздохнул с облегчением. Кишаурим – единственная языческая школа. Это, по крайней мере, объясняло убийство Сашеоки.

В Трех Морях бытовала поговорка: «Лишь Немногие способны видеть Немногих». Колдовство было могущественно. Произнесенное заклинание ранило мир, точно удар ножа. Но лишь Немногие – сами колдуны – способны видеть нанесенное повреждение, и, более того, лишь им видна кровь на руках того, кто нанес удар, – так называемая «метка». Лишь Немногие могли видеть друг друга и преступления друг друга. При встрече они опознавали друг друга так же уверенно, как обычные люди опознают преступника по вырванным ноздрям.

Но не кишаурим. Никто не знал, почему или как, однако они умели совершать действия столь же значительные и разрушительные, как любой колдун, не оставляя при этом следов и не сохраняя меток своего преступления. Ахкеймиону лишь раз довелось стать свидетелем колдовства кишаурим, которое они называли Псухе, – однажды ночью, давным-давно, в далеком Шайме. С помощью Гнозиса, колдовства Древнего Севера, он уничтожил своих врагов в шафрановых одеяниях, но когда он укрывался за своими берегами, ему казалось, будто он видит далекие ночные зарницы. А грома не было. Не было и следов.

Лишь Немногие способны видеть Немногих, но никто – по крайней мере, никто из адептов – не способен отличить кишаурим и их деяния от обычных людей и обычного мира. Очевидно, именно это и позволило им убить Сашеоку. У Багряных Шпилей были обереги от колдунов и воины-рабы вроде Гешрунни, носящие при себе хоры, но им было нечем защитить себя от колдунов, неотличимых от обычных людей, и от колдовства, неотличимого от Божьего мира. Гешрунни поведал, что теперь по залам Багряных Шпилей свободно бегают псы, обученные вынюхивать шафран и хну, которыми кишаурим красят свои одежды.

Но почему? Что могло заставить кишаурим развязать открытую войну против Багряных Шпилей? Как ни отличалась их метафизика, они не могли надеяться одержать победу в подобной войне. Багряные Шпили просто-напросто чересчур могущественны.

Ахкеймион спросил об этом Гешрунни – воин-раб только плечами пожал.

– Прошло десять лет, и до сих пор ничего не известно.

Ну что ж, хоть какое-то утешение. Для невежды нет ничего лучше чужого невежества.

Друз Ахкеймион пробирался все дальше в глубь Червя, к неухоженному многоэтажному дому, где он снимал комнату, по-прежнему сильнее боясь себя, чем своего будущего.

Выходя из кабачка, Гешрунни споткнулся и упал. Он недовольно скривился и кое-как поднялся, упираясь руками в слежавшуюся пыль на дороге.

– Дело сделано! – пробормотал он и хихикнул, как мог хихикать только в одиночестве.

Воин поднял глаза к небу, окаймленному глинобитными стенами и обтрепанными полотняными навесами. На небе проступали первые звезды.

Внезапно совершенное предательство показалось ему жалкой, беспомощной выходкой. Он выдал врагу своих хозяев единственную настоящую тайну, какую знал. Теперь ему не осталось ничего. Никакого предательства, которое могло бы утихомирить ненависть, пылающую в сердце.

А ненависть была смертельная. Гешрунни был прежде всего человек гордый. И то, что такой, как он, мог родиться рабом, угождать прихотям слабовольных, женоподобных людей... Колдунов! Гешрунни знал, что в иной жизни мог бы стать завоевателем. Мог бы сокрушать одного противника за другим мощью своей длани. Но в этой жизни, в этой проклятой жизни, он мог лишь прятаться по углам с другими женоподобными людьми и сплетничать, как баба.

Разве же сплетнями отомстишь?

Он некоторое время ковылял, пошатываясь, по переулку, пока не заметил, что за ним кто-то крадется. На миг ему подумалось, что хозяева обнаружили его мелкое предательство. Но нет, вряд ли. В Черве полно волков – отчаявшихся людей, что бродят от кабачка к кабачку,

разыскивая тех, кто достаточно напился, чтобы его можно было безнаказанно обчистить. Гешрунни уже свернул шею одному такому – несчастный дурак, который предпочел пойти на убийство, вместо того чтобы продать себя в рабство, как сделал неведомый отец Гешрунни. Воин побрел дальше, насторожившись, насколько позволяло вино. В пьяной голове вертелись возможные варианты развития событий, один кровавее другого. Неплохая ночь для того, чтобы кого-нибудь убить.

Миновав мрачный фасад храма, который в Каритусале звали Пастью Червя, Гешрунни встревожился. Внутри Червя людей преследовали нередко, но мало кто из преследователей выбирался наружу. Вдали, над нагромождением крыш, уже показался главный Шпиль, темно-красный на фоне звездного неба. Кто же осмелился пройти за ним так далеко? Если только не...

Воин стремительно развернулся и увидел лысеющего, пухленького человечка, закутанного, несмотря на жару, в узорчатый шелковый халат, который при дневном свете, должно быть, переливался всеми цветами радуги, но сейчас казался иссиня-черным.

– Ты был среди тех, кто дурачился со шлюхой, – сказал Гешрунни, пытаясь стряхнуть с себя пьяное оцепенение.

– Да, был, – ответил человечек, и его пухлое лицо расплылось в ухмылке. – Очень, очень аппетитная девица. Однако, по правде говоря, меня куда больше заинтересовало то, что ты сообщил адепту Завета.

Гешрунни вытаращил глаза. «Значит, им все известно!»

Опасность всегда его отрезвляла. Он сунул руку в карман, стиснул в кулаке хору – и мощным броском метнул ее в адепта.

Или в того, кого он принял за Багряного адепта. Но незнакомец поймал Безделушку на лету – так небрежно, будто это и впрямь была всего лишь забавная безделица. Повертел ее в руках, как придирчивый меняла – медную монетку. Поднял голову и улыбнулся, моргнув большими телячьими глазами.

– Оч-чень ценный подарок, – сказал он. – Спасибо тебе, конечно, но, боюсь, это неравноценная замена тому, чего я хотел.

«Это не колдун!» Гешрунни раз видел, что бывает, когда хора касается колдуна: вспышка, сгорающая плоть, обугливающиеся кости... Тогда что же это за человек?

– Кто ты? – спросил Гешрунни.

– Тебе, раб, этого не понять.

Командир джаврегов усмехнулся. «Возможно, просто идиот». Он напустил на себя опасное пьяное дружелюбие. Подошел к человечку вплотную и с размаху опустил мозолистую руку на мягкое, словно ватой подбитое плечо. Тот поднял на него телячьи глаза.

– Ох ты, – прошептал незнакомец, – да ты мало того что идиот – ты еще и храбрый идиот вдобавок?

«Отчего он не боится?» Гешрунни вспомнилось, как непринужденно человечек поймал хору, и он почувствовал себя беззащитным. Но отступить он не мог.

– Кто ты? – прохрипел Гешрунни. – Давно ли ты шпионишь за мной?

– Шпиону? За тобой? – Толстячок едва не расхохотался. – Что за самомнение! Рабу такое не к лицу.

«Значит, он шпионит за Ахкеймионом? Да что же это такое?» Гешрунни, как офицеру, было не привыкать запугивать людей, угрожающе нависая над ними. Но этот отчего-то не запугивался. Пухленький, мягкий, он тем не менее чувствовал себя вполне уверенно. Гешрунни это видел. И если бы не неразбавленное вино, ему сделалось бы страшно.

Он сильно стиснул жирное плечо толстячка.

– Говори, пузан, – прошипел он сквозь стиснутые зубы, – или я вытру пыль твоими кишками!

Свободной рукой Гешрунни выхватил нож.

– Кто ты такой?

Толстячок невозмутимо улыбнулся неожиданно жестокой усмешкой.

– Что может быть неприятнее раба, который не желает знать своего места?

Гешрунни, ошеломленный, уставился на свою руку, которая внезапно обвисла. Нож шлепнулся в пыль. Затрещал рукав незнакомца.

– На место, раб! – приказал толстяк.

– Что ты сказал?

Пощечина оглушила Гешрунни, от неожиданной боли слезы брызнули из глаз.

– Я сказал – на место!

Еще одна пощечина, такая сильная, что зубы зашатались. Гешрунни отступил на несколько шагов, пытаясь поднять отяжелевшую руку. Как такое может быть?

– Нелегкая нам предстоит работенка, – печально заметил незнакомец, подходя к нему вплотную, – если даже их рабы одержимы такой гордыней!

Гешрунни в панике пытался нащупать рукоять меча.

Толстяк остановился. Взгляд его метнулся к мечу Гешрунни.

– Ну, обнажи его, – сказал немыслимо ледяной, нечеловеческий голос.

Гешрунни выпучил глаза и застыл, уставясь на вздымающийся перед ним силуэт.

– Я сказал, обнажи меч!

Гешрунни колебался.

Еще одна пощечина – и он рухнул на колени.

– Кто ты?! – воскликнул Гешрунни окровавленными губами.

Тень толстяка упала на него, и Гешрунни увидел, как круглое лицо опало, а потом натянулось, туго, точно кулак попрошайки, стиснувший монету. «Колдовство! Но как такое может быть? У него в руке хора...»

– Я – существо невероятно древнее, – негромко откликнулось жуткое видение. – И немыслимо прекрасное.

Один человек, давно умерший, смотрел на мир множеством глаз адептов Завета: Сесватха, великий противник Не-бога и основатель последней гностической школы – их школы. При свете дня он был бледен и смутен, как детское воспоминание, но по ночам он овладевал ими, и трагедия его жизни властвовала над их снами.

Дымными снами. Снами, выхваченными из ножен.

Ахкеймион смотрел, как Анасуримбор Кельмомас, последний из верховных королей Куниюрии, пал, сраженный молотом рявкающего предводителя шранков. Но, несмотря на то что Ахкеймион вскрикнул от ужаса, он знал тем странным полужнанием, присущим снам, что величайший король династии Анасуримборов уже мертв – мертв давно, более двух тысяч лет. Знал он и то, что не он, Ахкеймион, оплакивает павшего короля, но куда более великий человек – Сесватха.

Слова рвались с его губ. Предводитель шранков вспыхнул ослепительным пламенем и рухнул наземь грудой лохмотьев и пепла. Новые шранки вынырнули из-за вершины холма – но и они умерли, сраженные сверхъестественными вспышками, порожденными его песнью. Вдали виднелся дракон, точно бронзовая статуя в лучах заходящего солнца, кружащий над сражающимися толпами людей и шранков. И он подумал: «Последний из Анасуримборов пал. Куниюрия погибла».

Высокие рыцари Трайсе обогнули его, выкрикивая имя своего короля, растоптали останки сожженного шранка и, словно обезумевшие, хлынули на сгрудившиеся впереди толпы. Ахкеймион остановил незнакомца и с его помощью потащил Анасуримбора Кельмомаса прочь, мимо его отчаянно вопящих вассалов и родичей, сквозь смрад крови,

внутренностей и горелой плоти. Они остановились на небольшой полянке, и он уложил исковерканное тело короля к себе на колени.

Голубые глаза Кельмомаса, обычно такие ледяные, смотрели умоляюще.

– Оставь меня! – выдохнул седобородый король.

– Нет, – ответил Ахкеймион. – Если ты умрешь, Кельмомас, все погибло.

Верховный король улыбнулся разбитыми губами.

– Видишь ли ты солнце? Видишь, как оно сияет, Сесватха?

– Солнце садится, – ответил Ахкеймион.

– Да! Да. Тьма Не-бога – не всеобъемлюща. Боги еще видят нас, дорогой друг. Они далеко, но я слышу, как они скачут в облаках. Они зовут меня, я слышу.

– Ты не можешь умереть, Кельмомас! Ты не должен умирать!

Верховный король покачал головой и ласковым взглядом заставил его умолкнуть.

– Они меня зовут. Они говорят, что мой конец – это еще не конец света. Они говорят, теперь эта ноша – твоя. Твоя, Сесватха.

– Нет... – прошептал Ахкеймион.

– Солнце! Ты видишь солнце? Чувствуешь, как оно греет щеки? Какие открытия таятся в самых простых вещах. Я вижу! Я так отчетливо вижу, каким я был злобным, упрямым глупцом... И как я был несправедлив к тебе – к тебе в первую очередь. Ты ведь простишь старика? Простишь старого дурня?

– Мне нечего прощать, Кельмомас. Ты многое потерял, много страдал...

– Мой сын... Как ты думаешь, он здесь, Сесватха? Как ты думаешь, приветствует ли он меня как своего отца?

– Да... Как своего отца и как своего короля.

– Я тебе когда-нибудь рассказывал, – спросил Кельмомас голосом, хриплым от отцовского тщеславия, – что мой сын некогда пробрался в глубочайшие подземелья Голготтерата?

– Рассказывал. – Ахкеймион улыбнулся сквозь слезы. – Рассказывал, и не раз, старый друг.

– Как мне его не хватает, Сесватха! Как мне хочется еще раз очутиться рядом с ним!

И старый король прослезился. Потом глаза его округлились.

– Я его вижу, вижу так отчетливо! Он оседлал солнце и едет рядом с нами! Скачет через сердца моего народа, пробуждает в них восторг и ярость!

– Тс-с... Побереги силы, мой король. Сейчас придут лекари.

– Он говорит... говорит такие приятные вещи. Он утешает меня. Он говорит, что один из моих потомков вернется, Сесватха, что Анасуримбор вернется...

Тело старика сотрясла дрожь, так, что он брызнул слюной сквозь стиснутые зубы.

– Вернется, когда наступит конец света.

Блестящие глаза Анасуримбора Кельмомаса II, Белого Владыки Трайсе, верховного короля Куниюрии, внезапно потухли. И вместе с ними потухло и вечернее солнце. Бронзовые доспехи норсирайцев растаяли во мраке.

– Наш король! – воскликнул Ахкеймион, обращаясь к столпившимся вокруг убитым горем людям. – Наш король умер!

Но вокруг была тьма. Никто не стоял рядом, и король не покоился у него на коленях. Лишь потные покрывала да звенящая пустота там, где только что гремела битва. Его комната... Он лежал один в своей жалкой комнатенке.

Ахкеймион обхватил себя за плечи и судорожно сжал. Еще один сон, выхваченный из ножен...

Он закрыл лицо руками и заплакал. Сперва он плакал о давно умершем короле Куниюрии, а потом, куда дольше, – об иных, менее достоверных вещах.

Ему послышался отдаленный вой. То ли пес, то ли человек...

Гешрунни волокли по каким-то гнилым закоулкам. Корявые стены проплывали на фоне ночного неба. Конечности безвольно подергивались, не желая повиноваться ему; пальцы цеплялись за сальные кирпичи. Сквозь кровь, булькающую в ноздрах, он почуял запах реки.

«Мое лицо...»

– Ш-ш... што щ-ще? – попытался выговорить он, но говорить было невозможно: у него не осталось губ. «Я же вам все рассказал!»

Сапоги зачавкали по илистому дну. Откуда-то сверху донесся смешок.

– Если око твоего врага оскорбляет тебя, раб, ты ведь вырвешь его, не так ли?

– Жалс-ста... щадите... уля-яю! Щадите-е!

– Пощадить тебя? – рассмеялась тварь. – Глупец! Милосердие – роскошь, доступная лишь праздным! У Завета много глаз, и нам придется вырвать их все!

«Где мое лицо?!»

Его тело утратило вес. Потом над головой сомкнулась холодная вода.

Ахкеймион пробудился в предрассветном сумраке. Голова гудела от выпитого вчера и от новых ночных кошмаров. Новых снов об Армагеддоне.

Он закашлялся, встал с соломенного тюфяка, пошатываясь, подошел к единственному окну и трясущимися руками отодвинул лакированную ставню. Предутренняя прохлада. Серый рассвет. Дворцы и храмы Каритусалья высились среди поросли мелких зданий. Над рекой Сают висел густой туман, расползавшийся по улицам и переулкам нижнего города, точно вода по каналам. Из бесплотной пелены одиноко вздымались Багряные Шпили, крохотные, с ноготок, похожие сейчас на башни мертвого города, погребенного под белыми барханами.

У Ахкеймиона перехватило горло. Он сморгнул слезы с глаз. Ни огонька. Никакого хора стенаний. Все тихо. Даже Шпили дышали царственным покоем.

«Этому миру не должен прийти конец», – подумал он.

Адепт отошел от окна, вернулся к единственному в комнате столу и сел на табурет – или то, что сходило за табурет в этом месте: выглядел он так, словно его спасли с потерпевшего крушение корабля. Ахкеймион обмакнул перо в чернильницу и, развернув небольшой свиток пергамента, валявшийся на столе посреди прочих клочков, написал:

Броды Тиванраз. То же самое.

Сожжение Сауглишской библиотеки. Другое. Видел в зеркале свое лицо, а не С.

Любопытное расхождение. Что бы это значило? Некоторое время Ахкеймион кисло размышлял над тщетностью этого вопроса. Потом вспомнил свое пробуждение посреди ночи. И добавил с новой строки:

Смерть и Пророчество Анасуримбора Кельмомаса. То же самое.

Но действительно ли это тот же самый сон? Да, подробности все те же, но на этот раз в видении была какая-то пугающая реальность. Сон оказался достаточно реальным, чтобы разбудить его. Ахкеймион вычеркнул «то же самое» и дописал:

Другое. Более мощное.

Дождаясь, пока высохнут чернила, он просматривал другие записи, мало-помалу разворачивая свиток. Каждая из них сопровождалась потоком образов и страстей, преображав-

ших немые чернила в кусочки иного мира. Тела, валяющиеся вниз среди сплетенных струй речного водопада. Любовница, сплевывающая кровь сквозь стиснутые зубы. Огонь, обвивающийся вокруг каменных башен, подобно легкомысленному танцору.

Ахкеймион надавил пальцами на глаза. Чего он так прицепился к этим записям? Многие люди, куда мудрее его, сошли с ума, пытаясь расшифровать беспорядочную последовательность и изменения снов Сесватхи. Ахкеймион знал достаточно, чтобы понимать: он никогда не найдет ответа. Что же это тогда? Нечто вроде извращенной игры? Вроде той, в которую играла его мать, когда его отец возвращался с рыбной ловли пьяным: зудела, точила, пилила и требовала объяснений там, где объяснений не было и быть не могло, вздрагивая каждый раз, как отец поднимал руку, и отчаянно вереща, когда он наконец наносил удар?

Зачем зудеть и пилить, требуя объяснений, когда переживать заново жизнь Сесватхи – само по себе мучительно?

Что-то холодное коснулось его груди и стиснуло сердце. Старая дрожь свела руки, и свиток свернулся сам собой, хотя чернила еще не высохли. «Прекрати». Он сцепил пальцы, но дрожь просто перекинулась на локти и плечи. «Прекрати!» В окно ворвался рев шранкских рогов. Ахкеймион скорчился под ударом драконьих крыльев. Он раскачивался на своей табуретке и трясся всем телом.

«Прекрати это!»

Несколько мгновений он не мог вдохнуть. Он услышал отдаленный звон молоточка медника, воронье карканье на крышах...

«Ты этого хотел, Сесватха? Что, так и должно быть?»

Но как было с многими вопросами, которые Ахкеймион себе задавал, он уже знал ответ.

Сесватха пережил Не-бога и Армагеддон, но он знал, что борьба не окончена. Скульвенды вернулись на свои пастбища, шранки рассеялись, деля руины исчезнувшего мира, но Голготтерат остался нетронутым. И с его черных стен слуги Не-бога, Консульт, по-прежнему следили за миром. По сравнению с их терпением обращалась в ничто любая людская стойкость. И никакие эпосы, никакие предостережения в священных книгах не могли одолеть этого терпения. Ибо рукописи, быть может, и не горят, но утрачивают смысл. Сесватха знал: с каждым поколением воспоминания будут бледнеть, и даже Армагеддон забудется. И потому он не ушел – он вселился в своих последователей. Воплотив ужасы своей жизни в их снах, он превратил свое завещание в неумолкающий призыв к оружию.

«Мне было предназначено страдать», – подумал Ахкеймион.

Вынудив себя посмотреть в лицо наступающему дню, он умастил волосы и стер пятнышки грязи с белой вышивки, окаймляющей его синюю тунику. Стоя у окна, заморил червячка сыром и черствым хлебом, глядя, как восходящее солнце рассеивает туман над черной спиной Саюта. Потом приготовил Призывные Напевы и известил своих руководителей в Атьерсе, цитадели школы Завета, обо всем, что рассказал ему Гешрунни вчера вечером.

Они не проявили особого интереса. Его это не удивило. В конце концов, к ним тайная война между Багряными Шпилями и кишаурим прямого отношения не имела. А вот призыв возвращаться домой его удивил. Когда он спросил, зачем, ему ответили только, что это связано с Тысячей Храмов – еще одна фракция, еще одна война, не имеющая прямого отношения к ним.

Собирая свои нехитрые пожитки, Ахкеймион думал: «Ну вот, еще одно бесцельное поручение».

Цинично? А как тут не сделаться циничным?

Все Великие фракции Трех Морей сражались со зримыми, осязаемыми врагами, преследуя зримые, осязаемые цели. И только Завет боролся с врагом, которого не видно, ради цели, в которую никто не верил. Это делало адептов Завета изгоями по двум причинам: не только как колдунов, но и как глупцов. Нет, конечно, властители Трех Морей, как кетьяне,

так и норсирайцы, знали о Консульте и угрозе второго Армагеддона – еще бы им не знать, после того как посланцы Завета веками талдычили об этом! – но они не верили.

Несколько веков Консульт враждовал с Заветом – а потом попросту исчез. Пропал. Никто не знал, почему и как, хотя гипотез строилась уйма. Быть может, их уничтожили неведомые силы? А может, они уничтожили себя сами? Или просто нашли способ скрыться от глаз Завета? Три века миновало с тех пор, как Завет в последний раз сталкивался с Консультом. Уже три века они ведут войну без врага.

Адепты Завета бродили по всем Трем Морям вдоль и поперек, охотясь за противником, которого они не могли найти и в которого никто не верил. Им завидовали: они владели Гнозисом, колдовством Древнего Севера, и в то же время они служили посмешищем, их считали шутами и шарлатанами при дворах всех Великих фракций. Однако каждую ночь их навещал Сесватха. И каждое утро они просыпались в холодном поту с мыслью: «Консульт среди нас!»

Ахкеймион даже не знал, было ли время, когда он не чувствовал внутри себя этого ужаса. Этой сосущей пустоты под ложечкой, как будто катастрофа зависит от чего-то, о чем он забыл. Как будто кто-то нашептывал ему на ухо: «Ты должен что-то предпринять...» Но никто в Завете не знал, что именно следует предпринять. И пока это не станет известно, все их действия будут такой же пустышкой, как кривлянья балаганного лицедея.

Их будут посылать в Каритусаль, чтобы заманивать высокопоставленных рабов вроде Гешрунни. Или в Тысячу Храмов – неизвестно зачем.

Тысяча Храмов. Что Завету может быть нужно от Тысячи Храмов? Как бы то ни было, это означало – бросить Гешрунни, их первого реального осведомителя в школе Багряных Шпилей за все это поколение. Чем больше размышлял об этом Ахкеймион, тем более из ряда вон выходящим ему это представлялось.

«Быть может, это поручение будет не таким, как остальные».

При мысли о Гешрунни он забеспокоился. Пусть он всего лишь вояка, но этот человек рисковал больше, чем жизнью, выдавая Завету великую тайну. К тому же он одновременно умен и полон ненависти – идеальный осведомитель. Не годится потерять его.

Ахкеймион снова достал чернила и пергамент, склонился над столом и быстро нацарапал:

Мне придется уехать. Но знай: твои услуги не забыты, и теперь у тебя есть друзья, преследующие те же цели. Никому ничего не говори, и с тобой все будет в порядке.

А.

Ахкеймион рассчитался за комнату с рябой хозяйкой и вышел на улицу. Он нашел Чики, сироту, который обычно служил ему посыльным. Чики спал в соседнем переулке. Мальчишка свернулся клубочком на драном мешке за кучей отбросов, над которой клубились мухи. На щеке у него красовалось уродливое родимое пятно в форме граната, а так это был довольно симпатичный мальчуган: его оливковая кожа под слоем грязи была гладкой, как у дельфина, а черты лица выглядели не менее изящными, чем у любой из палатинских дочек. Ахкеймион содрогнулся при мысли о том, чем этот мальчишка зарабатывает себе на жизнь помимо его случайных поручений. На прошлой неделе Ахкеймион повстречался с каким-то пьяным аристократишкой – роскошный макияж пьянчуги был наполовину размазан, одной рукой он расстегивал ширинку и пьяно интересовался, не видел ли кто его милого Гранатика.

Ахкеймион разбудил парнишку, потыкав его носком купеческой туфли. Тот вскочил как ошпаренный.

– Чики, ты помнишь, чему я тебя учил?

Мальчуган уставился на него с деланой бодростью человека, которого только что разбудили.

– Да, господин! Я ваш гонец.

– А что делают гонцы?

– Они доставляют вести, господин. Тайные вести.

– Молодец, – сказал Ахкеймион и протянул парнишке сложенный листок пергамента. – Мне нужно, чтобы ты доставил это человеку по имени Гешрунни. Запомни хорошенько: Гешрунни! Его ни с кем не спутаешь. Он командир джаврегов, часто бывает в «Святом прокаженном». Ты знаешь, где «Святой прокаженный»?

– Знаю, господин!

Ахкеймион достал из кошелька серебряный энсолярий и не удержался от улыбки при виде того, как восхищенно вытаращился парнишка. Чики выхватил монету из его руки, как приманку из мышеловки. Прикосновение его ручонки почему-то ввергло колдуна в меланхолию.

Глава 2 Атьерс

«Пишу, чтобы сообщить вам, что во время последней аудиенции император Нансурии назвал меня «глупцом», хотя никаких поводов к тому я не подавал. Вас это, по всей вероятности, не встревожит. В последнее время подобным никого уже не удивишь. Консулт теперь скрывается от нас еще надежнее прежнего. Мы узнаем о них только из чужих тайн. Мы замечаем их только в глазах тех, кто отрицает само их существование. Почему бы людям и не считать нас глупцами? Чем глубже Консулт затаивается среди Великих фракций, тем безумнее звучат для них наши проповеди. Как сказали бы эти проклятые нансуры, мы подобны охотнику в густом кустарнике – человеку, который самым фактом того, что охотится, уничтожает всякую надежду когда-либо настичь свою добычу».

Неизвестный адепт Завета, из письма в Атьерс

Конец зимы, 4110 год Бивня, Атьерс

«Меня призвали домой», – думал Ахкеймион. В самом слове «дом» в применении к этому месту чувствовалась ирония. Мало было мест на свете – разве что Голготтерат, да еще, пожалуй, Багряные Шпили, – более холодных и негостеприимных, чем Атьерс.

Крохотный и одинокий посреди зала аудиенций, Ахкеймион старался сдерживать нетерпение. Члены Кворума, правящего совета школы Завета, кучками толпились по темным углам и внимательно изучали его. Он знал, кого они видят: плотного мужика в простом коричневом дорожном халате, с прямоугольной бородкой, в которой поблескивают седые пряди. Ахкеймион выглядел как человек, который большую часть жизни провел в пути: широкие плечи и загорелое, дубленое лицо чернорабочего. Совсем не похожий на колдуна.

Впрочем, шпиону ни в коем случае не следует быть похожим на колдуна.

Раздраженный их пристальными взглядами, Ахкеймион с трудом сдерживался, чтобы не спросить, не хотят ли они, подобно внимательному работорговцу, еще и посмотреть его зубы.

«Наконец-то дома».

Атьерс, цитадель школы Завета, – его дом, и всегда останется для него домом, но, появляясь здесь, Ахкеймион почему-то каждый раз чувствовал себя приниженным. Дело не только в тяжеловесной архитектуре: Атьерс был выстроен в соответствии с обычаями Древнего Севера, а тамошние архитекторы не имели представления ни об арках, ни о куполах. Внутренние галереи цитадели представляли собой лес массивных колонн, и под потолком вечно клубились дым и мрак. Каждую колонну покрывал стилизованный рельеф, и горящие жаровни отбрасывали чересчур причудливые тени – по крайней мере, так казалось Ахкеймиону. Казалось, помещение меняется с каждым колебанием пламени.

Наконец один из Кворума обратился к нему:

– Ахкеймион, нам не следует более пренебрегать Тысячей Храмов – по крайней мере, с тех пор, как Майтанет захватил престол и объявил себя шрайей.

Разумеется, молчание нарушил Наутцера. Это был тот человек, чей голос Ахкеймион меньше всего хотел слышать, но именно он всегда говорил первым.

– До меня доходили только слухи, – ответил Ахкеймион сдержанным тоном – с Наутцерой никто иначе не разговаривал.

– Поверь мне, – кисло ответил Наутцера, – слухи не отдают должного этому человеку.

– Но выживет ли он?

Естественный вопрос. Немало шрайи хватались за кормило Тысячи Храмов – и обнаруживали, что этот огромный корабль отказывается повиноваться им.

– Этот выживет, – ответил Наутцера. – Более того, он процветает. Все – слышишь, все культы явились к нему в Сумну. Все до единого облобызали его колено. И при этом безо всяких политических уловок, обязательных для такой передачи власти. Никаких мелких бойкотов. Ни единого не явившегося!

Он сделал паузу, давая Ахкеймиону время оценить значение сказанного.

– Он расшевелил нечто... – Надменный старый колдун поджал губы, спуская следующее слово с цепи, точно опасного пса: – Нечто невиданное! И не только в Тысяче Храмов.

– Но ведь такое уже бывало, – решился вставить Ахкеймион. – Фанатики, манящие спасением в одной руке, чтобы отвлечь внимание от кнута в другой. Рано или поздно кнут станет виден всем.

– Нет. «Такого» еще не бывало. Никто не выдвигался так стремительно и так ловко. Майтанет – не просто энтузиаст. За первые три недели его правления были раскрыты два заговора с целью его отравить – и, главное, раскрыл их не кто иной, как сам Майтанет. В Сумне были разоблачены и казнены не менее семи императорских агентов. В этом человеке есть нечто большее, чем хитрость и коварство. Нечто куда большее.

Ахкеймион кивнул и прищурился. Теперь он понимал, почему его вызвали так срочно. Больше всего могущественные ненавидят перемены. Великие фракции давно уже отвели место для Тысячи Храмов и их шрайи. А этот Майтанет помочился им в выпивку, как сказали бы нронцы. И, что еще хуже, сделал это с умом.

– Грядет Священная война, Ахкеймион.

Ошеломленный, Ахкеймион обвел взглядом темные силуэты прочих членов Кворума, ища подтверждения услышанному.

– Вы не шутите?

Наутцера вышел из тени, остановившись лишь тогда, когда вплотную приблизился к Ахкеймиону и навис над ним. Древний колдун в совершенстве владел искусством повергать в трепет одним своим присутствием: он был очень высок и от старости выглядел довольно жутко. Его дряблая, морщинистая кожа просто оскорбляла шелка, которые носил колдун.

– Отнюдь.

– Священная война? Но с кем? С фаним?

За всю свою историю Три Моря лишь дважды становились свидетелями настоящих Священных войн, и обе велись скорее против школ, нежели против язычников. Последняя, известная под названием Войны магов, оказалась губительной для обеих сторон. Сам Атьерс семь лет пробыл в осаде.

– Это неизвестно. Пока что Майтанет объявил только, что будет Священная война, а с кем именно – сообщить не соизволил. Как я уже говорил, этот человек дьявольски хитер и коварен.

– И вы боитесь новой Войны магов.

Ахкеймиону с трудом верилось, что он ведет подобный разговор. Он знал, что мысль о новой Войне магов должна бы привести его в ужас. Но вместо этого сердце его отчаянно колотилось от восторга. Неужели дошло до этого? Неужели он настолько устал от бесплодной миссии Завета, что теперь готов приветствовать перспективу войны против айнрити с каким-то извращенным облегчением?

– Именно этого мы и боимся. Жрецы вновь открыто отвергают нас, называют нас «нечистыми».

Нечистыми... Именно так называют их в «Хронике Бивня», которую в Тысяче Храмов почитают истинным словом Божиим, – тех Немногих, кто достаточно образован и наделен врожденной способностью творить колдовство. «Выврите у них языки их, – гласило священное писание, – ибо нечестие их есть святотатство, чернее которого нет...» Отец Ахкеймиона – который, подобно многим нронцам, ненавидел тиранию Атьерса, – вколотил это убеждение и в самого Ахкеймиона. Отцы умирают, но убеждения их пребывают вовеки.

– Но я об этом ничего не слышал.

Старик подался вперед. Его крашенная борода была прямоугольной, как и у самого Ахкеймиона, но при этом тщательно заплетенной на манер восточных кетянь. Ахкеймиона поразило несоответствие старческого лица и черных волос.

– Но ты и не мог этого слышать, не так ли, Ахкеймион? Ведь ты был в Верхнем Айноне. Какой жрец решится порицать колдовство среди народа, которым правят Багряные Шпили, а?

Ахкеймион уставился на старого колдуна исподлобья.

– Но этого следовало ожидать, не правда ли?

Вся идея внезапно показалась ему нелепой. «Такое случается с другими людьми, в другие времена».

– Вы говорите, что этот Майтанет коварен. Есть ли лучший способ укрепить свою власть, чем возбуждать ненависть к тем, кто осужден Бивнем?

– Разумеется, ты прав.

Наутцера имел крайне неприятную манеру присваивать себе чужие возражения.

– Но есть куда более пугающая причина полагать, что он обрушится скорее на нас, нежели на фаним.

– И что это за причина?

– Причина в том, Ахкеймион, – ответил другой голос, – что война против фаним победоносной стать не может.

Ахкеймион взглянул во мрак между колоннами. Это был Симас. В его белоснежной бороде виднелась ироническая усмешка. На нем было серое одеяние поверх синего шелка. Даже внешне он казался водяной противоположностью огненному Наутцере.

– Как проходило твое путешествие? – спросил Симас.

– Сны были особенно мучительны, – ответил Ахкеймион, слегка ошеломленный переходом от тяжелых раздумий к светской беседе.

Давным-давно, словно в прошлой жизни, Симас был его наставником. Именно он похоронил наивность сына нронского рыбака в безумных откровениях Завета. Они несколько лет

не общались напрямую: Ахкеймион долго странствовал, – но легкость обращения, способность разговаривать, не сбиваясь на джнан, осталась.

– Что ты имеешь в виду, Симас? Отчего Священная война против фаним не может закончиться победой?

– Из-за кишаурим.

Опять кишаурим!

– Боюсь, я не улавливаю твоей мысли, бывший наставник. Ведь разумеется, айнрити проще будет вести войну с кианцами, народом, у которого всего одна школа – если кишаурим можно назвать «школой», – чем воевать со всеми школами, вместе взятыми.

Симас кивнул.

– На первый взгляд – быть может. Но подумай вот о чем, Ахкеймион. По нашим расчетам, в самой Тысяче Храмов от четырех до пяти тысяч хор. Это означает, что они способны выставить самое меньшее четыре-пять тысяч человек, неуязвимых для любой нашей магии. Добавь сюда всех владык айнрити, которые тоже носят Безделушки, и у Майтанета получится армия порядка десяти тысяч человек, с которыми мы ничего поделать не сможем.

В Трех Морях хоры были критической переменной в алгебре войны. В большинстве отношений Немногие были подобны богам по сравнению с обычными людьми. И лишь хоры препятствовали школам полностью покорить себе Три Моря.

– Разумеется, – ответил Ахкеймион, – но ведь Майтанет может с тем же успехом направить этих людей и против кишаурим. Кишаурим, конечно, сильно отличаются от нас, но наверняка они не менее уязвимы для Безделушек.

– Ты думаешь, он это может?

– А почему нет?

– Потому что между его армией и кишаурим встанет вся военная мощь Киана. Кишаурим – не школа, дружище. Они, в отличие от нас, не держатся в стороне от веры и народа своей страны. Священное воинство будет пытаться одолеть языческих вождей Киана, а кишаурим – сеять среди него разрушения.

Симас опустил подбородок, как будто хотел проткнуть себе грудь собственной бородой.

– Теперь понял?

Ахкеймион все понял. Он видел такую битву в снах: броды Тиванраэ, где войска древней Акксерсии сгорели в пламени Консульты. При одной мысли о той трагической битве перед глазами у него, точно наяву, встали призраки людей, пытающихся укрыться в воде, корчащиеся в огромных кострах... Сколько народу погибло тогда у бродов?

– Как у Тиванраэ... – прошептал Ахкеймион.

– Как у Тиванраэ, – подтвердил Симас тоном одновременно мрачным и мягким. Этот кошмар видели все. У адептов Завета все кошмары были общие.

Пока они беседовали, Наутцера пристально следил за ними. Его суждения были легко предсказуемы, как у пророка Бивня, – только там, где пророки видели грешников, Наутцера видел глупцов.

– И, как я уже говорил, – заметил старик, – этот Майтанет хитер и наделен недюжинным умом. Разумеется, он понимает, что войну против фаним ему не выиграть.

Ахкеймион тупо смотрел на колдуна. Его прежний восторг улетучился, сменившись ледяным, липким страхом. Еще одна Война магов... Сны о Тиванраэ показали ему ужасающие стороны подобного события.

– Поэтому меня и отозвали из Верхнего Айнона? Готовиться к Священной войне нового шрайи?

– Нет, – отрезал Наутцера. – Мы просто сообщили тебе причины, по которым мы опасаемся, что Майтанет может развязать против нас свою Священную войну. На самом же деле нам неизвестно, что он замышляет.

– Вот именно, – добавил Симас. – Если сравнить школы и фаним, то фаним, безусловно, представляют большую угрозу для Тысячи Храмов. Шайме уже много веков находится в руках язычников, а империя – всего лишь бледная тень того, чем она была когда-то. В то время как Киан сделался могущественнейшей силой Трех Морей. Нет. Для шрайи было бы куда разумнее объявить целью своей Священной войны именно фаним...

– Но, – перебил его Наутцера, – все мы знаем, что вера не в ладах с разумом. Когда речь идет о Тысяче Храмов, разница между разумным и неразумным особого значения не имеет.

– Вы посылаете меня в Сумну, – сказал Ахкеймион. – Чтобы выяснить истинные намерения Майтанета.

Из-под крашеной бороды Наутцеры показалась злобная улыбочка.

– Вот именно.

– Но что я могу? Я не бывал в Сумне много лет. У меня там и связей-то не осталось.

Это было или не было правдой – зависит от того, что понимать под словом «связи». Знал он в Сумне одну женщину – Эсменет. Но это было давно.

А еще... Ахкеймион вздрогнул. Могут ли они знать об этом?

– Это не так, – ответил Наутцера. – Симас сообщил нам о том твоём ученике, который... – он остановился, как будто подбирал слово для понятия слишком ужасного, чтобы вести о нем речь в вежливом разговоре, – переметнулся к нашим врагам.

«Симас? – Ахкеймион взглянул на своего наставника. – Зачем ты им сказал?!»

– Вы имеете в виду Инрау, – осторожно уточнил Ахкеймион.

– Да, – ответил Наутцера. – И этот Инрау сделался, по крайней мере мне так говорили, – и он снова бросил взгляд на Симаса, – шрайским жрецом.

Он осуждающе нахмурился. «Твой ученик, Ахкеймион. Твое предательство».

– Ты слишком суров, как всегда, Наутцера. Злополучный Инрау родился с восприимчивостью Немногих и в то же время с чуткостью жреца. Наш образ действий погубил бы его.

– Ах да, чуткость! – старческая физиономия скривилась. – Но ответь нам, и как можно более прямо: что ты можешь сказать об этом бывшем ученике? Предпочел ли он забыть о прошлом, или же Завет может вернуть его себе?

– Можно ли его сделать нашим шпионом? Вы это имеете в виду?

Шпиона – из Инрау? Очевидно, Симас усугубил свое предательство тем, что ничего им об Инрау не рассказал.

– Полагаю, это само напрашивается, – сказал Наутцера.

Ахкеймион ответил не сразу. Он взглянул на Симаса – лицо его бывшего наставника стало чрезвычайно серьезным.

– Отвечай, Акка! – велел Симас.

– Нет. – Ахкеймион снова повернулся к Наутцере. Сердце в груди окаменело. – Нет. Инрау все наше чересчур чуждо. Он не вернется.

Холодная ирония на старческом лице казалась горькой.

– О нет, Ахкеймион, он вернется.

Ахкеймион понимал, чего они требуют: применения колдовства и предательства, которое оно повлечет за собой. Он был близким Инрау человеком. Но он обещал его защищать. Но они были... близки.

– Нет, – отрезал он. – Я отказываюсь. Дух Инрау хрупок. Ему не хватит мужества сделать то, чего вы требуете. Нужен кто-то другой.

– Никого другого нет.

– И тем не менее, – повторил он, только теперь начиная постигать все последствия своего поступка, – я отказываюсь.

– Отказываешься? – прошипел Наутцера. – Только оттого, что этот жрец – слабак? Ахкеймион, ты должен мать придушить, если...

– Ахкеймион поступает так из верности, Наутцера, – перебил его Симас. – Не путай одно и другое.

– Ах, из верности? – огрызнулся Наутцера. – Но ведь как раз о верности-то и речь, Симас! Того, что разделяем мы, другим людям не понять! Мы плачем во сне – все как один. Если есть такие узы – крепче греха! – верность кому-то постороннему ничем не лучше мятежа!

– Мятежа? – воскликнул Ахкеймион, зная, что теперь действовать следует осторожно. Такие слова подобны бочкам с вином – раз откупоренное, оно чем дальше, тем хуже. – Вы меня не поняли – вы оба. Я отказываюсь из верности Завету. Инрау слишком слаб. Мы рискуем пробудить подозрения Тысячи Храмов...

– Ложь, и ложь неубедительная! – проворчал Наутцера. Потом расхохотался, как будто понял, что ему следовало с самого начала ожидать подобной дерзости. – Все школы шпионят, Ахкеймион! Мы ничем не рискуем – они нас подозревают заранее! Но это ты и так знаешь.

Старый колдун отошел и принялся греть руки над углями, тлеющими в ближайшей жаровне. Оранжевые блики обрисовали силуэт его мощной фигуры, высветили узкое лицо на фоне массивных колонн.

– Скажи мне, Ахкеймион, если бы этот Майтанет и угроза Священной войны против школ были делом рук нашего, мягко говоря, неуловимого противника, не стоило бы тогда бросить на весы и хрупкую жизнь Инрау, и даже добрую репутацию Завета?

– Ну, в этом случае – да, конечно. Если бы это действительно было так, – уклончиво ответил Ахкеймион.

– Ах, да! Я и забыл, что ты причисляешь себя к скептикам! Что же ты имеешь в виду? Что мы охотимся за призраками?

Последнее слово он выплюнул с отвращением, словно кусок несвежего мяса.

– Полагаю, в таком случае ты скажешь: возможность того, что мы наблюдаем первые признаки возвращения Не-бога, перевешивается реальностью – жизнью этого перебежчика. Заявишь, что возможность управлять Армагеддоном не стоит дыхания глупца.

Да, именно это Ахкеймион и ощущал. Но как мог он признаться в подобном?

– Я готов понести наказание.

Он старался говорить ровным тоном. Но его голос! Мужичий. Обиженный.

– Я – не хрупок.

Наутцера смерил его яростным взглядом.

– Скептики! – фыркнул он. – Все вы совершаете одну и ту же ошибку. Вы путаете нас с другими школами. Но разве мы боремся за власть? Разве мы вьемся около дворцов, создавая берега и вынюхивая колдовство, точно псы? Разве мы поем в уши императорам и королям? Из-за того, что Консульт не видно, вы путаете наши действия с действиями тех, у кого нет иной цели, кроме власти и ее ребяческих привилегий. Ты путаешь нас со шлюхами!

Может ли такое быть? Нет. Он сам думал об этом, думал много раз. В отличие от других, тех, кто подобен Наутцере, он способен отличать свой собственный век от того, который снится ему ночь за ночью. Он видит разницу. Завет не просто застрял между эпохами – он застрял между снами и бодрствованием. Когда скептики, те, кто полагал, будто Консульт навеки покинул Три Моря, смотрели на Завет, они видели не школу, скомпрометированную мирскими устремлениями, а нечто совершенно противоположное: школу не от мира сего. «Завету», который, в конце концов, был заветом истории, не следовало вести мертвую войну

или обожествлять давно умершего колдуна, который обезумел от ужасов этой войны. Им следовало учиться – жить не в прошлом, но основываясь на прошлом.

– Так ты желаешь побеседовать со мной о философии, Наутцера? – спросил Ахкеймион, свирепо посмотрев на старика. – Прежде ты был слишком жесток, теперь же попросту глуп.

Наутцера ошеломленно заморгал.

– Я понимаю твои колебания, друг мой, – поспешно вмешался Симас. – Я и сам испытываю сомнения, как тебе известно.

Он многозначительно взглянул на Наутцера. Тот все никак не мог опомниться.

– В скептицизме есть своя сила, – продолжал Симас. – Бездумно верующие первыми гибнут в опасные времена. Но наше время – действительно опасное, Ахкеймион. Таких опасных времен не бывало уже много-много лет. Быть может, достаточно опасное, чтобы усомниться даже в нашем скептицизме, а?

Ахкеймион обернулся к наставнику. Что-то в тоне Симаса зацепило его.

Симас на миг отвел глаза. На лице его отразилась короткая борьба. Он продолжал:

– Ты заметил, как сильны сделались Сны. Я это вижу по твоим глазам. У нас у всех в последнее время глаза немного очумелые... Что-то такое...

Он помолчал. Взгляд его сделался рассеянным, как будто он считал собственный пульс. У Ахкеймиона волосы на голове зашевелились. Он никогда не видел Симаса таким. Нерешительным. Напуганным даже.

– Спроси себя, Ахкеймион, – произнес он наконец. – Если бы наши противники, Консулы, хотели захватить власть над Тремя Морями, какой инструмент оказался бы удобнее, чем Тысяча Храмов? Где удобнее прятаться от нас и в то же время управлять невероятной силой? И есть ли лучший способ уничтожить Завет, последнюю память об Армагеддоне, чем объявить Священную войну против Немногих? Вообрази, что людям придется вести войну с Не-богом, и при этом рядом не будет нас, которые могли бы направлять и защищать их.

«Не будет Сесватхи...»

Ахкеймион долго смотрел на своего старого наставника. Должно быть, его колебания были видны всем. Тем не менее, ему явились образы из Снов – ручеек мелких ужасов. Выдача Сесватхи в Даглиаш. Распятие. Блестят на солнце бронзовые гвозди, которыми пробиты его руки. Губы Мекеретрига читают Напевы Мук. Его вопли... Его? Но в том-то и дело: это не его воспоминания! Они принадлежат другому, Сесватхе, и их необходимо преодолеть, чтобы иметь хоть какую-то надежду двигаться дальше.

Симас смотрел так странно, глаза его были полны любопытства – и колебаний. Что-то действительно изменилось. Сны сделались сильнее. Неотступнее. Настолько, что, стоило на миг забыться – и настоящее исчезало, уступая место какому-то былому страданию, временами настолько ужасному, что тряслись руки, а губы невольно раздвигались в беззвучном крике. Возможность того, что все эти ужасы вернутся вновь... Стоит ли из-за этого принести в жертву Инрау, его любовь? Юношу, который так утешил его усталое сердце. Который научил наслаждаться воздухом, которым он дышит... Проклятие! Этот Завет – проклятие! Лишенный Бога. Лишенный настоящего. Лишь цепкий, удушливый страх, что будущее может стать таким же, как прошлое.

– Симас... – начал Ахкеймион, но запнулся.

Он уже готов был уступить, но сам факт того, что Наутцера находился поблизости, заставил его умолкнуть. «Неужели я стал настолько мелочен?»

Воистину безумные времена! Новый шрайя, айнрити, взбодораженные обновленной верой, возможность того, что повторятся Войны магов, внезапно усилившиеся Сны...

«Это время, в котором я живу. Все это происходит сейчас».

Это казалось невозможным.

– Ты понимаешь наш долг так же глубоко, как и любой из нас, – негромко сказал Симас. – Как и то, что поставлено на кон. Инрау был с нами, хотя и недолго. Быть может, он сумеет понять – даже без Напевов.

– Кроме того, – добавил Наутцера, – если ты откажешься ехать, ты просто вынудишь нас отправить кого-то другого... как бы это сказать? Менее сентиментального.

Ахкеймион в одиночестве стоял на парапете. Даже здесь, на башнях, высящихся над проливом, он чувствовал, как давят на него каменные стены Атьерса, как он мал рядом с циклопическими твердынями. И даже море почти не помогало.

Все произошло так быстро: как будто гигантские руки подхватили его, повалили между ладонями и швырнули в другом направлении. В другом, но, в сущности, в том же самом. Друг Ахкеймион прошел немало дорог на Трех Морях, истоптал немало сандалий и ни разу не заметил даже признака того, за чем охотился. Пустота, все та же пустота.

Собеседование на этом не закончилось. Любые встречи с Кворумом, казалось, нарочно затягивались до бесконечности, отягощенные ритуалами и невыносимой серьезностью. Ахкеймион думал, что, наверное, Завету подобает такая серьезность, учитывая особенности их войны, если поиски на ощупь в темноте можно назвать войной.

Даже после того, как Ахкеймион сдался, согласился перетянуть Инрау на сторону Завета любыми средствами, честными или бесчестными, Наутцера счел необходимым распечь его за упрямство.

– Как ты мог забыть, Ахкеймион? – взывал старый колдун тоном одновременно плаксивым и умоляющим. – Древние Имена по-прежнему взирают на мир с башен Голготтерата – и как ты думаешь, куда они смотрят? На север? На севере – дичь и глушь, Ахкеймион, там одни шранки и развалины. Нет! Они смотрят на юг, на нас! И строят свои замыслы с терпением, непостижимым рассудку! Лишь Завет разделяет это терпение. Лишь Завет помнит!

– Быть может, Завет помнит слишком многое, – возразил Ахкеймион.

Но теперь он мог думать только об одном: «А я что, забыл?»

Адепты Завета ни при каких обстоятельствах не могли забыть то, что произошло, – это обеспечивали Сны Сесватхи. Но цивилизация Трех Морей была весьма назойлива. Тысяча Храмов, Багряные Шпили, все Великие фракции Трех Морей непрерывно боролись друг с другом. Посреди этих хитросплетений легко забывался смысл прошлого. Чем более насущны заботы настоящего, тем сложнее видеть то, в чем прошлое предвещает будущее.

Неужели его забота об Инрау, ученике, подобном сыну, заставила его забыть об этом?

Ахкеймион превосходно понимал геометрию мира Наутцеры. Некогда это был и его мир. Для Наутцеры настоящего не существовало: было лишь ужасное прошлое и угроза того, что будущее может стать таким же. Для Наутцеры настоящее ужалось до минимума, сделалось ненадежной точкой опоры для весов, на которых лежат история и судьба. Пустой формальностью.

Его можно понять. Ужасы древних войн неописуемы. Почти все великие города Древнего Севера пали пред Не-богом и его Консультom. Великая библиотека Сауглиша была разорена. Трайсе, священную Матерь Городов, сровняли с землей. Снесли Башни Микл, Даглиаш, Кельмеол... Целые народы были преданы мечу.

Для Наутцеры этот Майтанет важен не потому, что он – шрайя, а потому, что он может принадлежать к этому миру без настоящего, миру, чьей единственной системой координат служит былая трагедия. Потому что он может оказаться зачинщиком нового Армагеддона.

«Священная война против школ? Шрайя – подручный Консультa?»

Можно ли не содрогнуться от подобных мыслей?

Ахкеймиона трясло, несмотря на то что ветер был теплый. Внизу, в проливе, вздымались волны. Темные валы тяжело накатывались, сталкивались друг с другом, вздымались к небесам, как будто сами боги сражались там.

«Инрау...» Ахкеймиону достаточно было вспомнить это имя, чтобы, пусть на миг, испытать мимолетное ощущение покоя. Он почти не ведал покоя в своей жизни. А теперь он вынужден бросить этот покой на одни весы с кошмаром. Ему придется пожертвовать Инрау, чтобы получить ответ на вопросы.

Когда Инрау впервые явился к Ахкеймиону, это был шумный, проказливый подросток, мальчишка на рассвете возмужания. Ни в его внешности, ни в разуме не было ничего из ряда вон выходящего, и тем не менее Ахкеймион тотчас заметил в нем нечто, делавшее его непохожим на остальных. Быть может, воспоминание о Нерсее Пройасе, первом ученике, которого он полюбил. Но Пройас возгордился, исполнился сознания того, что когда-нибудь он станет королем, а Инрау остался просто... Просто Инрау.

У наставников было немало причин любить своих учеников. В первую очередь они любили их просто за то, что ученики их слушали. Но Ахкеймион любил Инрау не как ученика. Он видел, что Инрау – хороший. Это не имело ничего общего с показной добродетелью Завета, который на самом деле марался в грязи ничуть не меньше всего остального человечества. Нет. То добро, которое Ахкеймион видел в Инрау, не имело отношения к хорошим поступкам или достойным целям: это было нечто внутреннее. У Инрау не было ни тайн, ни смутной потребности скрывать свои недостатки или выставлять себя важнее, чем он есть, во мнении прочих людей. Он был открыт, как ребенок или дурачок, и обладал той же благословенной наивностью, невинностью, говорящей скорее о мудрости, нежели о безумии.

Невинность. Если Ахкеймион о чем и забыл, так это о невинности.

Разве мог он не полюбить такого юношу? Он помнил себя, стоящего вместе с ним на этом самом месте и наблюдающего за тем, как серебристый солнечный свет вспыхивает на спинах валов.

– Солнце! – воскликнул Инрау. А когда Ахкеймион спросил, что он имеет в виду, Инрау только рассмеялся и сказал: – Разве ты сам не видишь? Разве ты не видишь солнца?

Тогда и Ахкеймион увидел: струны жидкого солнечного света, падающие на ослепительное водное пространство вдаль, – невыразимая красота.

Красота. Вот что подарил ему Инрау. Он никогда не терял способности видеть прекрасное и благодаря этому всегда понимал, всегда видел насквозь и прощал многие недостатки, уродующие других людей. У Инрау прощение скорее предшествовало проступку, нежели следовало за ним. «Делай что хочешь, – говорили его глаза, – все равно ты уже прощен».

Когда Инрау решил покинуть Завет и уйти в Тысячу Храмов, Ахкеймион расстроился и в то же время испытал облегчение. Расстроился он оттого, что понимал: он теряет Инрау, лишается его благодатного общества. Облегчение же он почувствовал оттого, что понимал: Завет уничтожит невинность Инрау, если юноша останется с ними. Ахкеймион не мог забыть той ночи, когда сам он впервые прикоснулся к Сердцу Сесватхи. В тот миг сын рыбака умер; зрение его удвоилось, и сам мир изменился, сделался ноздреватым, точно сыр. Вот и Инрау бы умер точно так же. Прикосновение к Сердцу Сесватхи сожгло бы его собственное сердце. Разве может такая невинность – любая невинность – пережить ужас Снов Сесватхи? Разве можно просто радоваться солнцу, когда над горизонтом, куда ни глянь, угрожающе встает тень Не-бога? Жертвам Армагеддона красота заказана.

Но Завет не терпит перебежчиков. Гнозис чересчур драгоценен, чтобы отдавать его в ненадежные руки. Так что в течение всего их разговора в воздухе висела не высказанная вслух угроза Наутцеры: «Этот юноша – перебежчик, Ахкеймион. Так или иначе, он все равно должен умереть». Давно ли Кворуму стало известно, что история о том, как Инрау якобы утонул, – обман? С самого начала? Или Симас действительно его предал?

Побег Инрау Ахкеймион считал единственным подлинным деянием среди всех бесчисленных поступков, что совершил он за свою долгую жизнь. Он был уверен: это дело – единственное, безусловно благое само по себе и во всех отношениях, несмотря на то что ему пришлось обмануть свою школу ради того, чтобы все устроить. Ахкеймион защитил невинного, помог ему бежать в более безопасное место. Как можно осуждать подобный поступок?

Однако осудить можно любой поступок. Подобно тому, как любой род можно возвести к какому-нибудь давно умершему королю, в любом действии можно разглядеть зерно некой потенциальной катастрофы. Достаточно только предусмотреть все возможные последствия. Если бы Инрау попал в руки какой-то другой школы и из него вытянули бы даже те немногие тайны, которые были ему известны, то Гнозис со временем мог быть утрачен, и Завет был бы низведен до уровня бессильной и никому не известной школы. Быть может, даже уничтожен.

Правильно ли он поступил? Или просто бросил жребий?

Стоит ли дыхание хорошего человека возможности управлять Армагеддоном?

Наутцера утверждал, что нет, и Ахкеймион согласился с ним.

Сны. То, что произошло, не может случиться вновь. Мир не должен погибнуть. Даже тысяча невинных – тысяча тысяч невинных! – не стоит возможности второго Армагеддона. Ахкеймион был согласен с Наутцерой. Он предаст Инрау по той же причине, по какой всегда предают невинных – из страха.

Он облокотился на каменную балюстраду и посмотрел вниз, через бушующий пролив, пытаясь вспомнить, как это выглядело в тот солнечный день, когда они смотрели отсюда вместе с Инрау. Вспомнить не удалось.

Майтанет и Священная война. Скоро Ахкеймион оставит Атьерс и уедет в нансурский город Сумну, священнейший из городов айнрити, дом Тысячи Храмов и Бивня. Святостью Сумне равнялся лишь Шайме, родина Последнего Пророка.

Сколько лет миновало с тех пор, как он последний раз был в Сумне? Пять? Семь? Ахкеймион равнодушно задумался о том, найдет ли он там Эсменет. Жива ли она вообще? С ней у него на душе всегда становилось как-то легче.

И снова повидать Инрау тоже неплохо, невзирая на обстоятельства. Надо же, по крайней мере, предупредить мальчика! «Они все знают, мой мальчик. Я тебя подвел».

Море почти не утешало. Ахкеймиона внезапно охватило чувство одиночества, и он устремил взгляд за пролив, в сторону далекой Сумны. Ему вдруг ужасно захотелось вновь увидеть этих двоих, одного, которого он полюбил лишь затем, чтобы потерять его в Тысяче Храмов, и другую, которую он, возможно, мог бы полюбить...

Если бы он был мужчиной, а не колдуном и шпионом.

Проводив взглядом одинокую фигуру Ахкеймиона, спускавшегося в кедровые леса под Атьерсом, Наутцера еще немного постоял, прислонясь к парапету, наслаждаясь случайным проблеском солнца и изучая гроззовые облака, окутавшие небо на севере. В это время года путешествию Ахкеймиона в Сумну наверняка будет мешать неблагоприятная погода. Но Наутцера знал, что Ахкеймион выживет – с помощью Гнозиса, если потребуется. Однако переживет ли он куда более страшную бурю, которая его ожидает? Переживет ли он столкновение с Майтанетом?

«Наша задача так велика, – подумал Наутцера, – а орудия наши столь слабы!»

Он встряхнулся, пробуждаясь от забытья – дурная привычка, которая с годами только усилилась, – и заторопился обратно в мрачные галереи, не обращая внимания на попадавших навстречу коллег и подчиненных. Через некоторое время он очутился в папирусном сумраке библиотеки. Его старые кости уже начали ныть от усталости. Как Наутцера и рассчитывал, Симас был там. Он сидел, склонившись над древним манускриптом. Тоненькая струйка чернил блестела в свете фонаря, и Наутцере на миг померещилось, будто это кровь.

Несколько мгновений Наутцера молча наблюдал за погруженным в чтение Симасом. Он ощутил вспышку зависти, смутившую его самого. Чему он завидует? Быть может, тому, что глаза Симаса все еще верно ему служат, а самому Наутцере, как и многим другим, приходится заставлять своих учеников читать вслух?

– В скриптории светлее, – заметил наконец Наутцера, застав старого колдуна врасплох. Симас сощурился, глядя в полумрак.

– Так-то оно так, освещение там лучше, зато общество лучше тут!

Вечно эти шуточки! В конечном счете Симас все-таки очень предсказуем. Или это тоже часть фокуса, как и тот мягкий и рассеянный вид, с помощью которого он обезоруживает учеников?

– Надо было ему сказать, Симас.

Старик нахмурился и почесал бороду.

– О чем? О том, что Майтанет уже созвал верных, чтобы объявить цель своей Священной войны? Что половина его задания – всего лишь предлог? Об этом Ахкеймион и так узнает достаточно быстро.

– Нет.

Утаить это было нужно хотя бы для того, чтобы необходимость предать собственного ученика представлялась Ахкеймиону менее болезненной.

Симас кивнул и тяжело вздохнул.

– Значит, ты тревожишься из-за другого. Если мы чему и научились у Консульты, дружище, так это тому, что незнание – мощное оружие!

– Знание тоже. Неужели мы откажем ему в орудиях, которые могут понадобиться? А что, если он допустит промах? Люди часто делаются неосмотрительны в отсутствие какой-либо реальной угрозы.

Симас уверенно замотал головой.

– Ведь он едет в Сумну, Наутцера! Разве ты забыл? Он будет осторожен. Какой колдун станет вести себя неосмотрительно в логове Тысячи Храмов, а? Тем более в такие времена, как наши.

Наутцера поджал губы и ничего не ответил.

Симас откинулся на спинку стула, как бы желая вновь сосредоточиться. Он пристально взгляделся в лицо Наутцеры.

– Ты получил новые вести, – сказал он наконец. – Кто-то еще погиб.

Симас всегда обладал удивительной способностью угадывать причины перемен его настроения.

– Хуже, – ответил Наутцера. – Пропал. Сегодня утром Партельс донес, что его главный осведомитель при дворе Тидонна исчез бесследно. На наших агентов идет охота, Симас.

– Должно быть, это они.

Они. Наутцера пожал плечами.

– Или Багряные Шпили. Или даже Тысяча Храмов. Если помнишь, императорских шпионов в Сумне постигла та же участь... Как бы то ни было, следовало сказать Ахкеймиону.

– Наутцера, ты всегда так строг! Нет. Кто бы ни нападал на нас, он либо чересчур робок, либо чересчур хитер, чтобы делать это напрямую. Они не трогают наших высокопоставленных колдунов – нет, они бьют по осведомителям, нашим глазам и ушам в Трех Морях. По какой бы то ни было причине они надеются сделать нас глухими и немыми.

Наутцера вполне оценил жуткие выводы, которые отсюда следовали, но не уловил, к чему именно клонит Симас.

– И что?

– А то, что Друз Ахкеймион в течение многих лет был моим учеником. Я его знаю. Он использует людей, как и положено шпиону, но так и не научился получать от этого удовольствие. От природы он человек необычайно... открытый. Слабый человек.

Ахкеймион действительно был слаб – по крайней мере, так всегда думал сам Наутцера. Но какое касательство это могло иметь к их обязанностям по отношению к Ахкеймиону?

– Симас, я слишком устал, чтобы разгадывать твои загадки! Говори прямо!

Глаза Симаса сердито сверкнули.

– Какие загадки? Мне казалось, я и без того говорю достаточно понятно.

«Наконец-то ты показал себя таким, какой ты есть на самом деле, «дружище»!»

– Дело вот в чем, – продолжал Симас. – Ахкеймион вступает в дружбу с теми, кого использует, Наутцера. И если он знает, что за его людьми могут охотиться, то он колеблется. И, что еще важнее, если он узнает, что вражеские шпионы проникли в самый Атьерс, то может начать сообщать неполную информацию, с тем чтобы защитить своих осведомителей. Вспомни, Наутцера: он солгал, рискнул самим Гнозисом ради того, чтобы защитить своего ученика-предателя.

Наутцера одарил собеседника улыбкой, что с ним случалось крайне редко. Улыбка на его лице выглядела злобной, но сейчас это казалось оправданным.

– Согласен. Такого допустить нельзя ни в коем случае. Однако же, Симас, в течение долгого времени наша успешная деятельность основывалась на том, что мы предоставляли полевым агентам свободу действий. Мы всегда полагались на то, что люди, которые лучше знают положение вещей, примут наилучшее решение. А теперь, по твоему настоянию, мы отказываем одному из наших братьев в сведениях, которые могут ему пригодиться. В сведениях, которые могут спасти ему жизнь.

Симас резко встал и во мраке подошел к нему вплотную. Несмотря на его небольшой рост и лицо доброго дедушки, у Наутцеры по спине поползли мурашки.

– Но ведь все не так просто, верно, дружище? Наши решения основываются на сочетании знания и незнания. Поверь мне, когда я говорю, что в случае с Ахкеймионом мы добились нужного соотношения. Разве я ошибался, когда говорил тебе, что в один прекрасный день измена Инрау окажется полезной?

– Не ошибался, – признал Наутцера, вспоминая их жаркие споры двухлетней давности.

Он тогда беспокоился, что Симас попросту защищает своего любимчика. Но если Наутцера и узнал за эти годы что-то о Полхиасе Симасе, так то, что этот человек очень хитер и абсолютно чужд каким бы то ни было чувствам.

– Тогда положишься на меня и в этом деле, – заверил Симас, дружески кладя ему на плечо запачканную чернилами руку. – Идем, дружище. У нас немало своих срочных дел.

Наутцера кивнул, удовлетворенный. Дела и впрямь не терпели отлагательства. Кто бы ни отслеживал их осведомителей, он делал это с оскорбительной легкостью. Такое могло означать лишь одно: несмотря на то что все они каждую ночь заново переживают муки Сесватхи, в рядах Завета завелся предатель.

Глава 3

Сумна

«Если мир – это игра, правила коей создал Бог, а колдуны – нечестные игроки, которые все время плутуют, кто же тогда создал правила колдовства?»

Заратиний, «В защиту тайных искусств»

Ранняя весна, 4110 год Бивня, по дороге в Сумну

На Менеанорском море их застигла буря.

Ахкеймион пробудился от очередного сна, обнимая себя за плечи. Древние войны, виденные во сне, казалось, переплетались с темнотой каюты, кренящимся полом и хором громыхающих волн. Он лежал, скорчившись, дрожа, пытаясь отделить явь от снов. Во тьме перед глазами плавали лица, искаженные изумлением и ужасом. Вдали сражались фигуры в бронзовых доспехах. Горизонт был затянут дымом, и в небеса взмывал дракон, узловатый, как ветви, выкованные из черного железа. «Скафра...»

Раскат грома.

На палубе, ежась под струями ливня, стенали моряки-нронцы, взывая к Мому, воплощению бури и моря. А также богу игральных костей.

Нронское торговое судно поднимало якорь у входа в гавань Сумны, древнего оплота веры айнрити. Облокотясь на щербатый фальшборт, Ахкеймион смотрел, как навстречу им идет, подпрыгивая на волнах, лодка лоцмана. Большой город на заднем плане был виден неотчетливо, но Ахкеймион все же узнал здания Хагерны – огромного нагромождения храмов, хлебных амбаров и казарм, составлявшего административно-хозяйственное сердце Тысячи Храмов. В центре вздымались легендарные бастионы Юнриумы, заветного святыща Бивня.

Ахкеймион ощущал притяжение чего-то – очевидно, их величия. На таком расстоянии они казались безмолвными, немymi. Просто камни. Для айнрити же это место, где небеса обитают на земле. Сумна, Хагерна и Юнриума для них не просто географические названия: они неразрывно связаны с самим смыслом истории. Это дверные петли судьбы.

Для Ахкеймиона то были не более чем каменные скорлупки. Хагерна звала к себе людей, не похожих на самого Ахкеймиона, – людей, которые, по всей видимости, не способны сбросить бремя своей эпохи. Таких, как его бывший ученик Инрау.

Каждый раз, как Инрау принимался рассуждать о Хагерне, он говорил так, будто ее основу заложил сам Бог. Эти разговоры вызывали у Ахкеймиона отторжение, как часто бывает, когда сталкиваешься с неуместным энтузиазмом собеседника. В тоне Инрау звучали напор, безумная уверенность, способная предавать мечу целые города и даже народы, как будто эта праведная радость может быть сопряжена с любым, самым безумным деянием. Вот еще одна причина, по которой следует опасаться Майтанета: такой фанатизм и сам по себе страшен, а уж если кто-то придаст ему направление... Тут есть о чем призадуматься.

Майтанет был разносчиком заразы, первым симптомом которой являлась слепая уверенность. Как можно приравнивать Бога к отсутствию колебаний, для Ахкеймиона оставалось загадкой. В конце концов, разве Бог – не тайна, тяготящая их всех в равной мере? Что такое колебания, как не жизнь внутри этой тайны?

«Тогда я, возможно, благочестивейший из людей!» – подумал Ахкеймион, мысленно улыбаясь. Довольно льстить себе. Он слишком много предается пустым размышлениям.

– Майтанет... – пробормотал он себе под нос. Однако имя это тоже было пустым. Оно не могло ни обуздать головокружительных слухов, что ходили о нем, ни предоставить достаточных мотивов для преступлений, которые намеревался совершить его обладатель.

Капитан торгового судна, словно бы движимый полусознанным чувством долга по отношению к своему единственному пассажиру, подошел разделить его задумчивое молчание. Встал он несколько ближе к Ахкеймиону, чем предписано джнаном, – обычная ошибка членов низких каст. Капитан был крепкий мужик, как будто сколоченный из того же дерева,

что и его корабль. На руках его блестели соль и солнце, в нечесанных волосах и бороде запуталось море.

– Этот город, – промолвил он наконец, – нехорошее место для таких, как вы.

«Для таких, как я... Колдун в священном городе». В словах человека и его тоне не было осуждения. Нронцы привыкли к Завету, к дарам Завета и к его требованиям. Но тем не менее они оставались айнрити, верными. Они разрешали это противоречие, напуская на себя нарочито туповатый вид. О собственной ереси они упоминать избегали: видимо, надеялись, что, если не касаться этого факта словами, им каким-то образом удастся сохранить свою веру в целостности.

– Они не могут нас распознавать, – ответил Ахкеймион. – В том-то и весь ужас грешников. Мы неотличимы от праведных людей.

– Ну да, мне говорили, – сказал капитан, отводя глаза. – Только Немногие видят друг друга.

В его тоне было нечто настораживающее, как будто он пытался расспросить о подробностях какого-нибудь противоестественного полового акта.

С чего он вообще затеял этот разговор? Или этот глупец пытается подольститься?

Внезапно Ахкеймиону вспомнилось: он мальчишкой карабкается на огромные валуны, где его отец, бывало, сушил сети, и каждые несколько мгновений, запыхавшись, останавливается, просто чтобы оглядеться. Что-то произошло. Как будто у него поднялись какие-то другие веки, еще одни, кроме тех, что он поднимал каждое утро. Все было так мучительно натянуто, как будто плоть мира иссохла и уменьшилась, открыв провалы между костей: сеть на камне, решетка теней, капельки воды, висящие между связками его руки – так отчетливо! И в этом напряжении – ощущение, будто что-то распускается внутри, видение рушится, превращаясь в бытие, как будто глаза его обратились в самое сердце вещей. В поверхности камня он видит себя – смуглого мальчика, возвышающегося на фоне солнечного диска.

Самая ткань существования. Сущее. Он... – он по-прежнему так и не нашел для этого подходящего слова – испытал «это». В отличие от большинства прочих, Ахкеймион сразу понял, что он – один из Немногих, понял это с детской упрямой уверенностью. Он вспомнил, как вскричал: «Атьерс!», и голова пошла кругом от мысли, что жизнь его отныне не определяется ни его кастой, ни его отцом, ни его прошлым.

Те случаи, когда Завет появлялся в их рыбацкой деревушке, производили на него в детстве большое впечатление. Сперва звон цимбал, потом фигуры в плащах, под зонтиками, на носилках, которые несут рабы, все окутано сладостной аурой тайны. Такие отчужденные! Бесстрастные лица, лишь чуть-чуть тронутые косметикой и подобающим по джнану пренебрежением к рыбакам низкой касты и их сыновьям. Такие лица, разумеется, могут принадлежать лишь людям, что подобны мифическим героям, – это он знал твердо. Люди, окутанные величием саг. Драконоборцы, цареубийцы. Пророки и проклятые.

После нескольких месяцев обучения в Атьерсе эти ребяческие иллюзии развеялись как дым. Пресыщенный, напыщенный, живущий в плену самообмана, Атьерс ничем не отличался от деревни, если не считать масштабов.

«Так ли уж сильно отличаюсь я от этого человека? – спросил себя Ахкеймион, наблюдая за капитаном боковым зрением. – Да нет, не особенно». Разговора с капитаном он не поддержал и снова перевел взгляд на Сумну, туманный силуэт на фоне темных холмов.

И все же Ахкеймион был другим. Так много забот, а награда так скудна! Отличался он еще и тем, что его гнев или ужас способен снести городские ворота, стереть в прах плоть, сокрушить кости. Такая сила – и при этом все то же тщеславие, те же страхи и куда более мрачные прихоти. Он надеялся, что мифическое возвысит его, придаст новый смысл любому его поступку, а вместо этого его бросили на волю волн. Отчужденность никого не просве-

щает. Он способен обратить этот корабль в сияющий ад, а потом пойти по воде целым и невредимым, но при этом он никогда не будет... уверенным.

Он едва не прошептал это вслух.

Капитан вскоре отлучился, радуясь, что его отозвали матросы. Лоцмана подняли на борт раскачивающегося судна.

«Почему они так далеки для меня?» Уязвленный этой мыслью, Ахкеймион опустил голову и мрачно вперился в винно-темные глубины. «Кого я презираю?»

Задать этот вопрос означало ответить на него. Как не чувствовать себя одиноким, чуждым всему, когда само бытие отзывается твоим устам? Где та твердая почва, на которой можно чувствовать себя уверенно, если ты можешь все смести несколькими словами? У ученых Трех Морей общим местом было сравнение колдунов с поэтами. Ахкеймион всегда считал это сравнение абсурдным. Трудно представить два других столь же несопоставимых ремесла. Ни один колдун ничего не творил словом – если не считать страха или политических махинаций. Сила, сверкающие россыпи света, имеет только одно направление, и направление это – неправильное: эта сила может лишь разрушать. Как будто бы люди могут лишь передразнивать язык Господа, лишь огрублять и портить его песнь. Известная поговорка гласит: когда колдуны поют, люди умирают.

Когда колдуны поют... А ведь он предан проклятию даже среди себе подобных. Прочие школы не могли простить адептам Завета их наследия, их обладания Гнозисом, знанием Древнего Севера. Великие школы Севера до своего уничтожения имели благодетелей, лоцманов, проводивших их через такие мели, которые человеческий ум и представить не в силах. Гнозис нелюдских магов, Квуйя, был еще и отточен тысячей лет человеческих измышлений.

Он во стольких отношениях был богом для этих глупцов! Нужно постоянно помнить об этом – не только потому, что это лестно, но и потому, что они об этом не забудут. Они боятся, а значит, обязательно ненавидят – настолько, что готовы рискнуть всем в Священной войне против школ. Колдун, который забыл об этой ненависти, забыл о том, как остаться в живых.

Стоя перед размытой громадой Сумны, Ахкеймион слушал перебранку моряков у себя за спиной и поскрипывание корабля в такт волнам. Он подумал о сожжении Белых Кораблей в Нелеосте, тысячи лет тому назад. Он как наяву ощущал запах гари и дыма, видел роковой отблеск на вечерних водах, чувствовал, как не его и в то же время его тело дрожит от холода.

И Ахкеймион задумался о том, куда оно все ушло, это прошлое, и если оно в самом деле ушло, отчего так болит сердце.

Очутившись на людных улицах, примыкавших к гавани, Ахкеймион, которого пребывание в толпе всегда располагало к задумчивости, вновь ужаснулся тому, насколько бессмысленно его появление здесь. Тот факт, что Тысяча Храмов вообще позволяла школам иметь свои посольства в Сумне, граничил с чудом. Ведь айнрити считали Сумну не просто средоточием своей веры и своего священства, но и самим сердцем Божиим. Буквально.

«Хроника Бивня» представляла собой наиболее древнюю и оттого наиболее громогласную весть из прошлого, настолько древнюю, что сама она никакой внятной предыстории не имела – «девственная», как выразился великий кенейский комментатор Гетерий. Опоясанный письменами Бивень повествовал о великих кочевых племенах людей, вторгшихся и захвативших Эарву. Неизвестно почему, но Бивень всегда принадлежал одному и тому же племени, кетьянам, и с первых дней существования Шайгека, еще даже до возвышения киранеев, он хранился в Сумне – по крайней мере на это указывали сохранившиеся записи. В результате Сумна и Бивень сделались неразделимы в людских умах; паломничество в Сумну означало паломничество к Бивню, словно город сделался артефактом, а артефакт – городом. Ходить по Сумне означало ходить по писанию.

Неудивительно, что Ахкеймион чувствовал себя неуместным.

Он внезапно очутился в давке, вызванной тем, что по улице провели небольшой караван мулов. Спины и плечи, хмурые лица, крики. Движение на тесной улочке застопорилось. Никогда прежде Ахкеймион не видел в этом городе таких умопомрачительных толп. Он обернулся к одному из теснивших его людей – конрийцу, судя по внешности: суровый, плечистый, с окладистой бородой, из воинской касты.

– Скажи, – спросил Ахкеймион на шейском, – что тут происходит?

Он был так раздражен, что махнул рукой на джанн: в конце концов, в таком столпотворении не до тонкостей этикета.

Конриец с любопытством смерил его темными глазами.

– Ты хочешь сказать, что не знаешь? – спросил он, повысив голос, чтобы перекричать царящий кругом гам.

– О чем? – переспросил Ахкеймион, чувствуя, как по спине поползла струйка пота.

– Майтанет призвал в Сумну всех верных, – ответил конриец, исполнившись подозрения к человеку, который не знает общеизвестного. – Он собирается открыть цель Священной войны!

Ахкеймион был ошеломлен. Он окинул взглядом лица теснившихся вокруг – и только тут заметил, как много среди них людей, привычных к тяготам войны. И почти все открыто носили оружие. Что ж, значит, первая половина поручения – выяснить, против кого будет направлена эта Священная война, – вот-вот исполнится сама собой.

«Наутцера и остальные наверняка знали об этом! Почему же они мне ничего не сказали?»

Потому что им было нужно, чтобы он отправился в Сумну. Они знали, что он будет против вербовки Инрау, и устроили все таким образом, чтобы убедить его, что без этого не обойтись. Ложь умолчания – не столь великий грех, зато она заставила его поступить так, как им было надо.

Манипуляции, всюду манипуляции! Даже Кворум играет в игры со своими собственными пешками. Это была старая обида, но рана ныла по-прежнему.

А конриец тем временем продолжал, сверкая глазами с неожиданной пылкостью:

– Молись, друг мой, чтобы мы отправились войной против школ, а не против фаним! Колдовство – язва куда более страшная.

Ахкеймион готов был согласиться с ним.

Ахкеймион протянул руку. Он хотел провести пальцем вдоль ложбинки на спине Эсменет, но передумал и вместо этого стиснул в кулаке грязное одеяло. В комнате было темно и душно после их недавнего совокупления. Но даже в темноте были видны объедки и мусор, раскиданные по полу. Единственным источником света служила ослепительно-белая щель в ставнях. На улице стоял такой грохот, что тонкие стены дребезжали.

– И все? – спросил он и сам удивился тому, как дрогнул его голос.

– Что значит «и все»? – переспросила она. В ее голосе звучала старая сдерживаемая обида.

Она его неправильно поняла, но он не успел объяснить: внезапно накатила тошнота и удушающая жара. Ахкеймион поспешно поднялся на ноги – и едва не упал. Колени подгибались. Он, точно пьяный, вцепился в спинку кровати. Волосы на руках, голове и спине встали дыбом.

– Акка! – испуганно окликнула она.

– Ничего, ничего, – ответил он. – Это все жара.

Он выпрямился – и рухнул обратно на кровать. Тюфяк под ним поплыл. Ее тело на ощупь было словно жареный угорь. Надо же, еще только ранняя весна, а такая жарница! Как будто сам мир горит в лихорадке в ожидании Священной войны Майтанета.

– У тебя уже бывала горячка, – с опаской сказала Эсменет. – Горячка не заразная, это все знают.

– Да, – хрипло ответил Ахкеймион, держась за лоб. «Ты в безопасности». – Меняхватило шесть лет тому назад, во время поездки в Сингулат... Я тогда едва не умер.

– Шесть лет тому назад... – откликнулась она. – В том году умерла моя дочь.

Горечь.

Он обнаружил, что ему не нравится, как легко его боль сделалась ее болью. Он представил себе, как могла бы выглядеть ее дочь: крепкая, но тонкокостная, роскошные черные волосы, подстриженные коротко, по обычаям низшей касты, округлая щека, так удобно лежащаяся в ладонь... Но на самом деле он представил себе Эсми. Такой, какая она была ребенком.

Они долго молчали. Его мысли пришли в порядок. Жара сделалась приятно расслабляющей, утратила ядовитую резкость. Ахкеймион сообразил, что, судя по странной обиде в голосе, Эсменет неправильно поняла то, что он сказал незадолго до этого. А он просто хотел спросить, известно ли что-то еще, кроме слухов.

Наверное, он всегда знал, что когда-нибудь вернется сюда – не просто в Сумну, но именно сюда, в это место между руками и ногами усталой женщины. Эсменет. Странное имя, слишком старомодное для женщины ее нрава, но в то же время удивительно подходящее проститутке.

«Эсменет...» Как может обычное имя так сильно на него влиять?

Она сдала за те четыре года, что он не бывал в Сумне. Похудела, сделалась какой-то растрепанной, ее чувство юмора поуявляло под натиском мелких ран... Выбравшись из многолюдной гавани, Ахкеймион без колебаний направился разыскивать ее, сам поражаясь собственному нетерпению. Когда он увидел ее сидящей на подоконнике, то испытал странное чувство: смесь утраты и самодовольства, как будто он признал человека, с которым соперничал в детстве, в изуродованном прокаженном или бродяге.

– Все за палочкой бегаешь, вижу, – сказала она, не выразив ни малейшего удивления.

Ее шутки тоже утратили детскую пухлость.

Постепенно она отвлекла Ахкеймиона от его забот и втянула в свой замысловатый мирок анекдота и сатиры. Ну а потом, разумеется, слово за слово – и они очутились в этой комнате, и Ахкеймион принялся любить ее с жадностью, которая его потрясла: как будто он обрел в этом животном акте недоступное облегчение – забыл о своем сложном поручении.

Ахкеймион прибыл в Сумну с двумя целями: определить, не собирается ли новый шрайя вести Священную войну против школ, и выяснить, не стоит ли за этими примечательными событиями Консульт. Первая цель была вполне осязаемой – она должна помочь ему оправдать то, что он собирается предать Инрау. А вторая... призрачная, наделенная лихорадочным бессилием доводов, которые на самом деле ничего не оправдывают. Как можно использовать войну Завета против Консульты для обоснования предательства, если сама эта война кажется совершенно необоснованной?

Потому что как еще можно назвать войну без врага?

– Завтра надо будет отыскать Инрау, – сказал он скорее темноте, чем Эсменет.

– Ты по-прежнему собираешься... обратиться к нему?

– Не знаю. Я теперь почти ничего не знаю.

– Как ты можешь так говорить, Акка? Иногда я думаю, есть ли вообще что-то такое, чего ты не знаешь.

Она всегда была идеальной шлюхой: обихаживала сперва его чресла, а потом его душу.
«Не знаю, вынесу ли я это снова».

– Я всю жизнь провел среди людей, которые считают меня безумцем, Эсми.

Она расхохоталась. Эсменет родилась в касте слуг и никакого образования не получила – по крайней мере, формального. Но она всегда умела ценить тонкую иронию. Это было одно из многих ее отличий от других женщин – от других проституток.

– Что ж, Акка, а я провела всю жизнь среди людей, которые считают меня продажной девкой.

Ахкеймион улыбнулся в темноте.

– Это не одно и то же. Ты-то ведь и впрямь продажная девка.

– А ты что, не безумец, что ли?

Эсменет захихикала, а Ахкеймион поморщился. Эти девчачьи манеры были напускными – по крайней мере, ему всегда так казалось, – специально для мужиков. Это напомнило ему, что он – клиент, что они на самом деле не любовники.

– В том-то и дело, Эсми. Безумец я или нет, зависит от того, существует ли на самом деле мой враг.

Он колебался, как будто эти слова привели его на край головокружительного обрыва.

– Эсменет... Ты ведь мне веришь, правда?

– Такому прожженному врану, как ты? Обижаешь!

Он ощутил вспышку раздражения, о чем тут же пожалел.

– Нет, серьезно.

Она ответила не сразу.

– Верю ли я, что Консульт существует?

«Не верит». Ахкеймион знал, что люди повторяют вопросы потому, что боятся отвечать на них.

Ее прекрасные карие глаза внимательно разглядывали его во мраке.

– Скажем так, Акка: я верю, что существует проблема Консульта.

В ее взгляде было нечто умоляющее. У Ахкеймиона снова пробежал мороз по коже.

– Этого достаточно? – спросила она.

Даже для него Консульт отступил от ужасающих фактов в область безосновательных тревог. Быть может, он, печалась из-за отсутствия ответа, забыл о важности самого вопроса?

– Надо будет отыскать Инрау. Завтра же, – сказал он.

Ее пальцы зарылись ему в бороду, нащупали подбородок. Он запрокинул голову, точно кот.

– Что за жалкая парочка мы с тобой! – заметила она, словно бы мимоходом.

– Отчего же?

– Колдун и шлюха... Есть в этом нечто жалкое.

Он взял ее руку и поцеловал кончики пальцев.

– Все пары по-своему жалки, – сказал он.

Во сне Инрау брел через ущелья из обожженного кирпича, мимо лиц и фигур, озаряемых случайными взблесками пламени. И слышал голос ниоткуда, кричащий сквозь его кости, сквозь каждый дюйм его тела, произносящий слова, подобные теням кулаков, ударяющих рядом с краем глаза. Слова, которые раздавили ту волю, что еще оставалась у него. Слова, которые управляли его руками и ногами.

Он мельком заметил покосившийся фасад кабачка, потом низкое помещение, заполненное золотистым дымом, столы, балки над головой. Вход поглотил его. Земля под ногами опрокинулась, повлекла его навстречу зловещей тьме в дальнем углу комнаты. И эта тьма тоже поглотила его – еще одна дверь. И его притянуло к бородатому человеку, который сидел,

откинув голову на стену с потрескавшейся штукатуркой. Лицо человека было лениво запрокинуто, но при этом напряжено в каком-то запретном экстазе. С его шевелящихся губ лился свет. И в глазах полыхали осколки солнца.

«Ахкеймион...»

Потом душераздирающее гудение превратилось в говор посетителей. Расплывчатое помещение кабачка сделалось массивным и обыденным. Кошмарные углы распрямились. Игра света и тени стала естественной.

– Что ты тут делаешь? – выдохнул Инрау, пытаясь привести в порядок разбежавшиеся мысли. – Ты понимаешь, что происходит?

Он обвел взглядом кабачок и увидел в дальнем углу сквозь столбы и дым стол, за которым сидели шрайские рыцари. Пока что они его не заметили.

Ахкеймион смерил его недовольным взглядом.

– Я тоже рад тебя видеть, мальчик.

Инрау нахмурился.

– Не называй меня «мальчиком»!

Ахкеймион ухмыльнулся.

– А как еще прикажешь любимому дядюшке обращаться к своему племяннику? – Он подмигнул Инрау. – А, мальчик?

Инрау с шумом выдохнул сквозь сжатые зубы и опустил на стул.

– Рад тебя видеть... дядя Акка.

И он не лгал. Несмотря на болезненные обстоятельства, он действительно рад был его видеть. Он довольно долго жалел, что покинул своего наставника. Сумна и Тысяча Храмов оказались совсем не такими, как он их себе представлял – по крайней мере, до тех пор, как престол не занял Майтанет.

– Я скучал по тебе, – продолжал Инрау, – но Сумна...

– Нехорошее место для такого, как я. Знаю.

– Тогда зачем же ты приехал? Слухи ведь до тебя наверняка доходили.

– Я не просто приехал, Инрау...

Ахкеймион замаялся, на лице его отразилась борьба.

– Меня прислали.

По спине у Инрау поползли мурашки.

– О нет, Ахкеймион! Пожалуйста, скажи...

– Нам нужно разузнать как можно больше о Майтанете, – продолжал Ахкеймион натянутым тоном. – И о его Священной войне. Сам понимаешь.

Ахкеймион опустил на стол свою чашу с вином. На миг он показался Инрау сломленным. Но внезапная жалость к этому человеку, который во многом заменил ему отца, исчезла от головокружительного чувства, словно земля уходит из-под ног.

– Но ты же обещал, Акка! Ты обещал!!!

В глазах адепта блеснули слезы. Мудрые слезы, но тем не менее полные сожаления.

– Мир завел привычку ломать хребет моим обещаниям, – промолвил Ахкеймион.

Хотя Ахкеймион надеялся явиться Инрау в образе наставника, который наконец признал в бывшем ученике равного себе, его не переставал терзать невысказанный вопрос: «Что я делаю?»

Пристально разглядывая молодого человека, он ощутил болезненный порыв нежности. Лицо юноши стало каким-то удивительно орлиным. Инрау брил бороду, по нансурской моде. Но голос остался все тот же и все та же привычка запинаться, путаясь в противоречивых мыслях. И глаза те же: широко раскрытые, горящие энергией и жизнерадостностью, блестяще-карие, при этом постоянно исполненные искреннего недоверия к себе. Ахкеймион

думал, что для Инрау дар Немногих оказался большим проклятием, чем для прочих. По темпераменту он идеально подходил для того, чтобы стать жрецом Тысячи Храмов. Беззаветная искренность, страстный пыл веры – всего этого Завет его бы лишил.

– Тебе не понять, что такое Майтанет, – говорил Инрау. Молодой человек ежился, как будто ему был неприятен воздух этого кабака. – Некоторые почти поклоняются ему, хотя он на такое гневается. Ему надлежит повиноваться, а не поклоняться. Потому он и взял это имя...

– Это имя?

Ахкеймиону как-то не приходило в голову, что имя «Майтанет» может что-то означать. Это само по себе встревожило. В самом деле, принято ведь, что шрайя берет себе новое имя! Как он мог упустить из виду такую простую вещь?

– Ну да, – ответил Инрау. – От «май'тата».

Это слово было незнакомо Ахкеймиону. Но он не успел спросить, что же оно значит: Инрау сам продолжил объяснять вызывающим тоном, как будто бывший ученик только теперь, сделавшись неподвластным наставнику, мог дать выход старым обидам.

– Ты, наверное, не знаешь, что это означает. «Май'тата» – это на тоти-заннорейском, языке Бивня. Это значит «наставление».

«И чему же учит это наставление?»

– И ничто из этого тебя не тревожит? – поинтересовался Ахкеймион.

– Что именно должно меня тревожить?

– Тот факт, что Майтанету так легко достался престол. Что он сумел, всего за несколько недель, найти и обезвредить всех императорских шпионов при своем дворе.

– И это должно тревожить?! – воскликнул Инрау. – Мое сердце поет при мысли об этом! Ты себе не представляешь, в какое отчаяние я впал, когда впервые очутился в Сумне! Когда я впервые понял, насколько Тысяча Храмов прогнила и разложилась и что сам шрайя – не более чем один из псов императора. И тут явился Майтанет. Точно буря! Одна из тех долгожданных летних гроз, что очищают землю. Тревожит ли меня то, с какой легкостью он очистил Сумну? Акка, да меня это несказанно радует!

– А как насчет Священной войны? Она тоже радует твое сердце? Мысль о новой Войне магов?

Инрау заколебался, словно пораженный тем, как быстро увял его первоначальный порыв.

– Никто ведь еще не знает, против кого будет эта война, – пробормотал он.

Инрау, конечно, не любил Завета, но Ахкеймион знал, что мысль о его уничтожении ужасает юношу. «Все-таки часть его души по-прежнему с нами».

– А если Майтанет объявит войну против школ, что ты скажешь о нем тогда?

– Не объявит, Акка. В этом я уверен.

– Но я спрашивал не об этом, не так ли? – Ахкеймион сам внутренне поморщился от своего безжалостного тона. – Если Майтанет все-таки объявит войну школам – что тогда?

Инрау закрыл лицо руками – Ахкеймион всегда думал, что у него слишком изящные руки для мужчины...

– Не знаю, Акка. Я тысячу раз задавал себе тот же самый вопрос – и все равно не знаю.

– Но почему же? Ведь ты теперь шрайский жрец, Инрау, проповедник Бога, явленного Последним Пророком и Бивнем. Разве не требует Бивень, чтобы всех колдунов сожгли на костре?

– Да, но...

– Но Завет другой? Он – исключение?

– Ну да. Завет действительно другой.

– Почему? Потому что старый дурень, которого ты когда-то любил, – один из них?

– Говори потише! – прошипел Инрау, опасливо косясь на стол шрайских рыцарей. – Ну ты ведь сам знаешь почему, Акка. Потому что я люблю тебя как отца и как друга, разумеется, но еще и потому, что я... чту миссию Завета.

– А если Майтанет объявит войну против школ, что же ты будешь делать?

– Я буду скорбеть.

– Скорбеть? Не думаю, Инрау. Ты подумаешь, что он ошибся. Как бы мудр и свят ни был Майтанет, ты подумаешь: «Он не видел того, что видел я!»

Инрау безучастно кивнул.

– Тысяча Храмов, – продолжал Ахкеймион уже более мягким тоном, – всегда была наиболее могущественной из Великих фракций, но эта сила зачастую была притуплена, если не сломлена, разложением. За много веков Майтанет – первый шрайя, который способен восстановить прежнее величие. И теперь в тайных советах каждой фракции циничные люди спрашивают: «Что станет Майтанет делать с этой мощью? Кого он отправится наставлять своей Священной войной? Фаним и их жрецов кишаурим? Или же он пожелает наставить тех, кто проклят Бивнем, то есть школы?» В Сумне никогда еще не было столько шпионов, как теперь. Они кружат над Священными Пределами, подобно стервятникам в ожидании трупов. Дом Икуреев и Багряные Шпили попытаются найти способ сопрячь намерения Майтанета со своими собственными. Кианцы и кишаурим будут с опаской следить за каждым его шагом, боясь, что урок предназначен для них. Свести к минимуму либо воспользоваться, Инрау, все они поглощены какой-то из этих целей. И только Завет держится в стороне от грязных козней.

Старая тактика, которую ум, обостренный безвыходностью, делает особенно эффективной. Вербуя шпиона, надо прежде всего успокоить его, дать понять, что речь идет отнюдь не о предательстве, а, напротив, об иной, новой, более ответственной верности. Рамки – надо давать им более широкие рамки, в которых и следует интерпретировать события нужным тебе образом. Шпион, вербующий других шпионов, прежде всего должен быть хорошим сказочником.

– Я знаю, – сказал Инрау, разглядывая ладонь своей правой руки. – Это я знаю.

– И если где-то и может найтись тайная фракция, – продолжал Ахкеймион, – то только здесь. Все названные тобою причины твоей преданности Майтанету сводятся к тому, почему у Завета должны быть свои шпионы в Тысяче Храмов. Если Консулт где-то существует, Инрау, он находится здесь.

В каком-то смысле все, что сделал Ахкеймион, – это высказал несколько утверждений, никак между собой не связанных; однако история, представшая перед глазами Инрау, выглядела вполне отчетливо, даже если молодой человек и не признавал, что это за история. Из всех шрайских жрецов в Хагерне Инрау будет единственным, кто способен видеть шире, единственным, кто действует, исходя из интересов, которые не будут местечковыми или порожденными самообманом. Тысяча Храмов – место хорошее, но злополучное. Инрау следует защитить от его же собственной невинности.

– Но Консулт... – сказал Инрау, глядя на Ахкеймиона глазами загнанной лошади. – Что, если они действительно вымерли? Если я сделаю то, чего ты хочешь, Акка, и все это окажется впустую, я буду проклят!

И оглянулся через плечо, словно боясь, что его тут же на месте поразит громом.

– Инрау, вопрос не в том, действительно ли они...

Ахкеймион запнулся и умолк, увидев перепуганное лицо молодого жреца.

– В чем дело?

– Они меня увидели.

Он судорожно сглотнул.

– Шрайские рыцари, что позади меня... слева от тебя.

Ахкеймион видел, как эти рыцари вошли сюда вскоре после его прихода, но не обращал на них особого внимания: только удостоверился, что они – не из Немногих. Да и зачем? В подобных обстоятельствах бросаться в глаза – скорее преимущество. Внимание привлекают те, кто прячется и таится, а не те, кто ведет себя шумно.

Он рискнул кинуть взгляд в ту сторону, где, озаренные светом ламп, сидели трое рыцарей. Один, приземистый, с густыми курчавыми волосами, еще не снял кольчуги, но двое других были облачены в белое с золотой каймой одеяние Тысячи Храмов, почти такое же, как у Инрау, только одеяния рыцарей представляли собой странную помесь военной формы и рясы жреца. Тот, что в кольчуге, что-то рисовал в воздухе куриной костью и захлеб рассказывал о чем-то – то ли о бабе, то ли о битве – своему товарищу напротив. Лицо человека, сидевшего между ними, отличалось ленивой надменностью, свойственной высшей касте. Он встретился глазами с Ахкеймионом и кивнул.

Не сказав ни слова своим спутникам, рыцарь встал и принялся пробираться к их столу.

– Один из них идет сюда, – сказал Ахкеймион, наливая себе еще чашу вина. – Бойся или будь спокоен, как хочешь, но предоставь говорить мне. Понял?

Молчаливый кивок.

Шрайский рыцарь стремительно лавировал между столов и посетителей, твердо отодвигая с пути замешкавшихся пьяниц. Он был аристократически худощав, высок ростом, чисто выбрит, с коротко подстриженными черными как смоль волосами. Белизна его изысканной туники, казалось, бросала вызов любой тени, но лицо было мрачнее тучи. Когда он подошел, от него пахло жасмином и миррой.

Инрау поднял глаза.

– Мне показалось, что я узнаю вас, – сказал рыцарь. – Инрау, верно?

– Д-да, господин Сарцелл...

Господин Сарцелл? Имя было Ахкеймиону незнакомо, но, судя по тому, как перепугался Инрау, это кто-то весьма высокопоставленный, отнюдь не из тех, кто обычно имеет дело с мелкими храмовыми служащими. «Рыцарь-командор...» Ахкеймион заглянул за спину Сарцеллу и обнаружил, что другие два рыцаря смотрят в их сторону. Тот, что в кольчуге, подался вперед и прошептал нечто, от чего другой расхохотался. «Это какая-то шуточка. Хочет позабавить своих приятелей».

– А это кто такой, а? – осведомился Сарцелл, оборачиваясь к Ахкеймиону. – Мне кажется, он вас беспокоит.

Ахкеймион залпом проглотил вино и, грозно нахмурившись, уставился куда-то мимо рыцаря: пьяный старикан, который не привык, чтобы его перебивали.

– Этот мальчишка – сын моей сестрицы, – прохрипел он. – И он по шейку в дерьме. – Потом, как бы спохватившись, добавил: – Господин.

– Ах вот как? Это почему же? Скажи, будь любезен!

Ахкеймион пошарил по карманам, словно в поисках потерявшейся монеты, и потряс головой с напускным отвращением, по-прежнему не поднимая глаз на рыцаря.

– Да потому, что ведет себя как придурок, вот почему! Хоть он и вырядился в белое с золотом, а как был самодовольным дурнем, так и остался!

– А кто ты такой, чтобы порицать шрайского жреца, а?

– Я? Да что вы, я никто! – воскликнул Ахкеймион в притворном пьяном ужасе. – Мне до мальчишки и дела нет! Это сестрица ему велела материнский наказ передать.

– А-а, понятно. И кто же твоя сестра?

Ахкеймион пожал плечами и ухмыльнулся, мимоходом пожалев, что все зубы у него целы.

– Сестра-то моя? Моя сестра – распутная хрюшка.

Сарцелл удивленно вскинул брови.

– Хм. И кто же ты после этого?

– Я-то? Хрюшкин брат, выходит! – воскликнул Ахкеймион, наконец взглянув ему в лицо. – Неудивительно, что и парень в дерьме, а?

Сарцелл усмехнулся, но его большие карие глаза остались на удивление пустыми. Он снова обернулся к Инрау.

– Сейчас, как никогда, шраге требуется все наше усердие, юный проповедник. Ведь вскоре он объявит цель нашей Священной войны. Уверены ли вы, что накануне столь важных событий стоит пьянствовать с шутами, пусть даже вы и связаны с ними кровными узами?

– А вам-то что? – буркнул Ахкеймион и снова потянулся за вином. – Слушай дядюшку, малый! Такие надутые самодовольные псы...

Сарцелл наотмашь ударил его по щеке тыльной стороной ладони. Голову Ахкеймиона откинуло к плечу, стул накренился, встал на две ножки и рухнул на выложенный булыжником пол.

Кабачок разразился криками и улюлюканьем.

Сарцелл пинком отшвырнул стул и склонился над Ахкеймионом с обыденным видом охотника, отслеживающего добычу. Ахкеймион судорожно заслонился руками. У него еще хватило фиглярства выдать:

– Убива-ают!

Железная рука ухватила его за загривок и приподняла, притянув его ухо к губам Сарцелла.

– Ох, как мне хотелось бы это сделать, жирный боров! – прошипел рыцарь.

И ушел.

Жесткий, корявый пол. Мельком – удаляющаяся спина рыцаря. Ахкеймион попытался подняться. Треклятые ноги! Куда они делись? Голова бессильно клонилась набок. Белая слезинка лампы сквозь бронзовый светильник, озаряющая балки и потолок, паутину и иссохших мух... Потом Инрау подскочил сзади, кряхтя, поднял Ахкеймиона на ноги и, что-то беззвучно шепча, повел его к стулу.

Усевшись, Ахкеймион отмахнулся от заботливых рук Инрау.

– Со мной все в порядке, – проскрежетал он. – Дай мне минутку. Дух перевести.

Ахкеймион глубоко вдохнул через нос, прижал ладонь к щеке, вонзил скрюченные пальцы в бороду. Инрау уселся на свое место и с тревогой наблюдал, как Ахкеймион снова наливает себе вина.

– В-вышло чуть драматичнее, чем я рассчитывал, – сказал Ахкеймион, делая вид, что все в порядке. Но когда он расплескал вино на стол, Инрау встал и мягко отобрал у него кувшин.

– Акка...

«Проклятые руки! Вечно трясутся».

Ахкеймион смотрел, как Инрау наливает вино в чашу. Он спокоен. Как этот парень может быть настолько спокоен?

– Ч-чересчур драматично вышло, но своего я добился... Несмотря ни на что. А это главное.

Он шепотью смахнул слезы с глаз. Откуда они взялись? «От боли, видимо. Ну да, от боли».

– Я просто нажал на нужные рычаги.

Он фыркнул, желая изобразить смех.

– Ты видел, как я это сделал?

– Видел.

– Это хорошо, – заявил Ахкеймион, опростал чашу и перевел дух. – Смотри и учись. Смотри и учись.

Инрау молча налил ему еще. Щека и челюсть Ахкеймиона, одновременно горящие и онемевшие, начали болеть.

Его внезапно охватил необъяснимый гнев.

– А ведь какие ужасы я мог бы на него напустить! – бросил он, но достаточно тихо, так, чтобы никто не подслушал. «А ну как он вздумает вернуться?» Он поспешно бросил взгляд в сторону Сарцелла и других шрайских рыцарей. Те над чем-то смеялись. Над шуткой какой-нибудь или еще над чем-нибудь. Над кем-нибудь.

– Я такие слова знаю! – рыкнул Ахкеймион. – Я мог бы сварить его сердце прямо у него в груди!

И влил в себя еще одну чашу, которая пролилась в его окаменевшее горло, точно горящее масло.

– Я такое уже делал!

«Я ли это был?»

– Акка, – сказал Инрау, – мне страшно...

Никогда прежде не доводилось Ахкеймиону видеть столько народу, собравшегося в одном месте. Даже в Снах Сесватхи.

На огромной центральной площади Хагерны яблоку негде было упасть. В отдалении, омытые солнечным светом, вздымались над толпой покатые стены Юнриумы. Из всех зданий вокруг площади она одна казалась неуязвимой для этих полчищ. Прочие здания, более элегантные, построенные в более поздние времена Кенейской империи, были поглощены колышущейся массой воинов, женщин, рабов и торговцев. На балконах и в длинных портиках административных зданий повсюду, куда ни глянь, виднелись оружие и смутно различимые лица. Десятки подростков, точно голуби, облепили кривые рога и спины трех Быков Агоглии, которые в обычные дни одиноко возвышались в центре площади. Даже уходящие далеко в дымку большой Сумны широкие улицы, по которым выходили на площадь торжественные процессии, были запружены припозднившимся народом, который тем не менее все еще надеялся протолкаться поближе к Майтанету и его откровению.

Ахкеймион вскоре пожалел, что пробрался так близко к Юнриуме. Глаза щипало от пота. Со всех сторон напирала чьи-то тела и конечности. Майтанет наконец-то обещал объявить цель своей Священной войны, и верные стеклись на площадь, точно река к морю.

Ахкеймиона мотало туда-сюда вместе с толпой. Остаться на месте было невозможно. Навалятся сзади – и его швырнет на спины тех, кто стоит впереди. Он готов был поверить, что движутся не люди, а сама земля у них под ногами, вытягиваемая какой-то притаившейся армией жрецов, которым не терпится полюбоваться, как люди задохнутся в давке.

В какой-то момент он проклял все на свете: палящее солнце, Тысячу Храмов, локоть, упершийся ему между лопатками, Майтанета... Но самые жуткие проклятия приберегал он для Наутцеры и своего чертова любопытства. Ведь, в сущности, это они – Наутцера и любопытство – виноваты в том, что он очутился здесь!

Тут он осознал: «Если Майтанет объявит войну против школ...»

В такой толпе велик ли шанс, что в нем признают колдуна и шпиона? Он уже повстречал нескольких людей, имевших головокружительную ауру Безделушки. У членов высших каст было принято открыто носить свои хоры на шее. И повсюду в толпе вспыхивали крошечные точки, сулившие смерть.

«И стану я первой жертвой новых Войн магов».

Эта ироническая мысль заставила его поморщиться. Перед его мысленным взором промелькнули образы фанатиков, тыкающих в него пальцем и орущих: «Богохульник! Богохульник!», а потом – его собственное тело, растерзанное озверевшей толпой.

«Как я мог быть таким идиотом?»

Его тошнило от страха, жары и вони. Щека и челюсть снова заныли. Он видел, как над толпой поднимали людей – с висками, оплетенными вздувшимися жилами, с глазами, помутившимися от близкого обморока, – поднимали к солнцу и передавали над головами на поднятых руках. Неизвестно почему, но это зрелище вгоняло Ахкеймиона в изумление и смятение одновременно.

Он смотрел на громаду Юнриумы, Чертога Бивня, в каменном молчании вздымающейся над людским морем. На стенах суетились группки жрецов и чиновников, которые периодически выглядывали из-за зубцов. Вот кто-то опорожнил корзину белых и желтых цветочных лепестков. Лепестки, кружась, полетели вниз вдоль гранитных скатов и наконец рассыпались над рядами шрайских рыцарей, оцепивших площадку у стен. Юнриума, одновременно храмовое здание и крепость, имела монолитный облик строения, возведенного с расчетом на то, чтобы отражать натиск вражеских армий – и в былые времена ей не раз приходилось это делать. Единственной уступкой религии была огромная сводчатая ниша главных ворот. В этих воротах, по бокам которых высились два киранейских столпа, любой из людей казался карликом. Ахкеймион надеялся, что Майтанет окажется исключением.

За эти дни, в особенности после малоприятной встречи с рыцарем-командором, новый шрайя не выходил из головы у Ахкеймиона. Адепт надеялся, что присутствие этого человека положит конец его мучениям.

«Стоит ли он твоей преданности, Инрау? Стоит ли Майтанет твоей жизни?»

Позади него раздалось пение Созывающих Труб, чей бездонный тембр был так похож на древние боевые рога шранков. Сотни труб, сотрясающих высокий купол неба над головой. Повсюду вокруг Ахкеймиона люди разразились восторженными криками, и постепенно рев толпы сравнялся и перекрыл океанский стон Созывающих Труб. Трубы утихали, рев же только нарастал, пока не начало казаться, что сами стены Юнриумы вот-вот треснут и обрушатся.

Из врат Чертога появилась вереница бритых наголо детей в багряных одеждах. Дети босиком бежали вниз по высокой лестнице, размахивая пальмовыми ветвями. Рев утих настолько, что сделалось можно различить отдельные выкрики, взмывавшие над гомоном толпы. Кое-кто затягивал обрывки гимнов, но пение тут же сходило на нет. Нетерпеливо зашевелившийся народ мало-помалу утихал в предвкушении шагов, которые вот-вот растопчут их...

«Все мы – для тебя, Майтанет. Как ты себя при этом чувствуешь?»

Несмотря на то что говорил ему Инрау, Ахкеймион знал, что юноша все же на свой лад поклоняется этому новому шрайе. Сознание этого уязвляло самолюбие Ахкеймиона. Он всегда дорожил обожанием своих учеников, а обожанием Инрау – тем паче. И вот старый наставник забыт ради нового. Ну еще бы, как он, Ахкеймион, может соперничать с человеком, способным повелевать подобными событиями!

Но тем не менее как-то ему это удалось. Каким-то образом он сумел обеспечить Завет глазами и ушами в самом сердце Тысячи Храмов. Что помогло убедить Инрау, его хитрость – или его унижение в стычке с Сарцеллом? Может, все дело в жалости?

Возможно, он опять одержал победу благодаря тому, что проиграл?

Ахкеймиону вспомнился Гешрунни.

Тот факт, что он справился без помощи Напевов, успокаивал его совесть – отчасти. Нет, он непременно воспользовался бы ими, если бы Инрау ответил отказом. Иллюзий на этот счет Ахкеймион не питал. Ведь если бы он не выполнил поручения, Кворум уничтожил бы Инрау. Для таких людей, как Наутцера, Инрау был перебежчиком, а перебежчик должен умереть – это закон. Гнозис, даже его жалкие обрывки, известные Инрау, куда ценнее, чем жизнь одного-единственного человека.

Но если бы он воспользовался Напевами Принуждения, рано или поздно лютимы, коллегия монахов и жрецов, управлявшая обширной сетью шпионов, что принадлежала Тысяче Храмов, обнаружили бы на Инрау следы колдовства. Ведь не все Немногие становятся колдунами. Некоторые пользуются своим даром, чтобы вести войну против школ. Ахкеймион не сомневался, что коллегия лютимов убила бы Инрау за то, что на нем – следы колдовства. Ему уже случалось терять агентов таким образом.

Все, что дало бы Принуждение, – это возможность выиграть немного времени. А еще это разбило бы его сердце.

Быть может, потому Инрау и согласился стать шпионом. Быть может, он сообразил, какую ловушку приготовили для него судьба и Ахкеймион. Быть может, он боялся не того, что может случиться с ним, если он откажется, а того, что может случиться с его бывшим наставником. Ахкеймион воспользовался бы Напевами, превратил бы Инрау в колдовскую марионетку – и сошел бы с ума.

Между киранейских столпов, по четыре в ряд, появились жрецы, облаченные в белое с золотой каймой, несущие золотые копии Бивня. Бивни сверкали на солнце. Хриплые вопли взмыли над низким рокотом толпы, нарастая подобно лавине. Толпа теснее сомкнулась вокруг Ахкеймиона, точно мокрые ладони. Спина его выгнулась под напором навалившихся сзади. Он споткнулся и запрокинул голову, чтобы глотнуть воздуха. Воздух имел вкус. Края неба начали расплываться. Смаргивая пот с глаз, Ахкеймион изо всех сил тянулся повыше, как будто где-то над головой начинался слой свежести и прохлады, где дыхание многотысячной толпы кончалось и начиналось небо. Голоса гремели, словно гром. Ахкеймион опустил глаза, и взор его наполнила Юнриума. Сквозь лес воздетых рук он увидел возникшего во вратах Майтанета.

Новый шрайя был могуч. Ростом он не уступал любому норсирайцу. На нем было накрахмаленное белоснежное одеяние. Он носил густую черную бороду. Жрецы рядом с ним выглядели женоподобными. Ахкеймиону ужасно захотелось заглянуть ему в глаза, но на таком расстоянии глаз было не увидеть: они прятались в тени бровей.

Инрау рассказывал, что Майтанет родом с дальнего юга, откуда-то из Сингулата или Нильнамеша, где власть Тысячи Храмов была нетвердой. Он пришел пешком, одинокий айн-рити, через языческие земли Киана. Но в Сумну он не столько явился, сколько захватил ее. Среди пресыщенных чиновников Тысячи Храмов его темное происхождение было скорее преимуществом. Принадлежать к Тысяче Храмов означало быть запятнанным разложением, вонь которого не в силах отбить ни чистота веры, ни величие духа.

Тысяча Храмов взывала к Майтанету, и Майтанет явился на зов.

«Быть может, Консулт проведаль об этой нужде? И создал тебя, чтобы заполнить брешь?»

Одна мысль о Консулте тут же привела Ахкеймиона в чувство. Бесчисленные кошмары внушили ему такую страстную ненависть к этому слову, что оно стало близким и узнаваемым, как собственное имя.

Его мысли перебил многоголосый рев толпы. Воздух дрожал от воплей. Ахкеймион поймал себя на том, что у него снова темнеет в глазах и холодеет в груди. Шум толпы поредел и наконец улегся. Ахкеймион услышал какие-то бессвязные звуки, но он был уверен, что это голос Майтанета. Снова рев. Люди пытались дотянуться рукой до далекого шрайи. Ахкеймион пошатывался от толчков потных рук, сдерживая комок тошноты, подкативший к горлу.

«Горячка...»

Потом рук вокруг сделалось еще больше, и незнакомые люди подняли его над поверхностью толпы. Ладони и пальцы, их было так много и прикосновение их было столь легким: были – и нет. Он чувствовал, как солнце печет его лицо сквозь черную бороду, сквозь влажную соль на щеках. Мельком видел неуклюже шевелящиеся расселины потных одежд,

волос и кожи – равнина лиц, смотрящих на его тень, что проплывала над ними. На фоне внутреннего неба его полузакрытых глаз солнце растягивалось и колебалось сквозь слезы. И он слышал голос, ясный и теплый, точно погожий осенний день.

– Само по себе, – гремел шрайя, – фанимство есть оскорбление Господу. Но того факта, что верные, айнрити, терпят это кощунство, достаточно, чтобы гнев Божий ярко вспыхнул против нас!

Болтаясь на вытянутых руках под солнцем, Ахкеймион невольно ощутил безрассудный восторг при звуках этого голоса. Что за голос! Он касался не ушей, но страстей и мыслей напрямую, и все его интонации были отточенными, рассчитанными на то, чтобы возбуждать и приводить в ярость.

– Этот народ, эти кианцы – гнусный род, последователи Ложного Пророка. Ложного Пророка, дети мои! Бивень гласит, что нет нечестия страшнее лжепророчества! Нет человека подлее, вреднее, чернее душой, нежели тот, что творит насмешку над гласом Божиим! Мы же подписываем с фаним договоры; мы покупаем шелка и бирюзу, что прошли через их нечистые руки. Мы платим золотом за рабов и коней, возвращенных в их корыстных стойлах. Отныне не вступят более верные в связь с такими заблудшими народами! Отныне не станут верные сдерживать свое негодование ради безделушек из рук язычников! Нет, дети мои, мы явим им свою ярость! Мы обрушим на них мщение Господне!

Ахкеймион бултыхался посреди рокота толпы, подбрасываемый ладонями, что вот-вот сожмутся в кулаки, руками, стремящимися скорее повергать, нежели поднимать.

– Нет! Не станем мы более торговать с язычниками! Отныне и впредь мы будем лишь брать боем! Никогда более не станут айнрити мириться с подобными гнусностями! Проклянем то, что уже проклято! МЫ! ОБЪЯВЛЯЕМ! ВОЙНУ!

Голос все приближался, как будто бесчисленные руки, поднявшие Ахкеймиона, могли лишь одно: нести его навстречу источнику этих громовых слов – слов, разорвавших завесу будущего ужасным обетом.

Священная война...

– Шайме!!! – возопил Майтанет так, будто слово это лежало у истока всех горестей. – Град Последнего Пророка томится в длани язычника! В нечистых, кощунственных руках! Священная земля Шайме сделалась самым очагом отвратительнейшего зла! Кишаурим! Кишаурим превратили Ютерум – священные холмы! – в логовище непристойных церемоний, в конуру грязных, чудовищных обрядов! Амотеу, Святая Земля Последнего Пророка, Шайме, Святой Град Айнри Сейена, и Ютерум, священное место Вознесения, – все стало обиталищем множества и множества поруганий. Один отвратительный грех за другим! Воспомним же эти святыя имена! Очистим же святыя земли! Обратим же руки наши на кровавый труд войны! Поразим язычника лезвием отточенного меча. Пронзим его острием длинного копья. Очистим его мукой святого пламени! Мы будем сражаться и сражаться, доколе не ОСВОБОДИМ ШАЙМЕ!!!

Толпа взорвалась – и, продолжая свое кошмарное путешествие, Ахкеймион гадал, с неестественной отчетливостью мыслей близкого к обмороку мозга: отчего же фаним, когда посреди них имеется раковая опухоль в лице школ? Зачем убивать, когда собственное тело нуждается в исцелении? И зачем объявлять Священную войну, которую нельзя выиграть?

Невероятно далеко взметнулась, касаясь солнца, каменная стена – Юнриума, твердыня Бивня, – и вот уже люди опускают его на ступени в тени портала. Вода заструилась по его лицу, попала в рот. Ахкеймион поднял голову, увидел стену орущих, побагровевших лиц, вздетых рук.

«Им нужен Шайме... Шайме. Никто и не думал угрожать школам».

Каждый миг напряженно звенел восторженным ревом собравшихся, но почему-то те, кто находился на ступенях, не разделяли общего ликования. Ахкеймион окинул взглядом

остальных – тех, кого, подобно ему, подняли из толпы, дрожащих, обливающихся потом от изнеможения. Почему-то все они, как замороженные, не отрывали глаз от чего-то, что находилось на ступенях прямо над ним. Ахкеймион поднял глаза, вздрогнул, увидев на расстоянии пяди от своего лба поношенный сапог. Он глядел прямо между ног человеку, преклонившему колени рядом с другим. Человек всхлипнул, смахнул слезы – и тут заметил Ахкеймиона. Ошеломленный, Ахкеймион видел, как человек изумленно раскрыл глаза и вскинул брови, узнавая его, и тут же окаменел в ярости: колдун! «Здесь...»

«Пройас».

Это был принц Нерсей Пройас Конрийский... Еще один любимый ученик. Четыре года наставлял его Ахкеймион во всяких искусствах, не имеющих отношения к колдовству.

Но прежде чем они успели обменяться хоть словом, чьи-то руки отвели принца, все еще не отрывавшего глаз от Ахкеймиона, в сторону, и колдун увидел перед собой безмятежное и удивительно молодое лицо Майтанета.

Толпы ревели, но между ними двоими воцарилась жутковатая тишина. Лицо шрайи помрачнело, но в его синих глазах блеснуло нечто... нечто...

Он сказал негромко, словно бы свой своему:

– Подобных тебе не любят здесь, друг мой. Беги!

И Ахкеймион обратился в бегство. Станет ли ворона вступать в бой со львом? И, судорожно продираясь сквозь обезумевшие толпы айнрити, он мог думать лишь об одном: «Он способен видеть Немногих».

Лишь Немногие видят Немногих...

Майтанет крепко взял Пройаса под руку и сказал, достаточно громко, чтобы перекрыть разбушевавшуюся толпу:

– Мне нужно многое с вами обсудить, мой принц.

Пройас, еще не успевший опомниться от ярости и потрясения, вызванных встречей с бывшим наставником, утер слезы, струившиеся по щекам, и молча кивнул.

Майтанет велел ему следовать за Готианом, прославленным великим магистром шрайских рыцарей. Великий магистр увел принца прочь от блистательного шествия шрайи, в мрачные, подобные гробницам переходы Юнриумы. Готиан отпустил несколько доброжелательных замечаний, несомненно, надеясь втянуть принца в разговор, но Пройас мог думать лишь об одном: «Ахкеймион! Бесстыжий мерзавец! Да как ты осмелился на такое поругание!»

Сколько лет прошло с тех пор, как они виделись в последний раз? Четыре года? Или даже пять? И все это время Пройас пытался очистить душу от влияния этого человека. Вся его жизнь вела к этому судьбоносному мигу, когда, преклонив колени у ног Святого Отца, он ощутил его величие, омывающее золотым водопадом, и облобызал его колено в миг чистого, абсолютного предания себя Господу.

И лишь затем, чтобы увидеть перед собой на ступенях дрожащего Друза Ахкеймиона! Закоренелого нечестивца, укрывающегося в тени самого великого человека, родившегося на свет за последнюю тысячу лет! Майтанет... Великий шрайя, который освободит Шайме, который снимет с веры Последнего Пророка иго императоров и язычников.

«Ахкеймион... Когда-то я любил тебя, дорогой наставник, но это уже слишком! Всякой терпимости есть предел!»

– Вы, похоже, встревожены, мой принц, – сказал наконец Готиан, указывая ему путь в очередной коридор.

Благовонный дым из смеси душистых пород дерева струился между колоннами, обрамляя светящимися ореолами огненные точки ламп. Откуда-то доносилось пение хора, разучивающего гимны.

– Прошу прощения, господин Готиан, – отозвался принц. – Сегодня был весьма удивительный день.

– Воистину так, мой принц, – отвечал седовласый великий магистр с мудрой улыбкой на устах. – Но это еще не все: скоро он станет еще удивительнее.

Пройас не успел спросить, что он имеет в виду: колоннада закончилась и вывела их в просторный зал, окруженный массивными колоннами... Точнее, Пройасу сперва показалось, что это зал, но он быстро понял, что находится во внутреннем дворе. Сквозь навес высоко над головой лилось солнце, пронзая полумрак косыми лучами и протягивая светящиеся пальцы между западных колонн. Пройас моргнул, обвел взглядом истертый мозаичный пол...

Возможно ли это?

Он пал на колени.

Бивень.

Огромный витой рог, наполовину на солнце, наполовину в тени, подвешенный на цепях, что уходили ввысь и терялись там на фоне сияющего неба и колонн, погруженных в полумрак.

Бивень. Святая святых!

Сверкающий маслом, покрытый надписями, точно татуированные руки и ноги жрицы Гиерры.

Первые строки Богов! Первое писание! Здесь, доступное его взору!

Здесь.

Миновало несколько незабываемых мгновений. Потом Пройас ощутил на своем плече утешающую руку Готиана. Он сморкнул слезы и посмотрел на великого магистра.

– Спасибо вам, – произнес он почти шепотом, страхась потревожить царящее здесь величие. – Спасибо, что привели меня в это место.

Готиан кивнул и оставил принца наедине с его молитвами.

В его мыслях беспорядочно кружились триумфы и сожаления: победа над тидонцами в битве при Паремти; оскорбления, брошенные им в лицо старшему брату за неделю до смерти того... Казалось, будто здесь сокрытые сети наконец-то вытягивались на поверхность, так, чтобы все бывшее собралось на палубе настоящего мгновения. И даже годы, которые он мальчишкой провел при Ахкеймионе, и его раздражение бесконечной учебой, и беззлобные шутки наставника – все имело свое значение в подготовке к этому моменту. Сейчас. Пред Бивнем.

«Предаю себя Слову твоему, Господи. Всей душой предаюсь той жестокой цели, что Ты поставил предо мной. Я обращаю поле брани в храм!»

Гомон птиц, резвящихся под крышей. Аромат сандалового дерева, омытый чистым, как на небесах, воздухом. Полосы льющегося с вышины солнечного света. И Бивень, парящий на фоне тени могучих киранийских колонн. Неподвижный. Безмолвный.

– Не правда ли, великое потрясение – впервые узреть Бивень? – раздался позади мощный голос.

Пройас обернулся. Ему казалось, что он уже выше преклонения перед любым из смертных, однако же на этого человека он уставился с обожанием. Майтанет. Новый, безупречный шрайя Тысячи Храмов. Человек, который принесет мир народам Трех Морей, дав им Священную войну.

«Новый наставник».

– С самого начала был он с нами, – продолжал Майтанет, благоговейно взирая на Бивень, – наш вожатый, наш советник, наш судия. Это единственная вещь, которая видит нас, когда мы смотрим на нее.

– Да, – откликнулся Пройас. – Я это чувствую.

– Дорожи этим ощущением, Пройас! Носи его в груди и не забывай никогда. Ибо во дни грядущие тебя будет осаждать множество людей, что забыли.

– Прошу прощения, ваша милость?

Майтанет подошел к нему вплотную. Он сменил свои роскошные, шитые золотом одежды на простой белый балахон. Пройасу казалось, что каждое его движение, любая поза передают ощущение неизбежности, как будто писание о его деяниях уже создано.

– Я говорю о Священной войне, Пройас, тяжком молоте Последнего Пророка. Многие будут стремиться извратить ее.

– До меня уже дошли слухи, будто император...

– Будут и иные, – продолжал Майтанет тоном одновременно печальным и резким. – Люди из школ...

Пройас почувствовал неловкость. Перебивать его осмеливался лишь король, его отец, и то если он говорил какую-то глупость.

– Из школ, ваша милость?

Шрайя повернул к нему бородатое лицо, и Пройаса ошеломил решительный блеск его синих глаз.

– Скажите мне, Нерсей Пройас, – осведомился Майтанет голосом, не терпящим возражений, – кто был этот человек, этот колдун, что осмелился осквернить мое присутствие?

Глава 4 Сумна

«Быть несведущим и быть обманутым – разные вещи. Быть несведущим означает быть рабом мира. Быть обманутым означает быть рабом другого человека. Есть лишь один вопрос: отчего, если все люди невежественны и тем самым являются рабами, это второе рабство так нас уязвляет?»

Айенсис, «Эпистемологии»

«Но, невзирая на легенды о зверствах фаним, факт остается фактом: кианцы, хотя и язычники, на удивление терпимо относились к паломничествам айнрити в Шайме – разумеется, до того, как началась Священная война. Отчего бы народу, мечтающему уничтожить Бивень, оказывать такую любезность тем, кто его боготворил? Быть может, они делали это ради возможности торговать с ними, как это предполагали другие. Однако основную причину следует искать в их прошлом. Кианцы пришли из пустыни, и священное место называется в их языке «си'инкхалис», что означает буквально «большой оазис». У них в пустыне обычай требовал никогда не отказывать путнику в воде, даже если это враг».

Друз Ахкеймион, «Компендиум Первой Священной войны»

Священная война айнрити против фаним была объявлена Майтанетом, сто шестнадцатым шрайей Тысячи Храмов, в утро Вознесения 4110 года Бивня. День выдался не по сезону жарким, как будто сам Господь благословил Священную войну предвестием лета. Да и по всем Трем Морям не счесть было слухов о видениях и предзнаменованиях – и все они свидетельствовали о святости цели, поставленной перед айнрити.

Вести разносились стремительно. Среди всех народов жрецы шрайских храмов и храмов разных богов произносили проповеди о зверствах и беззакониях фаним. Как, вопрошали они, как могут айнрити называть себя верными, когда град Последнего Пророка поработен язычниками? Благодаря их страстным обличительным речам абстрактные грехи далекого

экзотического народа сделались близки собраниям айнрити и преобразились в их собственные. Терпеть беззаконие, говорили им, означает поощрять греховность. Ведь если человек не пропалывает свой сад, не означает ли это, что он возвращает сорную траву? И айнрити казалось, будто их разбудили от корыстного сна и безделья, будто они погрязли в безответственном слабодушии. Долго ли станут боги терпеть народ, который превратил свои сердца в продажных девок, который позволил убаюкать себя мирскому процветанию? Быть может, боги уже готовы отвернуться от них, или, хуже того, обратить на них свой пылающий гнев!

На улицах больших городов торговцы делились с покупателями вестями о все новых монархах, изъявивших желание встать под знамена Бивня. В кабаках старые солдаты спорили, чей командир благочестивее. Детишки собирались у очагов и, развесив уши, в страхе и трепете внимали рассказам своих отцов о том, как фаним, гнусный и бесчестный народ, осквернили чистоту немыслимо прекрасного города Шайме. А потом дети с криком просыпались ночами, бормоча что-то о безглазых кишаури, которые видят с помощью змеиных голов. А днем, бегая по улицам или по лугам, старшие братья заставляли младших исполнять в игре роли язычников, чтобы они, старшие, могли лупить их палками, изображающими мечи. А мужья в темноте, на супружеском ложе, рассказывали женам последние новости о Священной войне и внушительным шепотом объясняли, какую великую цель поставил перед ними шрайя. Жены же плакали – но тихо, ибо вера делает сильной даже женщину, – понимая, что скоро их мужья покинут их.

Шайме. Люди думали об этом священном названии – и скрежетали зубами. И казалось им, будто в Шайме стоит тишина, будто этот край затаил дыхание на много томительных столетий, дожидаясь, пока ленивые последователи Последнего Пророка наконец пробудятся от сна и исправят древнее дьявольское преступление. Они явятся с мечом и кинжалом и очистят эту землю! И когда все фаним умрут, они преклонят колени и поцелуют сладостную землю, что породила Последнего Пророка.

Они примут участие в Священной войне.

Тысяча Храмов распространяла эдикты о том, что любой, попытавшийся воспользоваться отсутствием какого-либо владыки, вставшего под знамена Бивня, будет схвачен, предстанет перед храмовым судом по обвинению в ереси и казнен. Получив таким образом гарантию, что никто не посмеет лишить их законных прав, многочисленные принцы, князья, графы и рыцари разных народов объявляли, что идут служить Бивню. Обычные войны и раздоры оказались забыты. Земли отдавались в залог. Таны и бароны созывали своих мелких вассалов. Холопов срывали с земли, вооружали и селили в выстроенных на скорую руку казармах. Были наняты огромные флотилии, дабы перевезти войска в Момемн, откуда шрайя повелел начать священный поход.

Майтанет воззвал – и все Три Моря откликнулись на зов. Хребет язычников будет сломен! Святой Шайме будет очищен.

Середина весны, 4110 год Бивня, Сумна

Эсменет никогда не переставала думать о дочери. Даже удивительно, как любая, самая обыденная случайность могла пробудить воспоминания о ней. На сей раз это был Ахкеймион и его странная привычка сперва понюхать каждую сливу, а потом уже положить ее в рот.

Один раз ее дочка понюхала яблоко на рынке. Это было безжизненное воспоминание, полупрозрачное, словно бы обесцвеченное тем жутким фактом, что девочка умерла. Прелестное дитя, яркое, как цветок, на фоне теней проходящих мимо людей, с прямыми черными волосами, круглощеким личиком и глазами, что сияли вечной надеждой.

– Мама, оно так пахнет! – сказала она вполголоса, делаясь озарением. – Оно... оно как будто вода и цветы!

И расплылась в торжествующей улыбке.

Эсменет взглянула на угрюмого торговца. Тот молча кивнул на сплетенных змей, вытатуированных у нее на левой руке. Мысль была понятна: «Таким, как ты, не продаю».

– Как странно, радость моя! А вот мне кажется, оно пахнет так, как будто оно слишком дорогое.

– Ну ма-ама... – сказала малышка.

Эсменет сморгнула с глаз навернувшиеся слезы. Ахкеймион обращался к ней.

– Мне это кажется очень сложным, – сказал он с доверительным видом.

«Надо было купить ей яблоко где-нибудь в другом месте!»

Они оба сидели на низеньких табуретах в ее комнате, рядом с исцарапанным столиком высотой по колено. Ставни были распахнуты, и прохладный весенний воздух, казалось, усиливал доносившийся снаружи уличный шум. Ахкеймион кутался в шерстяное одеяло, а сама Эсменет предпочитала дрожать от холода.

Давно ли Ахкеймион живет у нее? Пожалуй, достаточно давно, чтобы они успели порядком надоесть друг другу. Как будто они муж и жена. Теперь она понимала, что шпион, подобный Ахкеймиону, человек, который вербует и направляет тех, кто действительно имеет доступ к сведениям, проводит большую часть жизни, просто дожидаясь, когда что-нибудь случится. И ждал Ахкеймион здесь, в небогатой комнатенке в старом многоэтажном доме, где обитали десятки таких же шлюх, как она.

Поначалу было так странно! Несколько дней подряд, проснувшись по утрам, она лежала и слушала, как он жутко кряхтит на ее горшке. Она прятала голову под одеяло и громко требовала, чтобы он сходил либо к врачу, либо к жрецу – и не сказать, чтобы совсем уж в шутку: звучало это и впрямь ужасно! Ахкеймион стал звать это своим «утренним армагеддоном» после того, как Эсменет один раз, уже почти всерьез, вскричала:

– Слушай, Акка, если ты каждую ночь заново переживаешь Армагеддон, это еще не значит, что тебе следует по утрам делиться этим со мной!

Ахкеймион стыдливо хихикал, подминаясь, бормотал что-то насчет того, как полезно много пить и промывать кишки. Вид колдуна, льющего воду себе на задницу, отчасти успокаивал, отчасти забавлял Эсменет.

Она вставала, открывала окно и, как всегда, присаживалась полуголой на подоконник, то окидывая взглядом дымную сутолоку Сумны, то обшаривая глазами улицу в поисках потенциального клиента. Они вместе съедали скудный завтрак: пресный хлеб, кислый сыр и тому подобное, обсуждая самые разные вещи: последние слухи о Майтанете, продажное лицемерие жрецов, брань погонщиков, от которой краснеют даже солдаты, и так далее. И Эсменет казалось, что они счастливы, что каким-то образом они неразрывно связаны с этим местом и этим временем.

Но рано или поздно кто-нибудь окликал ее с улицы, или же один из постоянных клиентов стучался у дверей, и идиллии наступал конец. Ахкеймион мрачнел, хватал свой плащ и ранец и уходил пьянствовать в какой-нибудь захудалый кабачок. Обычно она замечала его с подоконника, когда он возвращался, шагая в одиночестве через бесконечную людскую давку: стареющий, слегка полноватый человек, выглядящий так, будто он вдрызг продулся в кости. И каждый раз, без исключения, он уже следил за ней к тому времени, как она его замечала. Он неуверенно махал ей рукой, пытался улыбнуться, и ее пронзала печаль, порой такая острая, что она ахала вслух.

Что она чувствовала? О, много чего. Разумеется, жалость к нему. Посреди всех этих чужих людей Ахкеймион выглядел всегда таким одиноким, таким непонятым. «Никто, – часто думала она, – не знает его так, как знаю я!» А еще – облегчение: он снова вернулся, вернулся к ней, хотя у него было достаточно золота, чтобы купить себе шлюшку помоложе.

Еще печаль – такая эгоистичная. И стыд. Ей было стыдно, оттого что она знала: Ахкеймион ее любит, и каждый раз, когда она приводит клиента, это разбивает ему сердце.

Но что ей оставалось?

Он никогда бы не вошел к ней, если бы не увидел ее на подоконнике. Один раз, когда ее отколошматил особенно гнусный мерзавец, назвавшийся медником, она только и могла, что заползти в кровать и реветь, пока не уснула. Но перед закатом она пробудилась и заторопилась к окну, когда увидела, что Ахкеймион не приходил. Она просидела там всю ночь, съезжившись, дожидаясь его. Она видела, как солнце позолотило море и пронзило стрелами лучей затянутый туманом город. По улице прогрохотали первые повозки горшечников, потянулись к голубеющему небу первые струйки дыма из печей для обжига и домашних очагов. Эсменет сидела и тихо плакала. Но и тогда она выпростала из-под покрывал одну грудь и свесила поверх холодной кирпичной стены длинную бледную ногу, чтобы каждый, проходящий мимо, мог, подняв голову, увидеть смутное обещание между ее колен.

И только тогда, когда солнце начало припекать ее лицо и голое колено, она наконец услышала стук в дверь. Она стрелой пронеслась через комнату, распахнула дверь – на пороге стоял растрепанный колдун.

– Акка! – вскричала она, и слезы хлынули у нее из глаз.

Он посмотрел на нее, на пустую кровать и признался, что заснул у нее под дверью. И тогда Эсменет поняла, что действительно любит его.

Станный это был брак – если это вообще можно назвать браком. Союз отверженных, скрепленный молчаливыми обетами. Колдун и шлюха. Возможно, от подобного союза следует ожидать некоторого безрассудства: ведь эта странная вещь, «любовь», становится тем глубже, чем сильнее презирают тебя окружающие.

Эсменет обняла себя за плечи, смерила Ахкеймиона взглядом и раздраженно вздохнула.

– Что? – устало спросила она. – Что тебе кажется сложным, Акка?

Ахкеймион обиженно отвернулся и ничего не сказал.

Узнав про медника, он пришел в ярость. Он схватил Эсменет за руку и потащил с собой. Они обошли несколько мастерских, и везде он спрашивал, не узнает ли она этого человека. И хотя Эсменет протестовала, объясняла, что подобные происшествия – просто издержки ее ремесла: мало ли кто явится с улицы! – однако в глубине души она была в восторге и тайне надеялась, что Ахкеймион испепелит мерзавца. Быть может, впервые за время их знакомства она осознала, что Ахкеймион может это сделать и ему уже случалось делать такое.

Однако того медника они так и не нашли.

Эсменет подозревала, что Ахкеймион продолжает рыскать по мастерским, разыскивая человека, который подходит под ее описание. И она не сомневалась, что если Ахкеймион его отыщет, то убьет. Он несколько раз упоминал о меднике уже спустя много времени после этого инцидента, и, хотя Ахкеймион делал вид, что хочет лишь оказать ей услугу, Эсменет подозревала, что на самом деле он – хотя бы в глубине души – мечтает убить всех ее клиентов.

– Зачем ты тут торчишь, Ахкеймион? – спросила она. В ее голосе звучала легкая враждебность.

Он гневно воззрился на нее, и его безмолвный вопрос был ясен: «Зачем ты по-прежнему спишь с ними, Эсми? Почему ты непременно желаешь оставаться шлюхой теперь, когда я здесь, с тобой?»

«Потому что рано или поздно ты от меня уйдешь, Акка... А мужчины, которые меня кормят, за это время найдут себе других шлюх».

Но он не успел ничего сказать: в дверь робко постучали.

– Я ухожу, – сказал Ахкеймион и встал.

Ее пронзил ужас.

– Когда вернешься? – спросила она, стараясь не выдавать своего отчаяния.

– Потом, – сказал он. – После...

Он протянул ей одеяло, Эсменет судорожно его стиснула. В последнее время она все хватала чересчур сильно, как будто желая раздавить, точно стекло. Она смотрела, как Ахкеймион подошел к двери.

– Инрау! – сказал Ахкеймион. – Что ты тут делаешь?

– Я узнал очень важные сведения! – ответил запыхавшийся молодой человек.

– Входи, входи! – сказал Ахкеймион, провожая жреца к табурету.

– Боюсь, я был недостаточно осмотрителен, – сказал Инрау, стараясь не смотреть в глаза ни Ахкеймиону, ни Эсменет. – Возможно, за мной следят.

Ахкеймион некоторое время пристально глядел на него, потом пожал плечами.

– Даже если и следят, это неважно. Жрецы часто бывают у проституток.

– Это правда, Эсменет? – спросил Инрау с нервным смешком.

Эсменет видела, что ее присутствие смущает Инрау, и, как многие добродушные люди, тот пытался скрыть смущение натянутыми шутками.

– Они в этом смысле ничем не отличаются от колдунов, – усмехнулась она.

Ахкеймион взглянул на нее с притворным негодованием, и Инрау нервно рассмеялся.

– Ну, рассказывай, – сказал Ахкеймион. Он улыбался, но взгляд его оставался серьезным. – Что же ты узнал?

Лицо Инрау на миг сделалось по-детски сосредоточенным. Юноша был темноволос, худощав, чисто выбрит, с большими карими глазами и девичьими губами. Эсменет подумалось, что он обладает обаятельной уязвимостью молодого человека, оказавшегося в тени тяжких молотов мира сего. Шлюхи ценят таких парнишек, и не только потому, что те платят вдвое: не только за удовольствие, но еще вдобавок и за причиненный ущерб. Они, кроме этого, дают еще и иное вознаграждение. Таких мужчин можно спокойно любить – как мать любит нежного сына.

«Я могу тебе сказать, отчего ты так боишься за него, Акка».

Инрау глубоко вздохнул и выпалил:

– Багряные Шпили согласились присоединиться к Священному воинству!

Ахкеймион нахмурил брови.

– Это только слух, или?..

– Наверно, только слух... – Инрау помолчал. – Но мне это сказал Оратэ из коллегии лютимов. Я подозреваю, что Майтанет предложил им это давно. И в доказательство того, что это не шутка, он отправил в Каритусаль шесть Безделушек – как знак доброй воли. Поскольку распределение хор идет через лютимов, Майтанету пришлось объясняться с ними.

– Значит, это правда?

– Это правда.

Инрау взглянул на него, как голодный человек, нашедший заморскую монету, глядит на менялу. «Дорого ли это стоит?»

– Великолепно. Великолепно. Это действительно важная новость.

Восторг Инрау был столь заразителен, что Эсменет сама невольно улыбнулась вместе с ним.

– Ты молодец, Инрау, – сказала она.

– Да, действительно, – добавил Ахкеймион. – Багряные Шпили, Эсми – это самая могущественная школа Трех Морей. Со времен последней Войны магов они правят Верхним Айноном...

Продолжать он не мог – очевидно, в голове у него теснилось слишком много вопросов. Ахкеймион всегда имел привычку давать ненужные объяснения – можно подумать, она не знает, кто такие Багряные Шпили! Но Эсменет прощала ему это. В каком-то смысле эти объяснения демонстрировали его желание включить ее в свою жизнь, в круг своих интересов. В этом, как и во многом другом, Ахкеймион был совсем не похож на других мужчин.

– Шесть Безделушек! – выдохнул он. – Удивительный дар! Поистине бесценный!

Не за это ли она полюбила его? Когда она была одна, мир выглядел таким тесным – и таким убогим. А когда он возвращался, казалось, будто он приносил в своем ранце все Три Моря сразу. Она вела тихую, неприметную жизнь, загнанная в подполье нуждой и невежеством. И вдруг появлялся этот добродушный, пузатый мужик – человек, похожий на шпи-она еще меньше, чем на колдуна, – и на какое-то время потолок ее жизни исчезал, и на нее обрушивались солнце и большой мир.

«Я тебя люблю, Друз Ахкеймион!»

– Безделушки, Эми! Ведь для Тысячи Храмов это слезы самого Господа! И отдать шесть из них нечестивой школе? Интересно...

Он задумчиво разбирал свою бороду, все время проводя пальцами по одним и тем же серебристым полоскам.

Безделушки... Это напомнило Эсменет, что мир Ахкеймиона, при всех его чудесах, смертельно опасен. Храмовый закон требовал побивать проституток камнями наравне с женщинами, изменившими мужу. Она подумала, что на колдунов это тоже распространяется, только колдуна можно убить лишь одним камнем – но зато этому камню достаточно один раз прикоснуться к колдуну. По счастью, Безделушек на свете не так много. А вот камней для продажных девок предостаточно.

– Но почему? – спросил Инрау, и голос его сделался грустным. – Для чего Майтанету осквернять Священную войну, приглашая участвовать в ней школу?

«Как ему, должно быть, трудно – разрываться между такими людьми, как Ахкеймион и Майтанет», – подумала Эсменет.

– Потому что без этого не обойтись, – ответил Ахкеймион. – В противном случае Священная война обречена на провал. Вспомни: в Шайме обитают кишаурим.

– Но ведь хоры для них так же смертельны, как и для колдунов!

– Быть может... Но в такой войне, как эта, это особой роли не играет. Прежде чем они сумеют использовать Безделушки против кишаурим, им придется одолеть войска Киана. Нет, школа Майтанету нужна непременно!

«В такой войне, как эта!» – подумала Эсменет. В юности она с наслаждением слушала рассказы о войне. Да и теперь обычно просила понравившихся ей солдат рассказать о битвах, в которых они побывали. На миг она представила себе сумятицу сражения, сверкание мечей во вспышках колдовского пламени...

– А что до Багряных Шпилей... – продолжал Ахкеймион. – Для него не может быть более подходящей школы, поскольку...

– Нет школы более отвратительной! – пылко возразил Инрау.

Эсменет знала, что Завет особенно ненавидит школу Багряных Шпилей. Ахкеймион как-то раз объяснил ей причину: ни одна другая школа не завидует настолько сильно тому, что Завет обладает Гнозисом.

– Бивень не делает различий между гнусностями, – заметил Ахкеймион. – Очевидно, Майтанет сделал этот шаг из чисто политических соображений. Поговаривают, что император уже примеривается, как бы превратить Священную войну в орудие, с помощью которого он вернет себе прежние земли. Объединение с Багряными Шпилями позволит Майтанету не полагаться на императорскую школу, Имперский Сайк. Подумай о том, что может сделать из Священной войны дом Икуреев.

Император. Неизвестно почему, но упоминание о нем заставило Эсменет взглянуть на два медных таланта, лежащих у нее на столе, один на другом. На талантах были изображены миниатюрные профили Икурея Ксерия III, императора Нансурии. Ее императора. Эсменет, как и все обитатели Сумны, на самом деле никогда не думала об императоре как о своем владыке, несмотря на то что его войска поставляли ей клиентов так же исправно, как и храмы. «Наверно, это из-за того, что здесь шрайя ближе», – подумала она. Но, с другой стороны, для нее и сам шрайя значил не так уж много. «Просто я слишком ничтожна», – подумала Эсменет.

И тут ей в голову пришел вопрос.

– А разве... – начала было Эсменет, но запнулась: мужчины взглянули на нее как-то странно. – А разве не следовало бы скорее задаться вопросом: отчего Багряные Шпили приняли предложение Майтанета? Что может заставить школу присоединиться к Священному воинству? Что-то тут не вяжется, вы не находите? Ведь не так давно ты, Акка, боялся, что Священная война будет объявлена школам!

Короткая пауза. Инрау усмехнулся, словно его насмешила собственная тупость. Эсменет осознала, что отныне и впредь Инрау в подобных делах будет относиться к ней как к равной. Ахкеймион же, как прежде, останется надменным, высшим авторитетом в любых вопросах. Возможно, это и справедливо, учитывая его род занятий.

– На самом деле причин тому несколько, – сказал наконец Ахкеймион. – Перед отъездом из Каритусалия мне стало известно, что Багряные Шпили ведут войну – тайную – против колдунов-жрецов фаним, кишаурим. Война длилась уже десять долгих лет.

Он на миг прикусил губу.

– По неизвестной причине кишаурим убили Сашеоку, который тогда был великим магистром Багряных Шпилей. Теперь у них великим магистром Элеазар, ученик Сашеоки. Ходили слухи, что они с Сашеокой были близки, близки на тот манер, как это принято у айнонов...

– Так значит, Багряные Шпили... – начал Инрау.

– Надеются отомстить, – закончил Ахкеймион, – и покончить со своей тайной войной. Но дело не только в этом. Ни одна из школ не может понять метафизики кишаурим, Псухе. Всех, даже школу Завета, приводит в ужас тот факт, что их действия не воспринимаются как колдовство.

– А отчего это вас так пугает? – поинтересовалась Эсменет. Это был один из тех мелких вопросов, которые она все никак не решалась задать.

– Отчего?! – переспросил Ахкеймион, внезапно сделавшись чрезвычайно серьезным. – Ты бы не спрашивала об этом, Эсменет, если бы имела представление, какой мощью мы владеем. Ты себе просто представить не можешь, насколько велика эта мощь, и как хрупки по сравнению с нею наши тела. Сашеока погиб именно потому, что не смог отличить дело рук кишаурим от творения Божия.

Эсменет нахмурилась. Она обернулась к Инрау.

– С тобой он тоже так себя ведет?

– Ты имеешь в виду: осуждает вопрос вместо того, чтобы дать ответ? – насмешливо спросил Инрау. – Постоянно.

Ахкеймион сделался мрачнее тучи.

– Слушайте! Слушайте меня внимательно. Мы с вами не в игрушки играем. Любой из нас – и в первую очередь ты, Инрау, – может кончить тем, что головы наши сварят с солью, высушат и выставят напоказ перед Чертогом Бивня. А между тем на кон поставлены не только наши жизни. Нечто большее, куда большее!

Эсменет умолкла, слегка ошеломленная суровой отповедью. Она осознала, что временами забывает о том, насколько глубок Друз Ахкеймион. Сколько раз она удерживала его

в объятиях, когда он пробуждался после одного из своих сновидений? Сколько раз она слышала, как он что-то бормочет во сне на непонятных языках? Она взглянула на колдуна – и увидела, что гнев в его глазах сменился болью.

– Я не надеюсь на то, что кто-то из вас осознает, насколько велики ставки. Порой я и сам устаю слышать свою болтовню про Консульт. Но на этот раз что-то не так. Я знаю, для тебя, Инрау, мучительно даже думать о таком, но твой Майтанет...

– Майтанет – не мой! Он никому не принадлежит, и именно это... – Инрау запнулся, словно смущенный собственной пылкостью, – именно это делает его достойным моей преданности. Быть может, ты прав, и я в самом деле не способен осознать, насколько велики ставки, но мне известно больше, чем множеству людей. И мне не по себе, Акка. Я опасаясь, что это еще одна погоня за тенью.

Говоря это, Инрау покосился – скорее всего, невольно – на змей, знак шлюхи, вытатуированных на руке Эсменет. Она невольно спрятала ладони под мышки.

И тут ее непостижимым образом осенило: ведь за всеми этими событиями кроется настоящая тайна! Глаза ее округлились, она обвела собеседников взглядом. Инрау потупился. Но Ахкеймион пристально смотрел на нее.

«Он знает, – подумала Эсменет. – Он знает, что у меня дар на такие вещи».

– В чем дело, Эсми?

– Ты говоришь, Завету только недавно стало известно, что Багряные Шпили воюют с кишаурим?

– Да.

Она невольно подалась вперед, как будто то, что она собиралась сказать, лучше было произнести шепотом.

– Акка, но если Багряные Шпили в течение десяти лет сумели таить это от Завета, откуда же тогда Майтанет, человек, который совсем недавно сделался шрайей, это знает?

– Что ты имеешь в виду? – с тревогой спросил Инрау.

– Да нет, – задумчиво сказал Ахкеймион, – она права. Майтанету бы и в голову не пришло обращаться к Багряным Шпилям, если бы он не знал заранее, что эта школа враждует с кишаурим. В противном случае это было бы глупостью. Самая надменная школа в Трех Морях присоединяется к Священному воинству? Подумай сам. Но откуда он мог знать?

– Быть может, – предположил Инрау, – Тысяче Храмов это стало известно случайно – как и тебе, только раньше.

– Быть может, – повторил Ахкеймион. – Но это маловероятно. Это как минимум требует того, чтобы мы следили за ним вдвое внимательнее.

Эсменет снова вздрогнула, но на этот раз от возбуждения. «Мир вертится вокруг таких людей, как эти, а я только что присоединилась к ним!» Ей показалось, что воздух пахнет водой и цветами.

Инрау мельком взглянул на Эсменет, потом жалобно уставился на своего учителя.

– Я не могу сделать того, о чем ты просишь! Просто не могу!

– Ты должен подобраться к Майтанету поближе, Инрау. Твой шрайя чересчур умен и всеведущ.

– И что? – спросил молодой жрец с наигранным сарказмом. – Слишком умен и всеведущ, чтобы быть человеком верующим?

– Не в том дело, друг мой. Слишком умен и всеведущ, чтобы быть тем, чем кажется.

Конец весны, 4110 год Бивня, Сумна

Дождь. Если город старый, очень старый, его канавы и водоемы всегда черны, заполнены вековыми отходами. Сумна древнее древнего, и ее воды черны, как смола.

Паро Инрау, съезжившись и обнимая себя за плечи, осматривал темный двор. Он был один. Повсюду слышался шум воды: глухой шелест ливня, клочкотанье в водосточных желобах, плеск в канавах. Сквозь шелест, клочкотанье и плеск доносились стенания молящихся. Искривленная мукой и печалью, их песнь звенела в мокром камне и оплетала мысли Инрау надрывными нотами. Гимны страдания. Два голоса: один жалобно взмывал ввысь, вопрошая, отчего, отчего мы должны страдать; второй – низкий, полный угрюмого величия Тысячи Храмов, нес тяжкую истину: люди всегда едины со страданием и разрушением, и слезы – единственная святая вода на свете.

«Моя жизнь... – думал Инрау. – Моя жизнь».

Он опустил голову и скривился, пытаясь сдержать слезы. Если бы он только мог забыть... Если бы...

«Шрайя... Но как такое может быть?»

Так одиноко... Вокруг громоздилась кенейских времен кладка, уходящая вдаль, в темные залы Хагерны. Инрау сполз по мокрой стене и принялся раскачиваться, сидя на корточках. Страх был настолько всеобъемлющим, что бежать было некуда. Он мог лишь съезжиться еще сильнее и рыдать, стараясь забыться.

«Ахкеймион, дорогой мой наставник... Что ты сделал со мной?»

Обычно думая о годах, проведенных в Атьерсе, в занятиях, под бдительным оком Друза Ахкеймиона, Инрау вспоминал те дни, когда он с отцом и дядей выходил далеко в море на рыбную ловлю – бывало, над морем собирались тучи, а его отец все вытягивал из моря серебристую рыбу и наотрез отказывался возвращаться в деревню.

– Ты гляди, какой улов! – кричал он, и глаза его были безумны от отчаянного везения. – Мом благосклонен к нам, ребята! Бог нам благоволит!

Атьерс напоминал Инрау о тех опасных временах не потому, что Ахкеймион походил на его отца – нет, отец Инрау был крепок и силен, его ноги, казалось, были созданы для палубы, и дух не ведал страха перед бушующей стихией, – просто богатства, которые Инрау извлекал из пучин колдовства, были, подобно той рыбе, оплачены смертельной опасностью. Атьерс казался Инрау неистовым штормом, застывшим во взмывающих к небу столпах из черного камня, а Ахкеймион напоминал скорее дядю, смиряющегося перед гневом его отца и торопящегося наполнить лодку, чтобы спасти и брата, и племянника. Он обязан Друзу Ахкеймиону жизнью – в этом Инрау был уверен. Адепты Завета никогда не возвращаются на берег, а тех, кто бросает свои сети, чтобы вернуться, они убивают.

Как можно возвратить подобный долг? Задолжав денег, можно просто вернуть займодавцу сумму с процентами. Потому что отданное и возвращенное равны друг другу. Но так ли прост обмен, когда один человек обязан другому жизнью? Разве не обязан Инрау в уплату за то, что Ахкеймион вернул его на берег, в последний раз выйти с ним в бурное море Завета? Платить Ахкеймиону той же монетой, которую он задолжал, казалось почему-то неправильным, как будто бывший наставник просто взял свой дар обратно, вместо того чтобы попросить что-то взамен.

Инрау не раз приходилось совершать обмен. Оставив Завет ради Тысячи Храмов, он сменил горе Сесватхи на трагическую красоту Айнри Сейена, ужас Консульты на ненависть кишаурим и пренебрежительный отказ от веры – на благочестивое неприятие колдовства. И тогда, вначале, он не раз спрашивал себя, много ли выиграл этой сменой призваний.

Все. Он выиграл все. Вера вместо знания, мудрость вместо хитроумия, душа вместо интеллекта – для таких вещей не существует весов, только люди и их разнообразные наклонности. Инрау был рожден для Тысячи Храмов, и, позволив ему оставить школу Завета, Ахкеймион подарил ему все. И поэтому благодарность, которую Инрау испытывал к бывшему наставнику, нельзя было ни измерить, ни описать словами. «Все, что угодно! – думал

он, бродя по Хагерне, одуревший от радости и свалившегося с плеч непосильного бремени. – Все, что угодно!»

И вот налетела буря. Он чувствовал себя крохотным, как мальчишка, затерявшийся в темном бушующем море.

«Я хочу забыть об этом! Пожалуйста!»

На миг ему показалось, что он слышит топот сапог, эхом отдающийся в переходах, но тут раздался рев Созывающих Труб – немыслимо низкий, точно шум океанского прибоя за каменной стеной. Инрау бросился через двор к огромным дверям храма, кутаясь в плащ: ливень был нешуточный. Двери Ирреюмы со скрежетом распахнулись, и на булыжный двор с пузырящимися лужами упала широкая полоса света. Стараясь избегать любопытных глаз, Инрау проталкивался сквозь толпы жрецов и монахов, хлынувших из храма наружу. Он взбежал по широким ступеням, между бронзовых змей, благословлявших вход.

Привратники нахмурились, когда он вошел. Поначалу Инрау съежился, но тут же сообразил, что он просто наследил на полу, а им теперь убираться. И больше не обращал на них внимания. Перед ними уходили вдаль два ряда колонн, образующих широкий неф, беспорядочно освещенный свисающими с потолка светильниками. Колонны взмывали ввысь, подерживая хоры, а центральная часть потолка была столь высока, что свет ламп не достигал ее. За колоннами центрального нефа, справа и слева, было еще два ряда колонн поменьше, ограждавших малые святилища различных божеств. И все как будто стремилось куда-то, вперед или ввысь.

Инрау рассеянно дотронулся до известняковой кладки. Прохладная. Бесстрастная. Не задумывающаяся о том, какая тяжелая ноша на нее возложена. Вот какова сила вещей неодушевленных! «Даруй мне такую силу, о богиня! Сделай меня подобным столпу!»

Инрау обогнул колонну и вошел в тень святилища. Прохладный камень успокаивал. «Онкис... Возлюбленная».

«У Бога – тысяча тысяч ликов, – сказал Сейен, – сердце же у человека всего одно». Любая великая вера подобна лабиринту, состоящему из бесчисленных мелких гротов, полупотаенных мест, где абстракции исчезают и объекты поклонения становятся достаточно невелики, чтобы удовлетворять сиюминутные нужды, достаточно близки, чтобы им можно было открыто поплакаться на мелкие обиды. Инрау нашел себе такую пещерку в святилище Онкис, Поющей-во-Тьме, Воплощения, которое пребывает в сердце любого человека, вечно побуждая его брать больше, чем он способен удержать.

Инрау преклонил колени. Его душили слезы.

Если бы он только мог забыть... забыть, чему учил его Завет. Если бы ему это удалось, то последнее душераздирающее откровение не имело бы для него значения. Если бы только Ахкеймион не приходил! Цена оказалась чересчур высока.

Онкис... Простит ли она ему возвращение к Завету?

Идол был высечен из белого мрамора, с глазами закрытыми и запавшими, точно у мертвеца. На первый взгляд статуя походила на отсеченную голову женщины, красивой, но простоватой, насаженную на шест. Но если приглядеться, становилось видно, что шест – вовсе не шест, а миниатюрное деревце, вроде тех, что выращивали древние норсирайцы, только бронзовое. Ветви выглядывали сквозь приоткрытые губы, обвивали ее лицо – природа, возрождающаяся через человеческие уста. Другие ветви тянулись назад, торчали из-под неподвижных волос. Ее образ неизменно пробуждал в душе Инрау какое-то смутное волнение, и именно поэтому он все время возвращался сюда: она сама была этим волнением, темным уголком его души, где зарождается мысль. Она была прежде его самого.

Инрау вздрогнул и очнулся – от дверей храма донеслись голоса. «Привратники. Да, наверное». Он порылся в карманах плаща и достал небольшой кулёчек с едой: курага, финики, миндаль и немного соленой рыбы. Он подошел достаточно близко, чтобы богиня

могла ощутить тепло его дыхания, и дрожащими руками опустил подношение в небольшую чашу, выдолбленную в пьедестале. Любая пища имеет свою суть, свою душу – то, что нечестивцы именуют «онта». Все отбрасывает свою тень Вовне, где обитают боги. Дрожащими руками достал он список своих предков и принялся шептать имена, сделав паузу, чтобы попросить прадеда вступить за него.

– Сил... – бормотал он. – Молю, дайте мне сил!

Маленький свиток упал на пол. Воцарилась глухая, гнетущая тишина. У Инрау болело сердце: так много было поставлено на кон! События, вокруг которых вращается мир. Достаточно для богини.

– Прошу тебя... Отзовись мне...

Тишина.

Следы слез зазмеились по его лицу. Он воздел руки, вытянул их к небу так, что плечи заныли.

– Хоть что-нибудь! – воскликнул он.

«Беги! – шепнули ему его мысли. – Беги!»

Что за трусость! Как можно быть таким трусом?

Позади него что-то появилось. Шум крыльев! словно шелест развевающихся одежд посреди могучих колонн.

Он обернулся к потолку, теряющемуся во тьме, ища на слух. Снова шелест. Там, на галерее, кто-то был. У Инрау поползли по спине мурашки.

«Это ты? – Нет».

Вечные сомнения! Почему он все время сомневается?

Он поднялся и выбежал из святилища. Двери храма затворены, и привратников нигде не видно... Ему потребовалось несколько секунд, чтобы отыскать ведущую на галерею узкую лесенку в стене храма. На лестнице царил непроглядная тьма. Инрау приостановился и глубоко вздохнул. Пахло пылью.

Неуверенность, которая всегда была так сильна в нем, теперь как рукой сняло.

«Это ты!»

К тому времени, как он взбежал наверх, голова у него шла кругом от восторга. Дверь на галерею была распахнута. В дверной проем сочился сероватый свет. Наконец-то – после всей его любви, все это время, – Онкис будет петь не сквозь него, но для него! Инрау робко шагнул на балкон. Он облизнул губы. У него сосало под ложечкой.

Сквозь каменные стены слышался шум ливня. Первыми выступили из мрака капители колонн, затем близкий потолок. Казалось неестественным, что такая тяжесть парит на огромной высоте. Стволы колонн делались тем ярче, чем дальше уходили из виду. Свет, идущий снизу, казался далеким и рассеянным, столь же мягким, как истертые углы каменной кладки.

У перил его охватило головокружение, так что Инрау старался держаться поближе к стене. Стена казалась колючей и ребристой. Настенные росписи шелушились и обваливались кусками. Потолок был усеян сотнями глиняных осиных гнезд и напомнил ему облепленные ракушками днища боевых кораблей, вытасненных на берег.

– Где ты? – прошептал он.

И тут он увидел *это* и задохнулся от ужаса.

Оно находилось поблизости – сидело на перилах и смотрело на него блестящими голубыми глазами. Тело у него было воронье, а голова человеческая: лысенькая и маленькая, с детский кулачок. Голова растянула тонкие губки над мелкими, ровными зубками и усмехнулась.

«Сейен-милостивый-Боже-милосердный-этого-не-может-не-может-быть!»

Миниатюрное личико изобразило изумление.

– Ты знаешь, кто я, – сказала существо. – Откуда бы?

«Не-может-быть-этого-не-может-быть-Консульт-здесь-нет-нет-нет!»

– Потому что когда-то он был учеником Ахкеймиона, – ответил другой голос. Говорящий прятался в тени дальше по галерее. И теперь шел навстречу Инрау.

Кутий Сарцелл приветственно улыбнулся.

– Ведь правда был, а, Инрау?

Рыцарь-командор – в сговоре с Синтезом Консульта?!

«Акка-Акка-помоги!»

Ужас ночного кошмара. Инрау не верил своим глазам. У него перехватило дыхание, мысли метались в панике. Он отшатнулся. Пол поплыл под ногами. За спиной послышался скрежет металла по камню – Инрау вскрикнул, обернулся и увидел, как из темноты выходит еще один шрайский рыцарь. Его Инрау тоже знал: Муджониш, они когда-то вместе ходили собирать десятину. Этот приближался опасно, раскинув руки, точно ловил быка.

Что происходит? «Онкис!»

– Как видишь, – промолвил Синтез с вороньим телом, – бежать тебе некуда.

– Кто? – выдохнул Инрау. Теперь он видел след колдовства – искаженную ткань Напевов, использованных, чтобы приковать чью-то душу к отвратительному сосуду, находившемуся перед ним. И как он мог не заметить сразу?

– Он знает, что этот облик – не более чем шелуха, – сказал Синтез Сарцеллу, – но я не вижу Чигры внутри него.

Глазки-горошинки – крохотные бусинки небесно-голубого стекла – уставились на Инрау.

– А, мальчик? Ты ведь не видишь Снов, как прочие, верно? Если бы видел, ты бы меня сразу признал. Чигра всегда меня узнавал.

«Онкис! Подлая-лживая-сука-богиня!»

Сквозь ужас его настигла уверенность в невозможном. Откровение. Слова молитвы сделались тканью. Из-под них проступали иные слова, слова силы.

– Что вам нужно? – спросил Инрау. Его голос на этот раз звучал тверже. – Что вы здесь делаете?

Ответ его не интересовал – ему нужно было выиграть время.

«Вспомни-Бога-ради-вспомни...»

– Что мы делаем? Да то же, что и всегда: следим за своей ставкой в этих делах.

Тварь поджала губки, но недовольно, как будто ей не нравился их вкус.

– Полагаю, примерно то же самое, что делал ты в покоях шрайи, а?

Дышать стало больно. Говорить Инрау не мог.

«Да-да-вот-оно-вот-оно-но-что-дальше? Что-дальше?»

– Ц-ц-ц! – сказал Сарцелл, подходя вплотную. – Боюсь, отчасти это моя вина, Старейший Отец. Месяца полтора тому назад я велел юному проповеднику быть поусерднее.

– Так это ты виноват! – сказал Синтез и сделал суровое лицо. Он проскакал несколько футов по перилам вслед за отступающим Инрау. – Ты велел быть поусерднее, но не указал направления, и он направил свой пыл не в то русло! Принялся шпионить за Богом, вместо того чтобы молиться ему!

Короткий смешок – будто кошка чихнула.

– Вот видишь, Инрау? Тебе бояться нечего! Рыцарь-командор берет всю ответственность на себя.

«Вот-оно-вот-оно-вот-оно!»

Инрау ощутил Муджониша, возвышающегося у него за спиной. На языке вертелась молитва – но с уст посыпались богохульства.

Развернувшись с колдовской стремительностью, он вонзил два пальца в кольчугу Муджониша, проломил ему грудину и ухватился за сердце. Инрау вырвал руку – и в воздухе

повисла блестящая кровавая нить. Новые невозможные слова. Кровь вспыхнула ярчайшим пламенем, полетела вслед за взмахом его руки в сторону Синтеза. Тварь с воплем сорвалась с перил, нырнула в пустоту. Ослепительные капли крови опалили лишь голый камень.

Инрау обернулся бы к Сарцеллу, но снова увидел Муджониша – и замешкался. Шрайский рыцарь упал на колени, вытирая окровавленные руки о свою накидку. Лицо его опало, словно сдувшийся пузырь, съеживалось, размыкалось.

И ни следа. Ни малейшего признака колдовства.

«Но как?»

И тут что-то сильно ударило Инрау по голове, он опрокинулся наземь и завозился, пытаясь встать. Удар в живот заставил его распластаться на полу. Он увидел пляшущий над ним силуэт Сарцелла. Инрау произнес новые слова – слова убежища. Призрачные обереги взметнулись над ним...

Но обереги оказались бесполезны. Рыцарь-командор раздвинул светящийся купол, словно обычный дым, схватил Инрау за грудки и поднял его в воздух. Другой рукой достал хору и провел ею по щеке Инрау.

Мучительная боль. Каменный пол ударил в лицо Инрау. Он схватился за обожженное место. Кожа под пальцами поползла и осыпалась, превращенная в соль прикосновением хоры. Обнажившаяся плоть горела. Инрау снова вскрикнул.

– Ты еще раскаешься! – услышал он вопль Синтеза.

«Никогда!»

Гневно глядя на отвратительную тварь, Инрау снова затянул свою нечестивую песнь. Он увидел, как солнце блеснуло сквозь окна ему в лицо... Слишком поздно.

Из рта Синтеза вылетели лучи, подобные тысяче крючьев. Обереги Инрау треснули и разлетелись россыпью осколков. Песнь застыла у него на губах. Воздух сделался плотным, как вода. Инрау всплыл, оторвавшись от пола. Потоки серебристых пузырьков вырывались из его раскрытого рта и уносились к потолку. Вся тяжесть океана обрушилась на него убивающим кулаком.

Поначалу Инрау был спокоен. Он видел, как Синтез уселся на плечо к рыцарю и уставился на него голубыми глазками-пуговками. Инрау даже удивился, как красивы его черные перья, чуть отливающие лиловым. Подумал об Ахкеймионе, беспомощном, не подозревающим об опасности.

«О Акка! Это еще хуже, чем ты осмеливался представлять себе!»

Но он уже не мог ничего поделать.

Горло сдавило. Мысли Инрау обратились к богине, к ее неверности – и к своей собственной. Сердце все сильнее и сильнее давило изнутри, и вот его губы невольно скривились и раскрылись. Инрау принялся бестолково, судорожно дергаться и бултыхаться – его идиотские мозги не оставляла мысль, что где-то можно выплыть на поверхность, на воздух. Дикий, не подчиняющийся рассудку рефлекс заставил его сделать вдох. Он задохнулся, закашлялся, вода забила глотку, точно тряпка, вокруг поплыли белые бусины...

Потом – жесткий пол. Инрау долго откашливался, хватал ртом обжигающий воздух.

Сарцелл схватил его за волосы, поставил на колени, развернул лицом к Синтезу – Инрау видел только размытое пятно. Инрау стошнило, он исторг из своих легких часть сжигавшего их огня.

– Я – Древнее Имя, – сказала тварь. – Даже в этом обличье я могу показать тебе истинные муки, глупый слуга Завета!

– З-з... – Инрау сглотнул, всхлипнул. – Зачем?

Снова эта улыбочка на тонких губках.

– Вы ведь поклоняетесь страданию. Как ты думаешь, зачем?

Инрау охватил всепоглощающий гнев. Эта тварь не понимает! Она не способна понять. Он хрипло взревел, рванулся вперед, не обращая внимания на выдранные волосы. Синтез отлетел с дороги – но Инрау не собирался его убивать. «Любой ценой, наставник!» Он ударился бедрами о каменные перила – камень рассыпался, точно хлеб. Инрау снова поплыл, но на этот раз все было иначе: воздух хлестал ему в лицо, омывал его тело. Касаясь вытянутой рукой колонны, Паро Инрау летел вниз, к земле.

Часть II Император

Глава 5 Момемн

«Разница между сильным императором и слабым вот в чем: первый превращает мир в свою арену, второй – в свой гарем».
Касид, «Кенейские анналы»

«Чего Людям Бивня никогда было не понять, так это того, что нансурцы и кианцы – старые враги. Когда две цивилизованные нации враждуют на протяжении веков, это великое противостояние порождает огромное количество общих интересов. У потомственных врагов очень много общего: взаимное уважение, общая история, триумфы, которые, впрочем, ни к чему не привели, и множество негласных договоренностей. А Люди Бивня были незваными пришельцами, дерзким наводнением, угрожавшим размыть тщательно обустроенные каналы куда более древней вражды».
Друз Ахкеймион, «Компендиум Первой Священной войны»

Начало лета, 4110 год Бивня, Момемн

Императорский зал для аудиенций был выстроен с расчетом на то, чтобы улавливать последние лучи заходящего солнца, и потому позади возвышения, на котором стоял трон, стен не было. Солнечный свет свободно струился под своды, озаряя беломраморные колонны и золотя подвешенные между ними гобелены. Ветерок разносил дым от курильниц, расставленных вокруг возвышения, и аромат благовонных масел смешивался с запахом моря и неба.

– Что-нибудь слышно о моем племяннике? – спросил Икурей Ксерий III у Скеаоса, своего главного советника. – Что пишет Конфас?

– Ничего, о Бог Людей, – ответил старик. – Но все в порядке. Я в этом уверен.

Ксерий поджал губы, изо всех сил стараясь казаться невозмутимым.

– Ты можешь продолжать, Скеаос.

Шурша шелковым одеянием, старый, иссохший советник повернулся к чиновникам, собравшимся вокруг возвышения. Сколько Ксерий себя помнил, его постоянно окружали солдаты, послы, рабы, шпионы и астрологи... Всю жизнь он был центром этого суетливого стада, колышком, на котором держалась потрепанная мантия империи. И теперь ему внезапно пришло в голову, что он никогда не смотрел никому из них в глаза – ни разу. Смотреть в глаза императору разрешалось лишь особам императорской крови. Эта мысль ужаснула его.

«Кроме Скеаоса, я никого из этих людей не знаю!»

Главный советник обратился к ним.

– Это не будет похоже ни на одну аудиенцию из тех, на каких вам приходилось присутствовать раньше. Как вам известно, прибыл первый из великих владык айнрити. Мы – врата, которые он и ему подобные должны миновать прежде, чем принять участие в Священной войне. Мы не можем воспрепятствовать или помешать их проходу, однако мы можем повли-

ять на них, заставить их увидеть, что наши интересы и представления о том, что такое справедливость и истина, совпадают. Что касается присутствующих – молчите. Не двигайтесь. Не переминайтесь с ноги на ногу. Сохраняйте на лицах выражение сурового участия. Если этот глупец подпишет договор – тогда, и только тогда мы можем позволить себе отбросить условности. Можете смешаться с его свитой, разделить с ними угощение и напитки, которые предложат рабы. Но держитесь начеку. Помалкивайте. Не открывайте ничего. *Ничего!* Вам, возможно, кажется, что вы находитесь вне круга этих событий, но все не так. Вы сами и есть этот круг. У вас нет права на ошибку, друзья мои: на весах лежит судьба самой империи!

Главный советник посмотрел на Ксерия. Тот кивнул.

– Пора! – провозгласил Скеаос и взмахнул рукой в сторону противоположной стены императорского аудиенц-зала.

Огромные каменные двери, память о киранейцах, найденные на руинах Мехтсонка, торжественно отворились.

– Его преосвященство лорд Нерсей Кальмемунис, палатин Канампуреи! – объявил голос у дверей.

У Ксерия отчего-то перехватило дыхание, пока он смотрел, как его церемониймейстеры ведут конрийцев через зал. Несмотря на данное себе незадолго до этого слово сохранять неподвижность – он был уверен, что люди, напоминающие статуи, выглядят мудрее, – император обнаружил, что тербит кисти на своей льняной юбочке. За свои сорок пять лет он принял бесчисленное количество просителей, посланцев мира и войны со всех Трех Морей, но Скеаос был прав: подобного посольства здесь еще не бывало.

«Судьба самой империи...»

Прошло несколько месяцев с тех пор, как Майтанет объявил Священную войну язычникам Киана. Призыв этого демона, подобно сырой нефти, стремительно растекся по Трех Морям и воспламенил сердца людей всех айнритских народов – воспламенил одновременно благочестием, жадой крови и алчностью. Вот и сейчас в рощах и виноградниках за стенами Момемна обитали тысячи так называемых Людей Бивня. Однако до прибытия Кальмемуниса они почти полностью состояли из всякого сброда: свободных людей низших каст, бродяг, ненаследственных жрецов разных культов и даже, как докладывали Ксерию, толпы прокаженных. Короче, людей, которым не на что было надеяться, кроме как на призыв Майтанета, и которые не понимали, какую ужасную цель поставил перед ними их шрайя. Такие люди не стоят и плевать императора, а уж тем более не стоят они того, чтобы император из-за них беспокоился.

А вот Нерсей Кальмемунис – совсем другое дело. Из всех знатных айнрити, которые, по слухам, заложили свои родовые поместья ради священного похода, он первым достиг берегов империи. Его прибытие всколыхнуло население Момемна. По всем улицам были развешаны глиняные таблички с благословениями, что продавались в храмах по медному таланту штука. На огненных алтарях Кмираля непрерывно возжигались жертвы. Все понимали, что такие люди, как Кальмемунис с его вассалами, будут парусом и кормилом Священной войны.

Но кто будет им лоцманом?

«Я».

Охваченный коротким приступом паники, Ксерий оторвал взгляд от приближающихся конрийцев и посмотрел наверх. Под сумрачными сводами, как всегда, порхали и чирикали воробьи. И это, как обычно, успокоило императора. На миг он задумался о том, что такое для воробья император? Просто еще один человек, и все?

Ему казалось, что такого быть не может.

Когда он опустил взгляд, конрийцы уже закончили преклонять пред ним колени. Ксерий с отвращением отметил, что у нескольких из них в волосах и умащенных маслом

завитках бород запутались цветочные лепестки – свидетельство подобострастия жителей Момемна. Они стояли плечом к плечу, одни моргали, другие прикрывали глаза ладонью от солнца.

«Для них я – тьма, обрамленная солнцем и небом».

– Всегда приятно принимать у себя заморских сородичей, – сказал он с удивительной решительностью. – Как у вас дела, лорд Кальмемунис?

Палатин Канампуреи вышел вперед и встал перед величественными ступенями, инстинктивно укрывшись в длинной тени Ксерия от слепящего света солнца. Высокий, широкоплечий, палатин представлял собой внушительное зрелище. Маленький рот, которого было почти не видно под бородой, свидетельствовал о вырождении, однако розовоголубому одеянию, в которое был облачен палатин, мог бы позавидовать и сам император. Конрийцы выглядели с этими своими бородами совершенно по-варварски, в особенности среди чисто выбритых элегантных нансурских придворных, но одевались они безупречно.

– Спасибо, неплохо. А как идет война, дядюшка?

Ксерий едва не подскочил на троне. Кто-то ахнул.

– Он не хотел оскорбить вас, о Бог Людей, – поспешно шепнул Скеаос. Конрийские аристократы часто называют более знатных людей «дядюшка». Таков их обычай.

«Да, – подумал Ксерий, – но почему он сразу начал с упоминания о войне? Он хочет меня поддеть?»

– О какой войне вы говорите? О Священной?

Кальмемунис, прищурившись, обвел взглядом то, что ему должно было казаться стеной темных силуэтов вокруг.

– Мне говорили, что ваш племянник, Икурей Конфас, отправился в поход против скульвендов на севере.

– А! Это не война. Просто карательная экспедиция. На самом деле обычная вылазка по сравнению с грядущей великой войной. Скульвенды – ничто. Единственные, кто по-настоящему заботит меня, – это кианские фаним. В конце концов, это они, а не скульвенды оскверняют Святой Шайме.

Слышно ли им, как сосет у него под ложечкой?

Кальмемунис нахмурился.

– Но я слышал, что скульвенды – грозный народ и что еще никто не одерживал над ними победу в открытом бою.

– Вас ввели в заблуждение... Так скажите мне, палатин, ваше путешествие из Конрии, полагаю, обошлось без неприятных происшествий?

– Ничего такого, о чем стоило бы говорить. Мом благословил нас благоприятной погодой и попутным ветром.

– Его милостью мы странствуем... Скажите, не представилось ли вам случая побеседовать с Пройасом до того, как вы оставили Аокнисс?

Император буквально ощутил, как окаменел стоявший рядом Скеаос. Не прошло и трех часов с тех пор, как главный советник сообщил о том, что между Кальмемунисом и его прославленным родичем существует вражда. Как сообщали источники в Конрии, в прошлом году Пройас велел высечь Кальмемуниса за проявленное во время битвы при Паремти неблагочестие.

– С Пройасом?

Ксерий улыбнулся.

– Ну да. С вашим кузеном. Наследным принцем.

Малоротое лицо помрачнело.

– Нет. Мы с ним не беседовали.

– Но мне казалось, что Майтанет поручил ему возглавить все войска Конрии в Священной войне...

– Вас ввели в заблуждение.

Ксерий хмыкнул про себя. Он понял, что этот человек глуп. Ксерий часто задавался вопросом, не в этом ли состоит истинное предназначение джнана: быстро отделять зерна от плевел. Теперь он точно знал, что палатин Канампуреи относится к плевелам.

– Да нет, – сказал Ксерий. – Не думаю.

Несколько спутников Кальмемуниса на это нахмурились, один коренастый офицер по правую руку от него даже открыл было рот – но все промолчали. Очевидно, для них разумнее было не указывать на то, что их господин действительно может чего-то не знать.

– Мы с Пройасом... – начал было Кальмемунис и запнулся – видимо, на середине фразы сообразил, что сболтнул лишнее. И растерянно разинул маленький рот.

«О, да это же настоящий уникум! Всем дуракам дурак!»

Ксерий небрежно махнул рукой и увидел, как ее тень порхнула по людям палатина. На пальцы упали теплые лучи солнца.

– Ну, довольно о Пройасе!

– Вот именно, – буркнул Кальмемунис.

Ксерий был уверен, что позднее Скеаос найдет какой-нибудь хитрый, присущий рабу способ пристыдить его за то, что он помянул Пройаса. А тот факт, что палатин оскорбил его первым, разумеется, не считается. С точки зрения Скеаоса, им полагалось соблазнять, а не защищаться. Ксерий был убежден, что неблагодарный старый мерзавец скоро делается так же невыносим, как и мать. Неважно. Император-то он!

– Припасы... – шепнул Скеаос.

– Разумеется, вам и вашим войскам предоставят все необходимые припасы, – продолжал Ксерий. – А дабы обеспечить вам условия проживания, достойные вашего ранга, я предоставляю в ваше распоряжение близлежащую виллу.

Он обернулся к главному советнику.

– Скеаос, не будешь ли ты так любезен показать палатину наш договор?

Скеаос щелкнул пальцами, и из-за занавеси по правую сторону от возвышения выбрался необъятный евнух, который нес бронзовый пюпитр. Следом за ним шел второй, и на его ластоподобных руках покоился, точно священная реликвия, длинный пергаментный свиток. Кальмемунис ошеломленно отступил от возвышения, когда первый евнух поставил пюпитр перед ним. Второй несколько замешкался со свитком – небрежность, которая не останется безнаказанной, – потом наконец аккуратно развернул его на наклонной бронзовой доске. И оба скромно отступили назад, чтобы не мешать палатину.

Конриец недоумевающе прищурился на Ксерия, потом наклонился, изучая пергамент. Миновало несколько мгновений. Наконец Ксерий спросил:

– Вы читаете по-шейски?

Кальмемунис злобно взглянул на него исподлобья.

«Надо быть осторожнее», – понял Ксерий. Мало кто может быть более непредсказуемым, чем люди глупые и в то же время обидчивые.

– По-шейски я читаю. Но я ничего не понимаю.

– Так не годится, – сказал Ксерий, подавшись вперед на троне. – Ведь вы, лорд Кальмемунис, первый истинно знатный человек, которому предстоит благословить грядущую Священную войну. Для нас с вами важно понимать друг друга с полуслова, не так ли?

– Ну да, – ответил палатин. Его тон и выражение лица были напряженными, как у человека, который пытается сохранять собственное достоинство, невзирая на то, что сбит с толку.

Ксерий улыбнулся.

– Вот и хорошо. Как вам прекрасно известно, нансурская империя воевала с фанам с тех самых пор, как первые завывающие кианские кочевники прискакали сюда из пустынь. На протяжении поколений мы бились с ними на юге, теряя провинцию за провинцией под напором этих фанатиков и одновременно отражая атаки скюльвендов на севере. Эвмарна, Ксераш, даже Шайгек – утраты, оплаченные тысячами тысяч жизней сынов Нансура. Все, что теперь именуется Кианом, некогда принадлежало моим царственным предкам, палатин. А поскольку я, тот, кем я являюсь ныне, Икурей Ксерий III, – не более чем воплощение единого божественного императора, все то, что ныне зовется Кианом, некогда принадлежало мне.

Ксерий помолчал, взволнованный собственной речью и возбужденный отзвуком своего голоса среди леса мраморных колонн. Как могут они отрицать силу его ораторского мастерства?

– Находящийся перед вами договор всего-навсего обязывает вас, лорд Кальмемунис, следовать истине и справедливости, как то надлежит всем людям. А истина – неопровержимая истина! – состоит в том, что все нынешние губернии Киана на самом деле – не что иное, как провинции Нансурской империи. Подписывая этот договор, вы даете клятву исправить древнюю несправедливость. Вы обязуетесь возратить все земли, освобожденные в ходе Священной войны, их законному владельцу.

– То есть? – переспросил Кальмемунис. Он весь аж трясся от подозрительности. Нехорошо...

– Как я уже сказал, это договор, согласно которому...

– Я расслышал с первого раза! – рявкнул Кальмемунис. – Мне об этом ничего не говорили! Шрайя это утвердил? Это приказ Майтанета?

У этого слабоумного глупца хватает наглости перебивать его?! Икурея Ксерия III, императора, которому предстоит восстановить Нансур? Какая дерзость!

– Мои военачальники доложили мне, палатин, что с вами прибыло около пятнадцати тысяч человек. Вы ведь не рассчитываете, что я буду содержать такое множество воинов даром? Богатства империи не безграничны, мой конрийский друг!

– Я-а... Я об этом ничего не знаю, – выдал Кальмемунис. – Так что, я, значит, должен дать клятву, что все языческие земли, которые я завоюю, будут отданы вам? Так, что ли?

Коренастый офицер по правую руку от него наконец не выдержал.

– Не подписывайте ничего, мой палатин! Бьюсь об заклад, шрайя об этом и не подозревает!

– А вы кто такой? – рявкнул Ксерий.

– Криятес Ксинем, – отрывисто ответил офицер, – маршал Аттремпа.

– Аттремп... Аттремп... Скеаос, будь так добр, скажи, отчего это название кажется мне таким знакомым?

– Нетрудно ответить, о Бог Людей. Аттремп – близнец Атьерса, крепость, которую школа Завета отдала в лен дому Нерсеев. Присутствующий здесь господин Ксинем – близкий друг Нерсея Пройаса, – старый советник сделал кратчайшую паузу, несомненно, для того, чтобы дать возможность своему императору осознать значение этого факта, – и, если не ошибаюсь, в детстве был его наставником в фехтовании.

Ну разумеется. Пройас не настолько глуп, чтобы позволить дураку, да еще столь могущественному, как Кальмемунис, в одиночку вести переговоры с домом Икуреев. Он прислал с ним няньку. «Ах, матушка, – подумал император, – наша репутация известна всем Трем Морям!»

– Ты забываешься, маршал! – промолвил Ксерий. – Разве ты не получил наставление от моего распорядителя церемоний? Тебе надлежит хранить молчание.

Ксином расхохотался и сокрушенно покачал головой. Потом обернулся к Кальмемунису и сказал:

– Нас предупреждали, что такое может случиться, господин мой.

– О чем вас предупреждали, маршал?! – вскричал Ксерий. Это уже ни в какие ворота не лезет!

– Что дом Икуреев попытается играть в свои игры с тем, что свято.

– Игры? – воскликнул Кальмемунис, развернувшись к Ксерию. – Какие могут быть игры со Священной войной?! Я пришел к вам с открытой душой, император, как один Человек Бивня к другому, а вы играете в игры?

Гробовая тишина. Императору Нансура только что бросили в лицо обвинение. Самому императору!

– Я вас спросил... – Ксерий остановился, чтобы не сорваться на визг. – Я вас спросил – со всей возможной учтивостью, палатин! – подпишете ли вы договор. Либо вы его подпишете, либо вашим людям придется голодать, вот и все!

Кальмемунис принял позу человека, который вот-вот выхватит меч, и в какой-то безумный миг Ксерию отчаянно захотелось обратиться в бегство, хотя он знал, что оружие у посетителей отобрали. Палатин, может, и был идиотом, но это на редкость ладно сбитый идиот. Он выглядел так, словно мог одним прыжком перемахнуть все семь разделявших их ступеней.

– Значит, вы отказываете нам в помощи? – воскликнул Кальмемунис. – Собираетесь морить голодом Людей Бивня ради того, чтобы заставить Священную войну служить вашим целям?

«Люди Бивня»! Этот термин не вызывал у Ксерия ничего, кроме отвращения, однако глупец произносил его, словно одно из сокровенных имен Божиих. Тупой фанатизм, снова тупой фанатизм! Скеаос его и об этом предупреждал.

– Палатин, я говорю лишь о том, чего требует истина и справедливость. Если истина и справедливость служат моим целям, то лишь оттого, что я служу целям истины и справедливости. – Нансурский император не сдержал злобной ухмылки. – А будут ваши люди голодать или нет – зависит от вашего решения, лорд Кальмемунис. Если вы...

И тут ему на щеку шлепнулось что-то теплое и липкое. Ошеломленный, император схватился за щеку, посмотрел на мерзость, приставшую к пальцам... Роковое предчувствие ошеломило его, стеснило дыхание. Что это? Предзнаменование?

Император вскинул голову, уставился на суесящихся под потолком воробьев.

– Гаэнкельти! – рявкнул он.

Капитан эотских гвардейцев подбежал к нему. От него пахло бальзамом и кожей.

– Перебить этих птиц! – прошипел Ксерий.

– Прямо сейчас, Бог Людей?

Император вместо ответа схватил алый плащ Гаэнкельти, который тот в соответствии с нансурскими обычаями носил переброшенным через левое плечо и пристегнутым к правому бедру. Ксерий вытер плащом птичий помет со щеки и пальцев.

Одна из птиц осквернила его... Что это может значить? Он рискует всем! Всем!

– Лучники! – скомандовал Гаэнкельти – на верхних галереях стояли эотские стрелки. – Перебить птиц!

Короткая пауза, потом звон невидимых тетив.

– Умрите! – взревел Ксерий. – Неблагодарные предатели!

Невзирая на гнев, он не мог сдержать улыбку, глядя, как Кальмемунис и его посольство теснятся, пытаясь увернуться от падающих стрел. Стрелы со звоном сыпались на пол по всему императорскому аудиенц-залу. Большинство лучников промахнулись, но некоторые стрелы падали медленно, кружась, точно кленовые семена, неся с собой маленькие рас-

трепаные тельца. Вскоре пол оказался усеян убитыми воробьями. Некоторые были уже мертвы, другие трепыхались, точно рыбы, пронзенные острой.

Наконец стрельба закончилась. Воцарившуюся тишину нарушало лишь хлопанье крылышек.

Один пронзенный стрелой воробей шлепнулся прямо на ступени трона посередине между императором и палатином Канампуреи. Повинуясь внезапной прихоти, Ксерий вскочил с трона и сбежал по ступеням. Он наклонился, подхватил стрелу и дергающееся на ней послание. Пристально взглянул на трепыхающуюся в предсмертных судорогах птицу. «Ты ли это, мелкий? Кто велел тебе это сделать? Кто?»

Ведь простая птица ни за что бы не посмела оскорбить императора!

Он поднял взгляд на Кальмемуниса – и его посетила еще одна прихоть, куда более мрачная. Держа перед собой стрелу с умирающим воробьем, он приблизился к ошеломленному палатину.

– Примите это в знак моего уважения, – спокойно сказал Ксерий.

Обе стороны обменялись оскорблениями и взаимными упреками, затем Кальмемунис, Ксинем и их эскорт стремительно удалились из зала, а Ксерий с бешено колотящимся сердцем остался.

Он почесал щеку, все еще зудящую от воспоминания о птичьей помете. Щурясь против солнца, посмотрел на трон, на силуэты своих придворных, блестящие в лучах заката. Смутно услышал, как его главный сенешаль, Нгарау, велит принести теплой воды. Императору следовало очиститься.

– Что это означает? – тупо спросил Ксерий.

– Ничего, о Бог Людей, – ответил Скеаос. – Мы так и рассчитывали, что они сперва отвергнут договор. Как и все плоды, наш план требует времени, чтобы созреть.

«Наш план, Скеаос? Ты имеешь в виду – мой план?»

Он попытался взглянуть на зарвавшегося глупца сверху вниз, но солнце мешало.

– Я говорю не с тобой и не о договоре, старый осел!

И, чтобы подчеркнуть свои слова, пинком опрокинул бронзовый пюпитр. Договор поболтался в воздухе, точно маятник, и соскользнул на пол. Потом император ткнул пальцем в сторону нанизанного на стрелу воробья, который валялся у его ног.

– Что означает вот это?

– Это сулит удачу, – откликнулся Аритмей, его любимый авгур и астролог. – Среди низших каст быть... обделанным птицей – знак удачи и повод для большого праздника.

Ксерий хотел рассмеяться, но не мог.

– Это потому, что быть обделанным птицей – единственная удача, на какую они могут надеяться, не так ли?

– И тем не менее, о Бог Людей, в этом веровании есть глубокая мудрость. Люди верят, что мелкие несчастья, подобные этому, предвещают добрые события. Триумф всегда должен сопровождаться какой-нибудь символической неурядицей, дабы мы не забывали о собственной слабости.

Щека отчаянно чесалась, как бы подтверждая справедливость слов авгура. Это было предзнаменование! И к тому же доброе предзнаменование. Он так и почувствовал!

«Меня снова коснулись боги!»

Император, внезапно оживившись, поднялся на возвышение и принялся жадно слушать Аритмея: тот рассуждал о том, что это событие соответствует расположению звезды Ксерия, которая как раз вступила в круг Ананке, Блудницы-Судьбы, и теперь находится на двух благоприятных осях по отношению к Гвоздю Небес.

– Великолепное сочетание! – восклицал пузатый авгур. – Воистину великолепное!

Вместо того чтобы вновь занять свое место на престоле, Ксерий прошел мимо него, жестом пригласив Аритмея следовать за собой. Ведя небольшую толпу чиновников, он миновал две массивные колонны из розового мрамора, обозначающие линию отсутствующей стены, и вышел на примыкающую террасу.

Внизу под заходящим солнцем распростерся Момемн, подобный огромной бледной фреске. Императорский дворец, Андияминские Высоты, лежал у самого моря, так что Ксерий мог при желании окинуть взглядом весь лабиринт улочек Момемна, просто повернув голову: на севере – квадратные башенки эотских казарм, на западе, прямо напротив – просторные бульвары и величественные здания храмового комплекса Кмираль, на юге – кишачий народом бедлам гавани, раскинувшейся вдоль устья реки Фай.

Не переставая слушать Аритмея, император смотрел за далекие стены туда, где простирались пригородные сады и поля, выбеленные брюхом солнца. Там, точно плесень на хлебе, расплзались и грудились шатры и палатки Священного воинства. Пока их еще немного, но Ксерий понимал, что не пройдет и нескольких месяцев, как эта плесень расплзется до самого горизонта.

– Но Священная война, Аритмей... Означает ли все это, что Священная война будет моей?

Императорский авгур сцепил внушительные пальцы и потряс брылями в знак согласия.

– Однако пути судьбы узки, о Бог Людей. Нам так много предстоит сделать!

Ксерий был так поглощен вердиктом авгура и его предписаниями, включающими подробные инструкции относительно жертвоприношения десяти быков, что поначалу даже не заметил появления своей матушки. Но внезапно обнаружил, что она здесь – узкая тень, возникшая из-за спины, легко узнаваемая, точно сама смерть.

– Ну что ж, Аритмей, готовь жертвы, – повелел он. – На сегодня достаточно.

Авгур уже собирался удалиться, когда Ксерий заметил рабов, несущих таз с водой, о которой распорядился сенешаль.

– Аритмей!

– Что угодно Богу Людей?

– Моя щека... следует ли мне омыть ее?

Авгур смешно замахал руками.

– Что вы, что вы! Разумеется, нет, о Бог Людей! Важно обождать хотя бы три дня. Это принципиально!

Ксерию тотчас пришло в голову еще несколько вопросов, но его мать была уже рядом. За ней, переваливаясь с боку на бок, тащился ее жирный евнух. Императрица же двигалась с непринужденной грацией пятнадцатилетней девственницы, невзирая на свой седьмой десяток старой шлюхи. Шурша голубой кисеей и шелком, она повернулась к императору в профиль, взирая с высоты на город, как он сам за несколько секунд до того. Чешуйки ее нефритового головного убора сверкнули в лучах заката.

– Сын, который, разинув рот, внимает словам бестолкового, слюнявого идиота! – сухо сказала она. – Как это согревает сердце матери!

Он почувствовал в ее поведении нечто странное – нечто... сдерживаемое. Но, с другой стороны, в последнее время в его присутствии все почему-то чувствовали себя не в своей тарелке – несомненно, оттого, что теперь, когда две ветви его великого плана приведены в действие, люди наконец-то заметили живущую в нем божественность.

– Времена нынче сложные, матушка. Опасно не задумываться о будущем.

Она обернулась и смерила его взглядом кокетливым и одновременно каким-то мужским. Солнечный свет подчеркивал ее морщины и отбрасывал на щеку длинную тень носа. Ксерий всегда думал, что старики уродливы, как телом, так и душой. Возраст навеки пре-

ображает надежду в сожаление. То, что в юных глазах было мужеством и честолюбием, в старческих превращается в бессилие и алчность.

«Я нахожу вас отвратительной, матушка! Ваш облик и ваше поведение».

Когда-то его матушка славилась красотой. Пока еще жив был отец, она считалась самым прославленным сокровищем империи. Икурей Истрийя, императрица нансурская, чьим приданым стало сожжение императорского гарема.

– Я наблюдала за твоей встречей с Кальмемунисом, – мягко произнесла она. – Ужасающе. Все, как я вам говорила, а, мой богоравный сын?

Она улыбнулась – и косметика у нее на лице пошла мелкими трещинами. Ксерия охватило страстное желание поцеловать эти губы.

– Видимо, да, матушка...

– Так отчего же вы упорствуете в этом сумасбродстве?

И вот эта последняя странная выходка! Его мать спорит против доводов разума!

– В сумасбродстве, матушка? Договор позволит восстановить империю!

– Но если тебе не удалось уговорить его подписать даже такого глупца, как Кальмемунис, на что ты вообще надеешься, а? Нет, Ксерий, для империи будет лучше всего, если ты поддержишь Священную войну.

– Матушка, неужели этот Майтанет и вас зачаровал? Разве можно зачаровать ведьму? Как, чем?

Смех.

– Обещанием уничтожить ее врагов, чем же еще!

– Но ведь ваши враги – это весь мир, матушка! Или я ошибаюсь?

– Любому человеку враги – весь мир, Ксерий. Не забывайте об этом, будьте так любезны.

Император краем глаза увидел, как к Скеаосу подошел один из гвардейцев и прошептал что-то ему на ухо. Авгуры не раз говорили императору, что гармония – это музыка. Гармония требует чутко отзываться на все, происходящее вокруг. Ксерий был из тех, кому не обязательно смотреть, чтобы видеть, что происходит. Его подозрительность была отточена до предела.

Старый советник кивнул, мельком взглянул на императора. Глаза у советника были встревоженные.

«Не строят ли они заговор? Может, это предательство?» Ксерий отмахнулся от этой мысли – она приходила на ум слишком часто, чтобы ей доверять.

Будто догадавшись о причине его рассеянности, Истрийя обернулась к старому советнику.

– А ты что скажешь, а, Скеаос? Что ты скажешь о ребяческой жадности моего сына?

– Жадности?! – вскричал Ксерий. Ну зачем, зачем она его так провоцирует? – Ребяческой?!

– А какой же еще? Вы расточаете дары Блудницы. Сперва судьба дарует вам этого Майтанета, а вы, вопреки моим советам, пытаетесь его убить. Для чего? Потому что он – не ваш! Потом она предоставляет вам Священную войну, молот, которым можно сокрушить врага нашего рода! Но она не ваша – и вы пытаетесь погубить и ее тоже. Это ребяческая истерика, а не интриги многомудрого императора.

– Поверьте, матушка, я стремлюсь не погубить Священную войну, но приобрести ее! Заморские псы подпишут мой договор!

– Да, подпишут – вашей кровью! Или вы забыли, что бывает, когда пустое брюхо объединяется с фанатичной душой? Это воинственные люди, Ксерий! Люди, опьяненные собственной верой. Люди, которые, столкнувшись с оскорблением, действуют. Или вы и впрямь ожидаете, что они стерпят ваше вымогательство? Вы рискуете империей, Ксерий!

Рискует империей? Отнюдь. На северо-западе империи лишь немногие нансурцы осмеливались жить в виду гор – так страшились они скюльвендов, – а на юге все «старые провинции», принадлежавшие Нансурии в те дни, когда она пребывала в расцвете сил и величия, ныне томились в рабстве у язычников-кианцев. В завоеванных ею землях ныне грохотали барабаны фаним, созывая людей на поклонение Фану, лжепророку. И крепость Асгилиох, которую древние киранейцы возвели для защиты от Шайгека, ныне снова сделалась пограничной. Он рискует не империей, а лишь видимостью империи. Империя – выигрыш, а не заклад.

– Ваш сын, по счастью, не столь слабоумен, матушка. Люди Бивня голодать не будут. Они станут получать пищу от моих щедрот – но не более чем на день вперед. Я не намерен отказывать им в пропитании, необходимом для того, чтобы выжить, – я всего лишь не дам им припасов, необходимых для похода.

– А как насчет Майтанета? Что, если он повелит вам предоставить им эти припасы?

Согласно древнему уложению, в делах Священной войны императору надлежало повиноваться шрайе. Ксерий был обязан обеспечивать Священное воинство под страхом отлучения.

– Ах, матушка, но вы же видите, что он этого сделать не может! Ему не хуже нашего известно, что эти Люди Бивня – глупцы, и им кажется, будто сам Господь устроил так, что язычники будут повержены. Если я предоставлю Кальмемунису все, чего он требует, не пройдет и двух недель, как он двинется в поход, будучи уверен, что сумеет разгромить фаним с помощью одного своего вассального войска. Майтанет, разумеется, станет изображать возмущение, но втайне он будет мне благодарен, зная, что это дает Священному воинству время собрать силы. А иначе отчего бы он повелел войскам собираться под Момемном, а не под Сумной? Уж не затем, чтобы облегчить мою казну! Он наперед знал, как я поступлю.

Императрица ответила не сразу, окинув его одобрительным взглядом прищуренных глаз. Кому, как не этой змеиной душе, было оценить тонкость подобного маневра!

– Но значит ли это, что вы играете Майтанетом, или Майтанет играет вами?

Ксерий мог теперь признать, что в предыдущие месяцы недооценивал нового шрайю. Но больше он этого демона недооценивать не станет.

Ксерий сознавал, что Майтанет понимает: Нансурия обречена. Последние полтора столетия все подданные Нансурии, которые знали достаточно много и были достаточно близки к власти, непрерывно ожидали катастрофы: вестей о том, что племена скюльвендов объединились, как встарь, и неудержимо несутся к побережью. Именно так пали киранейцы две тысячи лет тому назад, а еще через тысячу лет – Кенейская империя. И таким же образом падет и Нансурия – Ксерий был в этом уверен. Но что всерьез ужасало его, так это перспектива неизбежного конца в сочетании с Кианом, языческой страной, которая набирала мощь по мере того, как нансурцы угасали. После того как уйдут скюльвенды – а они уйдут, скюльвенды всегда уходили, – кто помешает кианским язычникам стереть с лица земли замутившуюся кровь киранейцев, вырвать Три Сердца Божиих: Сумну, Тысячу Храмов и Бивень?

Да, этот шрайя хитер. Ксерий уже не жалел, что подосланные им убийцы потерпели неудачу. Майтанет дал ему молот, коему нет равных: Священную войну!

– Нашего нового шрайю, – сказал он, – сильно переоценивают.

«Пусть себе думает, что это он играет мною».

– Но для чего вам это, Ксерий? Предположим даже, предводители Священного воинства пойдут на то, чтобы удовлетворить ваши требования. Но не думаете же вы, что они станут проливать свою кровь, чтобы вознести солнце империи? Даже если кто-то и подпишет ваш договор, он все равно не имеет смысла.

– Имеет, матушка. Даже если они нарушат свои клятвы, договор все равно имеет смысл.

– Но почему, Ксерий? Для чего вам этот безумный риск?

– Ну же, матушка! Неужели вы настолько постарели?

На миг он испытал непривычное озарение – как все это должно выглядеть с ее точки зрения: меркантильное и оттого из ряда вон выходящее требование, чтобы любой военачальник, собирающийся участвовать в Священной войне, подписал его договор; самая могучая армия, какую нансурцы смогли собрать в этом поколении, отправлена не против язычников-кианцев, но против куда более древнего и непредсказуемого врага, скульвендов. Как должны ее раздражать хотя бы два этих факта! В таких тонких планах, как его, логика никогда не лежит на поверхности.

Ксерий был не настолько глуп, чтобы полагать, будто он равен своим предкам мощью рук либо силой духа. Нет, Икурей Ксерий III не был глупцом. Нынешний век – иной, и иные силы призваны участвовать в событиях. Великие люди дня сегодняшнего обретают оружие в других людях и в точных, тонких расчетах событий. Ксерий теперь обладал и тем, и другим: его молодой да ранний племянник Конфас и Священная война безумного шрайи. Эти два орудия помогут ему отвоевать прежнюю империю.

– В чем же состоит ваш план, Ксерий? Вы должны мне все рассказать!

– Мучительно, не правда ли, матушка: стоять у самого сердца империи и быть глухой к его биению – когда ты всю жизнь играла на нем, точно на барабане?

Но вместо вспышки ярости она внезапно раскрыла глаза – на нее снизошло откровение.

– Договор – всего лишь повод! – ахнула она. – То, что должно спасти вас от отлучения, когда вы...

– Что – «когда я», матушка? – Ксерий нервно огляделся: их окружала небольшая толпа. Место было неподходящее для подобной беседы.

– Так вот почему вы отправили моего внука на смерть! – воскликнула она.

Ах, вот в чем истинная причина ее мятежного вмешательства! Ее любимый внучек, бедняжка Конфас, который в этот самый миг бродит с войсками где-то по степям Джюнати, разыскивая ужасных скульвендов. Это была Истрийя, которую Ксерий знал – и презирал: лишенная религиозных чувств, но одержимая мыслями о своем потомстве и судьбах дома Икуреев.

«Конфасу предстояло возродить Империю, верно, матушка? Меня ты не считала способным на подобные подвиги, так, старая сука?»

– Вы зарываетесь, Ксерий! Вы замахиваетесь на слишком многое!

– А-а, а я было на миг решил, будто вы поняли.

Он произнес это с небрежной уверенностью, но в глубине души во многом верил ей – верил настолько, что ему теперь требовалась добрая кварта неразбавленного вина, чтобы наконец уснуть. А тем более сегодня, после происшествия с воробьями...

– Я понимаю достаточно! – отрезала Истрийя. – Ваши воды не настолько глубоки, чтобы старая женщина не могла достать до дна, Ксерий. Вы надеетесь вытребовать подписи под своим договором не потому, что рассчитываете, будто кто-то из Людей Бивня и впрямь расстанется со своими завоеваниями, а потому, что собираетесь потом объявить войну им. При наличии договора вам не будет грозить отлучение, если вы завоюете мелкие, малонаселенные графства, которые наверняка возникнут после окончания Священной войны. Именно поэтому вы и отправили Конфаса на вашу так называемую карательную экспедицию против скульвендов. Ваш план требует сил, которые вы собрать не сможете, пока вам приходится охранять северные границы.

Его нутро скрутило от страха.

– Что, – злобно шипела она, – обдумывать свои планы во мраке собственной души – это одно дело, а слышать о них из чужих уст – совсем другое, верно, глупенький мальчик? Все равно что слушать, как пересмешник-попугай копирует твой голос. Тебе теперь это не кажется глупым, Ксерий? Не кажется безумным?

– Нет, матушка, – ответил он, сумев напустить на себя уверенный вид. – Всего лишь отважным.

– Отважным?! – возопила она так, будто это слово привело ее в бешенство. – Клянусь богами, как мне жаль, что я не удавила тебя в колыбели! Что за дурака я родила! Ты нас погубил, Ксерий! Разве ты не видишь? Никто, ни один верховный король киранейцев, ни один воплощенный император кенейцев ни разу не сумел одолеть скульвендов в их собственных землях! Это Народ Войны, Ксерий! Конфас теперь покойник! Цвет твоего войска погиб! Ксерий! Ксерий!!! Ты навлек гибель на всех нас!

– Нет, матушка, нет! Конфас заверил меня, что справится с ними. Он изучил скульвендов, как никто другой. Он знает все их слабости!

– Ксерий... Бедный мой дурачок, ну как же ты не видишь, что Конфас еще дитя? Блестящий, бесстрашный, прекрасный как бог, но все равно, он ребенок!..

Она схватилась за щеки и принялась раздирать себе лицо ногтями.

– Ты убил моего мальчика! – взывала она.

Ее рассуждения – а быть может, ее ужас – водопадом нахлынули на него. В панике Ксерий оглядел прочих присутствующих, увидел, что страх его матери отразился на всех лицах, и осознал, что страх этот появился уже давно. Они страшились не Икурея Ксерия III, а того, что он натворил!

«Неужели я погубил все?»

Он пошатнулся. Костлявые руки подхватили его, помогли удержаться на ногах. Скеаос. Скеаос! Он понимает, что сделал Ксерий. Он прозревал величие! Славу!

Ксерий стремительно развернулся, схватил Скеаоса за красиво уложенные складки одеяния и встряхнул так сильно, что знак советника, золотое око с ониксовым зрачком, отлетел и со звоном покатился по полу.

– Скажи мне, что ты видишь! – потребовал Ксерий. – Скажи!

Старик подхватил свое одеяние, чтобы не дать ему упасть, и послушно потупил глаза.

– В-вы поставили на кон все, о Бог Людей. Только после того, как выпадут кости, можно будет узнать, что произойдет.

Да! Вот оно!

«Только после того, как выпадут кости...»

Из глаз императора хлынули слезы. Он схватил советника за щеки, мимоходом удивившись тому, какая у него грубая кожа. Мать не сказала ему ничего нового. Он с самого начала знал, как много поставлено на кон. Сколько часов провел он наедине с Конфасом, строя планы! Сколько раз приходилось ему дивиться военному дарованию племянника! Никогда прежде не было у Империи такого главнокомандующего, как Икурей Конфас. Никогда!

«Он возьмет верх над скульвендами. Он посрамит Народ Войны!» Теперь Ксерию казалось, будто он знает это наперед с немыслимой уверенностью.

«Моя звезда входит в Блудницу, привязанная двойным предзнаменованием к Гвоздю Небес... Меня обделала птица!»

Император уронил руки на плечи Скеаоса и был поражен великодушием своего поступка. «Как он, должно быть, любит меня!» Он обвел взглядом Гаэнкельти, Нгарау и прочих, и внезапно причина их сомнений и страхов сделалась ему ясна, как никогда. Он обернулся к своей матери, которая теперь упала на колени.

– Вы – все вы, – вам кажется, будто вы видите перед собой человека, который сделал безумную ставку. Но люди слабы, матушка. Люди ненадежны.

Императрица устала на него. Сажа, которой были подведены ее глаза, размазалась от слез.

– А разве императоры – не люди, Ксерий?

– Жрецы, авгуры, философы – все учат нас, что видимое взору – не более чем дым. Человек, которым я являюсь, – всего лишь дым, матушка. Сын, которого вы родили на свет, – всего лишь моя маска, еще одно обличье, которое я принял посреди этого утомительного буйства крови и семени, что вы зовете жизнью. На самом же деле я – то, чем вы обещали мне, что я когда-нибудь стану! Император. Божественный. Не дым, но пламя!

Услышав это, Гаэнкельти пал на колени. После краткого колебания его примеру последовали и остальные. Но Истрия ухватила за руку своего евнуха и поднялась на ноги, не сводя с Ксерия пристального взгляда.

– А если Ксерий погибнет в этом дыму, а, Ксерий? Если из дыма появятся скульвенды и потушат это твое «пламя» – что тогда?

Он изо всех сил постарался взять себя в руки.

– Ваш конец близок, и вы цепляетесь за дым, оттого что боитесь, что, кроме дыма, на самом деле ничего нет. Вы боитесь, матушка, оттого что вы стары, а ничто не ослепляет, не сбивает с толку сильнее страха.

Истрия посмотрела на него свысока.

– Мои годы – это мое личное дело. Я не нуждаюсь в том, чтобы всякие глупцы напоминали мне о моем возрасте.

– Ну конечно. Полагаю, ваши груди и так не дают вам забыть о нем.

Истрия завизжала и набросилась на него, как бывало в детстве. Но великан-евнух, Писатул, удержал императрицу, перехватив ее запястья своими ручищами, и покачал бритой башкой в испуганном ошеломлении.

– Надо было тебя убить! – верещала императрица. – Придушить твоей собственной пуповиной!

Ксерия ни с того ни с сего разобрал смех. Трусливая старуха! Впервые в жизни она казалась ему обыкновенной бабой, не имеющей ничего общего с обычно присущим ей образом неукротимой и всеведущей властительницы. Его мать выглядела попросту жалко! Ради этого, пожалуй, стоило лишиться империи!

– Уведи императрицу в ее покои, – велел Ксерий великану. – И распорядись, чтобы ее осмотрели мои врачи.

Евнух на руках унес с террасы шипящую и вырывающуюся императрицу. Ее пронзительные вопли затерялись в коридорах огромных Андияминских Высот.

Роскошные краски заката потускнели, сменившись бледными сумерками. Солнце, облаченное в пурпурную мантию облаков, наполовину село. Несколько секунд Ксерий просто стоял, тяжело дыша, ломая пальцы, чтобы успокоить бившую его дрожь. Придворные боязливо наблюдали за ним краем глаза. Стадо!

Наконец Гаэнкельти, более откровенный, чем прочие, благодаря своему норсирайскому происхождению, нарушил молчание:

– Бог Людей, могу ли я спросить?

Ксерий нетерпеливо махнул рукой в знак согласия.

– Императрица, Бог Людей... То, что она говорила...

– Ее страхи не лишены оснований, Гаэнкельти. Она просто высказала ту правду, что прячется во всех наших сердцах.

– Но она угрожала убить вас!

Ксерий с размаху ударил капитана по лицу. Белокурый воин на миг стиснул кулаки, но тут же разжал их и яростно уставился в ноги Ксерию.

– Прошу прощения, Бог Людей. Я просто опасался за...

– Нечего опасаться, – перебил Ксерий. – Императрица стареет, Гаэнкельти. Ход времени унес ее далеко от берега. Она попросту утратила ориентацию.

Гаэнкельти рухнул наземь и крепко поцеловал правое колено Ксерия.

– Довольно! – сказал Ксерий, поднимая капитана на ноги. Он на миг задержал пальцы на роскошных голубых татуировках, оплетающих предплечья воина. Глаза у него горели. Голова гудела. Но чувствовал он себя на удивление спокойно.

Он обернулся к Скеаосу.

– Кто-то принес тебе послание, старый друг. Что это было, вести о Конфасе?

Безумный вопрос, но на удивление тривиальный, если задаешь его, когда нечем дышать.

Советник ответил не сразу. У императора вновь затряслись руки.

«Молю тебя, Сейен! Прошу тебя!»

– Нет, о Бог Людей.

Головокружительное облегчение. Ксерий едва не пошатнулся снова.

– Нет? А что же тогда?

– Фаним прислали своего эмиссара в ответ на вашу просьбу о переговорах.

– Хорошо... Очень хорошо!

– Но это не простой эмиссар, Бог Людей.

Скеаос облизнул свои тонкие старческие губы.

– Это кишаурим. Фаним прислали кишаурима.

Солнце село, и, казалось, всякая надежда угасла вместе с ним.

В тесном дворике, который Гаэнкельти выбрал для встречи, точно лохмотья на ветру, трепалось клочьями пламя факелов. Окруженный карликовыми вишнями и плакучими остролистами, Ксерий крепко стиснул свою хору, так, что захрустели костяшки пальцев. Он обводил взглядом мрак примыкающих к дворiku галерей, бессознательно подсчитывая своих людей, еле видных во мраке. Обернулся к тощему колдуну, стоявшему по правую руку, Кемемкетри, великому магистру его Имперского Сайка.

– Тебе этого достаточно?

– Более чем достаточно, – негодующим тоном отозвался Кемемкетри.

– Не забывайте, великий магистр! – одернул его Скеаос, стоявший по левую руку от Ксерия. – Император задал вам вопрос!

Кемемкетри напряженно, словно бы нехотя склонил голову. В его больших влажных глазах отражались двойные языки пламени.

– Нас здесь трое, о Бог Людей, и дюжина арбалетчиков, все при хорах.

Ксерий поморщился.

– Всего трое? То есть ты и еще двое?

– Тут уж ничего не поделаешь, о Бог Людей.

– Разумеется.

Ксерий подумал о хоре в своей правой руке. Он легко мог унижить надменного мага одним лишь прикосновением, но тогда их останется только двое. Как он презирал и ненавидел колдунов! Почти так же, как необходимость пользоваться их услугами.

– Идут! – шепнул Скеаос.

Ксерий стиснул хору еще сильнее, вырезанные на ней письма обожгли ему ладонь.

Во двор вступили два эотских гвардейца, вооруженные не столько мечами, сколько лампами. Они встали по обе стороны бронзовых дверей, и между ними появился Гаэнкельти, все еще не снявший церемониального доспеха, а следом за Гаэнкельти – человек, закутанный в черное холщовое одеяние с капюшоном. Капитан подвел посланца к нужному месту – туда, где смыкались и пересекались круги света от четырех факелов. Несмотря на яркий свет, Ксерию были видны лишь губы посланца да левая щека, наполовину закрытая капюшоном.

Кишаурим... Для нансурцев не было слова ненавистнее – разве что скюльвенды. Нансурских детей – даже детей императора – воспитывали на страшных сказках о языческих кол-

дунах-жрецах, об их развратных обрядах и бесконечном могуществе. Само это слово пробуждало ужас в душе нансурца.

Ксерий попытался перевести дыхание. «Зачем они прислали кишаурима? Чтобы убить меня?»

Посланец откинул капюшон, расправив его по плечам. Потом отпустил руки – и черный балахон упал наземь, открывая взору длинную шафрановую рясу. Выбритая голова была бледной – ужасающе бледной, – а самой приметной чертой лица были пустые черные глазницы. Безглазые лица всегда пугали Ксерия: они напоминали о черепе, скрывающемся за каждым живым человеческим лицом, – но сознание того, что человек этот, несмотря ни на что, все же способен видеть, болезненно сдавило горло. Ксерий сглотнул – не помогло. Как и рассказывали ему наставники в детстве, вокруг шеи кишаурима обвилась змея – шайгекский соляной аспид, черный, блестящий, словно намазанный маслом. Мелькающее жало и глазки, заменявшие жрецу его собственные глаза, покачивались рядом с его правым ухом. Незрячие провалы уставились прямо на Ксерия, в то время как змеиная головка ворочалась из стороны в сторону, медленно озирая дворик, методично пробуя на вкус воздух.

– Ты его видишь, Кемемкетри? – прошипел еле слышно Ксерий. – Ты видишь знак его колдовства?

– Я ничего не вижу, – откликнулся великий магистр. Его голос был напряженным: он боялся, что его услышат.

Глазки змеи на миг задержались на темных галереях, обрамлявших дворик, будто оценивали опасность, таящуюся во мраке. А потом змея, точно рулевое весло на хорошо смазанной уключине, плавно развернулась и уставилась на Ксерия.

– Я – Маллахет, – сказал кишаури на безупречном шейском, – приемный сын Кисмы из племени Индара-Кишаури.

– Ты – Маллахет?! – воскликнул Кемемкетри.

Очередное нарушение этикета: Ксерий не давал ему дозволения заговорить.

– А ты – Кемемкетри.

Безглазое лицо склонилось, но голова змеи застыла неподвижно.

– Встреча со старым врагом – большая честь для меня.

Ксерий ощутил, как напрягся великий магистр.

– Ваше величество, – чуть слышно прошептал Кемемкетри, – вам необходимо уйти! Немедленно! Если это и впрямь Маллахет, вам грозит серьезная опасность. Не только вам, но и всем нам!

Маллахет... Ксерий уже слышал это имя прежде, на одном из совещаний Скеаоса. Тот, чьи руки в шрамах, как у скульвенда...

– Так значит, троих недостаточно? – отозвался Ксерий, почему-то ободренный страхом своего великого магистра.

– Среди кишаури Маллахет – второй после Сеоакти! И то лишь потому, что закон их пророка запрещает не кианцу занимать должность ересиарха. Сами кишаури страшатся его могущества!

– Великий магистр прав, о Бог Людей, – вполголоса добавил Скеаос. – Вам немедленно нужно удалиться. Позвольте мне вести переговоры вместо вас...

Но Ксерий не обратил внимания на их речи. Как они могут быть столь малодушны, когда сами боги хранят эту их встречу?

– Приятно познакомиться, Маллахет, – сказал он, сам удивляясь, как ровно звучит его голос.

После краткого молчания Газнкельти рявкнул:

– Вы находитесь в присутствии Икурея Ксерия III, императора нансурцев! Преклоните колени, Маллахет.

Кишаурим повел пальцем, и аспид у него на шее насмешливо качнулся в такт.

– Фаним не преклоняют колен ни перед кем, кроме Единого, Бога-в-Одиночестве.

Гаэнкельти, то ли машинально, то ли из невежества, замахнулся кулаком, собираясь ударить посланца. Ксерий успел остановить его, вытянув руку.

– Для такого случая мы, пожалуй, отбросим придворный этикет, капитан, – промолвил он. – Язычники и так скоро склонятся предо мной.

Он накрыл кулак, сжимавший хору, ладонью другой руки, повинуюсь бессознательному стремлению скрыть хору от глаз змеи.

– Ты пришел, чтобы вести переговоры? – спросил он у кишаурина.

– Нет.

Кемемкетри процедил сквозь зубы казарменное ругательство.

– Зачем же ты пришел?

– Я пришел, император, чтобы вы могли вести переговоры с другим.

Ксерий удивленно моргнул.

– С кем?

На миг показалось, будто со лба кишаурина сверкнул сам Гвоздь Небес. Потом из тьмы галерей послышались крики, и Ксерий вскинул руки, пытаясь защититься.

Кемемкетри забормотал что-то невнятное, настолько невнятное, что голова кружилась. Вокруг них взметнулся шар, состоящий из призрачных языков синего пламени.

Ничего не случилось. Кишаурим стоял так же неподвижно, как прежде. Глаза аспиды сверкали, точно раскаленные уголья.

И тут Скеаос ахнул:

– Его лицо!

Поверх подобного черепу лица Маллахета, словно прозрачная маска, возникло иное лицо: седовласый кианский воин, чьи ястребиные черты все еще хранили отпечаток пустыни. Из пустых глазниц кишаурина на императора оценивающе уставились живые глаза, а с подбородка свисала полупризрачная козлиная борода, заплетенная по обычаю кианской знати.

– Скаур! – сказал Ксерий.

Он никогда прежде не встречал этого человека, но каким-то образом понял, что видит перед собой сапатишаха, правителя Шайгека, подлого язычника, чьи нападения южные колонны отражали уже более четырех десятилетий.

Призрачные губы зашевелились, но все, что услышал Ксерий, – это далекий голос, произносящий незнакомые слова с певучей кианской интонацией. Потом настоящие губы под ними тоже открылись:

– Ты угадал верно, Икурей. Тебя я знаю в лицо по вашим монетам.

– И в чем же дело? Падираджа прислал говорить со мной одного из своих псов-сапатишахов?

Снова пугающий разрыв в движении лиц и звучании голосов.

– Ты не достоин падираджи, Икурей. Я и в одиночку могу переломить твою империю об колено. Скажи спасибо, что падираджа благочестив и соблюдает условия договоров.

– Теперь, когда шрайей стал Майтанет, все наши договоры подлежат пересмотру, Скаур.

– Тем больше причин у падираджи пренебрегать тобою. Ты сам подлежишь пересмотру.

Скеаос наклонился к уху императора и прошептал:

– Спросите, зачем тогда все это представление, если вы теперь не в счет. Язычники устремились, о Бог Людей. Это единственная причина, отчего они явились к вам таким образом.

Ксерий улыбнулся, убежденный, что старый советник лишь подтвердил то, что он и так знал.

– Но если это так, для чего тогда все эти из ряда вон выходящие меры, а? Для чего отправлять ко мне посланцем лучшего из лучших?

– Из-за Священной войны, которую собираются развязать против нас ты и твои собраты-идолопоклонники. Отчего же еще?

– И оттого, что вы знаете: Священная война – мое оружие.

Гневное лицо искривилось в улыбке, и до Ксерия донесся далекий смех.

– Ты перехватишь у Майтанета Священную войну, да? Сделаешь из нее огромный рычаг, которым ты перевернешь века поражений? Нам известно о твоих мелких потугах связать идолопоклонников договором. Знаем мы и о войске, которое ты отправил против скульвендов. Дурацкие уловки – все до единой.

– Конфас обещал, что уставит дорогу от степей до моих ног кольями с головами скульвендов.

– Конфас обречен. Ни у кого не хватит хитрости и мощи на то, чтобы одолеть скульвендов. Даже у твоего племянника. Твое войско и твой наследник погибли, император. Падаль. Если бы на твоих берегах не собралось такое количество айнрити, я бы прямо сейчас отправился к тебе и заставил вкусить моего меча.

Ксерий сильнее сжал хору, чтобы сдерживать дрожь. Ему представился Конфас, истекающий кровью у ног какого-нибудь дикого разбойника-скульвенда. Зрелище было ужасным, но император помимо своей воли испытал наслаждение. «Тогда у матушки останусь только я...»

Снова Скеаос шепчет на ухо.

– Он лжет, чтобы запугать вас. Мы только сегодня утром получили вести от Конфаса, и все было в порядке. Не забывайте, о Бог Людей, не прошло и восьми лет, как скульвенды наголову разбили самих кианцев. Скаур потерял в том походе трех сыновей, включая старшего, Хасджиннета. Постарайтесь раздражить его, Ксерий! В гневе люди часто совершают ошибки.

Но он, разумеется, уже думал об этом.

– Ты льстишь себе, Скаур, если ты думаешь, будто Конфас так же глуп, как Хасджиннет. Нематериальные глаза поверх пустых глазниц моргнули.

– Битва при Зиркирте была для нас большим горем, это верно. Но скоро ты и сам испытаешь подобное. Ты пытаешься уязвить меня, Икурей, но на самом деле лишь пророчишь собственное падение.

– Нансурия несла и более тяжкие потери – и тем не менее выжила! – ответил Ксерий. «Но Конфас не может потерпеть поражение! Знаменья!»

– Ну ладно, ладно, Икурей. Так и быть, соглашусь. Бог-в-Одиночестве знает: вы, нансурцы, народ упрямый. Я, пожалуй, даже соглашусь, что Конфас может одержать победу там, где мой сын проиграл. Не стану недооценивать этого факира. Он ведь провел четыре года у меня в заложниках, не забывай! И тем не менее все это не сделает Священную войну Майтанета твоим оружием. Тебе нечем поразить нас.

– Есть чем, Скаур. Люди Бивня не ведают о твоём народе ничего – еще меньше, чем Майтанет. Когда они поймут, что воюют не только против тебя, но и против твоих кишаурим, их военачальники подпишут мой договор. Для Священной войны нужна школа, а у меня эта школа как раз имеется.

Бесплотные губы растянулись в улыбке поверх неподвижного рта Маллахета.

Снова странный, далекий голос:

– Хеша? Эйору Сайка? Матанати ескути ках...

– Что? Имперский Сайк? Ты думаешь, твой шрайя уступит тебе Священную войну в обмен на Имперский Сайк? Майтанет, видно, повиыдержал все твои глаза в Тысяче Храмов, а? Что ты видишь, Икурей? Видишь ли ты наконец, как быстро утекает песок из-под твоих ног?

– Что ты имеешь в виду?

– Даже нам известно о планах твоего проклятого шрайи больше, чем тебе.

Ксерий покосился на Скеаоса, увидел, что его морщинистый лоб омрачен скорее тревогой, нежели расчетами... Что происходит?

«Скеаос! Что мне говорить? Что он имеет в виду?»

– Что, Икурей, язык проглотил? – насмешливо окликнул его заемный голос Маллахета. – Так вот, на, подавись: Майтанет подписал пакт с Багряными Шпилями! Багряные маги уже готовятся присоединиться к Священному воинству. Школа у Майтанета уже есть, и такая школа, по сравнению с которой твой Имперский Сайк – ничто, как по численности, так и по могуществу. Так что ты уже сброшен со счетов.

– Это невозможно! – воскликнул Скеаос.

Ксерий стремительно развернулся к старому советнику, ошеломленный его дерзостью.

– В чем дело, Икурей? Ты позволяешь своим псам выть у тебя за столом?

Ксерий понимал, что ему следует разгневаться, но подобная выходка со стороны Скеаоса была... беспрецедентной.

– Да он лжет, Бог Людей! – воскликнул Скеаос. – Это всего лишь уловка язычника, стремящегося добиться уступок...

– Для чего бы им лгать? – перебил Кемемкетри, не желавший упускать случая усть своего старого врага. – Уж не предполагаешь ли ты, будто язычники хотят, чтобы мы руководили Священной войной? Или ты думаешь, что они предпочтут вести переговоры с Майтанетом?

Они что, забыли о том, что здесь их император?! Они говорят так, будто он – всего лишь фикция, сделавшаяся бесполезной! «Они полагают, будто я не имею значения?!»

– Нет! – возразил Скеаос. – Они знают, что Священная война – наша, но хотят, чтобы мы думали, будто это не так!

Внутри Ксерия разворачивалась холодная ярость. Ох, и крику будет сегодня вечером!

Но тут оба либо опомнились, либо почувяли, что Ксерий не в духе, и внезапно умолкли. Пару лет тому назад ко двору приезжал зеумец, который развлекал императора дрессированными тиграми. Потом Ксерий спросил, как ему удастся управлять такими свирепыми зверями с помощью одного только взгляда.

– Это потому, – ответил чернокожий гигант, – что в моих глазах они видят свое будущее!

– Ты уж прости моих слуг за излишнее рвение, – сказал Ксерий призраку на лице кишаурима. – Я-то их не прощу, можешь мне поверить.

Лицо Скаура на миг исчезло, потом возникло вновь, словно собеседник кивнул, убрав лицо из-под невидимого луча света. Ох, как, должно быть, смеялся над ними этот старый волк! Ксерий словно наяву представил себе, как он будет забавлять падираджу рассказами о раздорах при дворе императора.

– Что ж, я буду их оплакивать, – отозвался сапатишах.

– Побереги слезы для своих сородичей, язычник! Кому бы ни принадлежало руководство Священной войной, тебе все равно конец!

Фаним в самом деле были обречены. Несмотря на то что Кемемкетри проявил вопиющую непочтительность, он говорил правду. Падираджа предпочтет, чтобы Священная война была в его руках. С фанатиками договориться невозможно.

– О-о, сильно сказано! Наконец-то я говорю с императором нансурцев. Тогда ответь мне, Икурей Ксерий III, – что ты можешь предложить теперь, когда оба мы оказались в невыгодном положении?

Ксерий помолчал, поглощенный лихорадочными расчетами. Он всегда соображал лучше всего, когда сердился. В голове крутились возможные варианты. Большинство основывалось на том, что Майтанет дьявольски хитер. Он подумал о Кальмемунисе и его ненависти к кузену, Нерсею Проиасу, наследнику конрийского трона...

И тут он все понял.

– Для Людей Бивня ты и твои люди – не более чем священные жертвы, сапатишах. Они говорят и ведут себя так, словно их победа уже предначертана в писании. Быть может, наступит время, когда они научатся уважать вас не меньше, чем мы.

– Шрай лаксара ках.

– Ты имеешь в виду – бояться.

Теперь все зависело от его племянника, там, далеко на севере. Более чем когда-либо. «Знамения...»

– Я сказал – уважать.

Глава 6 Степи Джиюнати

«Сказано: человек рождается от матери и мать вскармливает его. Потом он кормится от земли, и земля проходит сквозь него, каждый раз отдавая и забирая щепотку пыли, пока наконец человек становится не частью матери, но частью земли».

Скюльвендская поговорка

«...А на древнейшем, языке правящих и жреческих каст Нансуриш, «скильвена» значит «катастрофа» или «катаклизм», как будто скюльвенды каким-то образом стали в истории больше, чем просто народом, – они сделались принципом».

Друз Ахкеймион, «Компендиум Первой Священной войны»

Начало лета, 4110 год Бивня, степи Джиюнати

Найюр урс Скиоата нашел короля племен и остальных вождей на гребне холма, откуда открывался вид на горы Хетанты и лагерь нансурской армии внизу. Найюр остановил своего серого и принялся рассматривать их издали. Сердце колотилось, как будто кровь загустела в жилах. На миг он почувствовал себя мальчишкой, которого старшие братья и их вредные дружки прогнали от себя прочь. Ему чудилось, будто до него доносятся насмешливые замечания.

«Зачем так меня позорить?»

Но Найюр был отнюдь не ребенок, а знатный вождь утематов, закаленный скюльвендский воитель более чем сорока пяти лет от роду. Он владел восемью женами, двадцатью тремя рабами и тремя с лишним сотнями голов скота. Тридцать семь сыновей породил он, и девятнадцать из них – чистой крови. Руки его были исполосованы свазондами, ритуальными победными шрамами, которые напоминали о двух с лишним сотнях убитых врагов. Он был Найюр, укротитель коней и мужей.

«Я могу убить любого из них, растереть их в кровавую кашу – а они меня так оскорбляют! Что я им сделал?»

Но он знал ответ, как и любой убийца. Его оскорблял не сам факт бесчестия, а то, что им об этом известно.

Взошедшее солнце полыхнуло меж одетых снегом пиков, омыло собравшихся вождей бледным утренним золотом. Они выглядели как воины из разных веков и народов, несмотря на то что все ветераны битвы при Зиркирте носили остроконечные кианские боевые шапки. Одни были одеты в старинные чешуйчатые доспехи, другие – в кольчуги и кирасы из самых разных краев – все боевые трофеи, снятые с давно погибших айнритских князей и знатных воинов. Лишь руки в шрамах, каменные лица да длинные черные волосы выдавали их принадлежность к Народу – к скульвендам.

Ксуннурит, выборный король племен, сидел посередине. Левой рукой он властно упирался в бедро, правую же вскинул, указывая вдаль. Словно повинуясь его указанию, стоявший рядом всадник поднял свой лук – изломанный полумесяц. Найюр заметил, как проплыла по небу березовая стрела, увидел, как она канула в травы на полпути к реке. Он понял, что вожди меряют расстояние, а это могло означать лишь одно: они готовились к атаке.

«И без меня!» А вдруг они просто забыли?

Найюр выругался и направил коня в их сторону. Он не отрываясь смотрел на восток, чтобы не унижаться, глядя в насмешливые лица. Река Кийут вилась по дну долины, черная везде, кроме перекатов, подернутых морозной пеной. Даже отсюда были видны нансурские войска, кишачие на берегах, рубящие оставшиеся тополя, утаскивающие стволы на запряженных лошадьми волокушах. Имперский лагерь, обнесенный земляным валом и частоколом, лежал примерно в миле от реки: огромный вытянутый прямоугольник, сплошь палатки да повозки, под горой, которая в легендах звалась Сактута, «два быка».

Три дня тому назад это зрелище ошеломило и ужаснуло Найюра. Уже само вторжение нансурцев на эту землю было возмутительным, но вбивать тут столбы и возводить стены?!

Но теперь вид лагеря не вызывал никаких чувств – одни только предчувствия.

Оскалив зубы, он влетел в самую гущу своих братьев-вождей.

– Ксуннурит! – взревел он. – Почему меня не позвали?

Король племен выругался и развернул своего чалого, чтобы оказаться лицом к Найюру. Утренний ветерок шевелил лисий мех, которым была обшита его кианская боевая шапка. Ксуннурит смерил Найюра взглядом, не скрывая презрения, и процедил:

– Тебя звали, как и остальных, утемот!

Найюр впервые встретился с Ксуннуритом всего пять дней тому назад, вскоре после того, как прибыл сюда со своими воинами-утемотами. Они невзлюбили друг друга с первого взгляда, точно двое парней, ухаживающих за одной и той же красоткой. Найюр не сомневался, что Ксуннурит презирает его из-за слухов о позорной смерти отца, хотя с тех пор прошло уже много лет. Причин собственной ненависти к Ксуннуриту Найюр сам не понимал. Возможно, он просто платил враждой за вражду. Возможно, он презирал Ксуннурита за шерстяную тунику с шелковым подбоем и самодовольную улыбочку, которая не сходила с уст короля племен. Ненависть не нуждалась в причинах, тем более что причин было много и найти их не составляло труда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.